

«Всеобъемлющая картина современных споров о вере для тех, кто сомневается, и тех, кто хочет понимать причины своей веры».

Publishers Weekly

Т И М О Т И К Е Л Л Е Р

РАЗУМ ЗА БОГА

ПОЧЕМУ
СРЕДИ
УМНЫХ
ТАК
МНОГО
ВЕРУЮЩИХ

Такие книги, как эта, сегодня закладывают основу для того, как будут говорить о религии завтра. Автор собрал все главные претензии современной культуры к христианству, чтобы последовательно рассмотреть их в своей книге: вызовы нового атеизма, сосуществование разных религий, проблема фанатизма и экстремизма верующих, преступления церкви, стремительное развитие науки и технологий против традиционных представлений о Боге. Неудивительно, что книга так быстро стала бестселлером на Западе: в ней собраны все самые интересные и авторитетные подходы и идеи о вере в Бога – и верующие, и противники религии найдут в ней незаменимое подспорье в поиске ответов на главные вопросы нашей жизни.

- [Тимоти Келлер](#)

- [Вступление](#)

- [Оба противника правы](#)
- [Два лагеря](#)
- [Взгляд из Манхэттена](#)
- [Разделенная культура](#)
- [Сомнение: второй взгляд](#)
- [Третий духовный путь?](#)
- [Иисус и наши сомнения](#)
- [Примечания](#)

- [Часть 1](#)

- [1. Только одной истинной религии быть не может](#)
 - [1. Религия вне закона](#)
 - [2. Осуждение религии](#)
 - [3. Сохранение религии в рамках частной жизни](#)
 - [Христианство может спасти мир](#)
 - [Примечания](#)
- [2. Как мог добрый Бог допустить страдания?](#)
 - [Зло и страдания вовсе не свидетельствуют против Бога](#)
 - [Сравнение Иисуса с мучениками](#)
 - [Страдания Бога](#)
 - [Искушение и страдание](#)
 - [Воскресение и страдания](#)
 - [Примечания](#)
- [3. Христианство – смирительная рубашка](#)
 - [Истина неопровержима](#)
 - [Сообщество не может охватывать всех](#)
 - [Христианству не свойственна культурная категоричность](#)
 - [Свобода – это не так просто](#)
 - [Любовь, предельная свобода, ограничивает сильнее, чем можно подумать](#)
 - [Примечания](#)
- [4. Церковь несет ответственность за множество несправедливостей](#)

-
- [Недостатки характера](#)
- [Религия и насилие](#)
- [Фанатизм](#)
- [Библейская критика религии](#)
- [Правосудие именем Иисуса](#)
- [Примечания](#)
- [5. Как может любящий Бог отправлять людей в ад?](#)
 -
 - [Бога Судии просто не может быть](#)
 - [Бог Судия не может быть любящим Богом](#)
 - [Любящий Бог не допустил бы существование ада](#)
 - [Ад и равенство людей](#)
 - [«Я верю в любящего Бога»](#)
 - [Примечания](#)
- [6. Наука опровергла христианство](#)
 -
 - [Разве с научной точки зрения чудеса возможны?](#)
 - [Разве наука не вступает в конфликт с христианством?](#)
 - [Разве теория эволюции не опровергает Библию?](#)
 - [Исцеление мира](#)
 - [Примечания](#)
- [7. Библию нельзя понимать буквально](#)
 -
 - [«Библии как историческому источнику нельзя доверять»](#)
 - [Библия, заслуживающая доверия, или «степфордский Бог»?](#)
 - [Примечания](#)
- [Интермедия](#)
 -
 - [Какое христианство?](#)
 - [Какая рациональность?](#)
 - [Бог-драматург](#)
 - [Примечания](#)
- [Часть 2](#)
 - [8. Подсказки Бога](#)
 -
 - [Таинственный взрыв](#)
 - [Космическая ковровая дорожка](#)
 - [Упорядоченность природы](#)
 - [Красота как намек](#)
 - [Нейтрализатор намеков](#)
 - [Нейтрализатор намеков на самом деле сам является намеком](#)
 - [Помимо намеков](#)
 - [Примечания](#)
 - [9. Знание о Боге](#)
 -
 - [Мораль в свободном полете](#)

- [Понятие морального долга](#)
- [Эволюционная теория морального долга](#)
- [Проблема морального долга](#)
- [Трудный вопрос прав человека](#)
- [Внушительное «Это кто сказал?»](#)
- [Жестокость природы как аргумент в пользу Бога](#)
- [Бесконечная и бессмысленная тяжба о существовании](#)
- [Примечания](#)
- [10. Проблема греха](#)
 -
 - [Грех и надежда человека](#)
 - [Значение греха](#)
 - [Личные последствия греха](#)
 - [Социальные последствия греха](#)
 - [Космические последствия греха](#)
 - [Что можно исправить?](#)
 - [Примечания](#)
- [11. Религия и благая весть](#)
 -
 - [Два вида эгоизма](#)
 - [Вред фарисейства](#)
 - [Отличие благодати](#)
 - [Угроза благодати](#)
 - [Примечания](#)
- [12. \(Истинная\) история креста](#)
 -
 - [Первая причина: истинное прощение – дорогостоящее страдание](#)
 - [Прощение Божье](#)
 - [Вторая причина: подлинная любовь – личный обмен](#)
 - [Великая перестановка](#)
 - [Рассказ о кресте](#)
 - [Примечания](#)
- [13. Реальность воскресения](#)
 -
 - [Пустой гроб и свидетели](#)
 - [Воскресение и бессмертие](#)
 - [Стремительное распространение новых взглядов](#)
 - [Проблема воскресения](#)
 - [Примечания](#)
- [14. Танец Бога](#)
 -
 - [Божественный танец](#)
 - [Танец любви](#)
 - [Танец сотворения](#)
 - [Утрата танца](#)
 - [Возвращение в танец](#)
 - [Будущее танца](#)

- [Христианская жизнь](#)
- [Примечания](#)
- [Эпилог](#)
 - [Исследование собственных мотивов](#)
 - [Подсчет затрат](#)
 - [Составление списка](#)
 - [Сделать первый шаг](#)
 - [Преданность сообществу](#)
 - [Травма благодати](#)
 - [Примечания](#)
- [Благодарности](#)
- [Об авторе](#)
- [Указатель имен](#)
 - [А](#)
 - [Б](#)
 - [В](#)
 - [Д](#)
 - [Е](#)
 - [З](#)
 - [И](#)
 - [К](#)
 - [Л](#)
 - [М](#)
 - [Н](#)
 - [О](#)
 - [П](#)
 - [Р](#)
 - [С](#)
 - [Т](#)
 - [У](#)
 - [Ф](#)
 - [Х](#)
 - [Ч](#)
 - [Ш](#)
 - [Э](#)
 - [Ю](#)
 - [Я](#)
- [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [7](#)
 - [8](#)

- [9](#)
 - [10](#)
 - [11](#)
 - [12](#)
 - [13](#)
 - [14](#)
-

Тимоти Келлер

Разум за Бога: Почему среди умных так много верующих

Посвящается доблестной Кэти

«Меня тревожит ваш недостаток веры».

Дарт Вейдер

Оба противника правы

Либерализм и консерватизм в их общепринятом понимании в настоящее время разделяет пропасть. Каждая сторона требует не только не соглашаться с противоположной, но и презирать ее доводы как бред (в лучшем случае) или зло (в худшем). Это особенно справедливо в тех случаях, когда предметом обсуждения становится религия. Прогрессивные силы во всеуслышание объявляют, что фундаментализм стремительно развивается, и клеймят неверие. Они указывают, что при поддержке мегацерквей и мобилизованных ортодоксальных верующих политики склоняются к правым взглядам. Консервативные силы без устали разоблачают общество, в котором, по их мнению, нарастают скептические и релятивистские настроения. Они напоминают, что культуру контролируют крупные университеты, медиакомпании и элитные учреждения, которым присущ сугубо светский характер.

Так что из этого – скептицизм или вера – на взлете в современном мире? И то, и другое. Оба противника правы. Власть и влияние скептического отношения, страха и гнева, направленных на традиционную религию, постоянно усиливаются. И одновременно укрепляется стойкая, ортодоксальная вера в традиционном понимании этого слова.

Кое-где в научном мире крепнет религиозная вера

Доля населения, не посещающего церковь, в США и Европе неуклонно растет¹. Численность американцев, выбирающих в ходе опросов ответ «нет религиозных предпочтений», за последнее десятилетие удвоилась и даже утроилась². Столетие назад большинство университетов США перешло с официального христианского фундамента на подчеркнуто светский³. В результате те, кто придерживается традиционных религиозных убеждений, не находят точки опоры ни в одном из учреждений, обладающих культурным авторитетом. Но несмотря на то, что все больше людей признаются в отсутствии «религиозных предпочтений», некоторые церкви, поощряющие явно устаревшие представления о непогрешимости Библии и чудесах, постепенно набирают вес в США и бурно развиваются в Африке, Латинской Америке и в Азии. Даже во многих странах Европы наблюдается некоторый рост посещаемости церкви⁴. Несмотря на секуляризм большинства университетов и колледжей, кое-где в научном мире религиозная вера даже крепнет. По оценкам, 10–25 % всех преподавателей философии в стране – ортодоксальные христиане, а всего 30 лет назад таковых насчитывалось менее 1 %⁵. Вероятно, видный ученый Стенли Фиш обратил внимание на эту тенденцию, когда сообщал: «После смерти Жака Деррида [в ноябре 2004 года] мне позвонил журналист, который хотел узнать, что сменит высокую теорию и триумvirат расы, гендера и класса в центре интеллектуальной энергии академии. Я ответил не задумываясь: религия»⁶.

Короче говоря, мир поляризуется вокруг религии. Он становится одновременно более религиозным и менее религиозным. Некогда считалось обоснованным мнение, будто бы секулярные европейские страны – предвестники для остального мира. Предполагалось, что религия избавится от своих более стойких, сверх-натуралистских форм или окончательно вымрет. Но теории, согласно которым технический прогресс сопровождается неизбежной секуляризацией, в настоящее время признаны несостоятельными или подверглись радикальному переосмыслению⁷. Даже Европе небезразлично светское будущее при умеренном росте христианства и росте ислама в геометрической прогрессии.

Об этом двояком явлении я сужу с необычной точки зрения. Меня воспитали в традициях основного течения в Лютеранской церкви, в Восточной Пенсильвании. В начале 60-х годов XX века в подростковом возрасте я стал посещать класс конфирмации – двухлетний курс, в котором рассматривались христианские убеждения, практические аспекты веры и теория. Целью преподавателей курса было помочь молодежи полнее понять смысл веры, чтобы во всеуслышание принять ее. В первый год моим преподавателем был священник, вышедший на пенсию. Весьма консервативный во взглядах, он часто поминал адские муки и говорил о необходимости большей веры. Но на второй год курса нашим преподавателем стал молодой священник, недавний выпускник семинарии. Он был общественным деятелем, его переполняли глубокие сомнения, связанные с традиционным христианским учением. Это было почти все равно что получать наставления по двум разным религиям. В первый год мы предстали перед святым и справедливым Богом, отвести гнев которого можно лишь ценой немалых усилий. Во второй год мы услышали о духе любви во вселенной, который требовал, в основном, чтобы мы боролись за права человека и освобождение угнетенных. Больше всего мне хотелось спросить у наставников: «Кто из вас лжет?» Но четырнадцатилетние подростки не настолько дерзки, и я держал язык за зубами.

Позднее моя семья обрела себя в посещениях более консервативной церкви небольшой методистской конфессии. На протяжении нескольких лет эта церковь укрепляла «пласт адского пламени» в напластовании моего религиозного опыта, хотя и пастор, и прихожане сами по себе были на редкость добродушными людьми. Затем я отправился учиться в один из прекрасных, либеральных, маленьких университетов северо-востока страны, где геенну огненную в моем воображении быстро погасили.

Христианство казалось мне на редкость искусственным и нереальным

Кафедры истории и философии были социально радикализированными и заметно подверженными влиянию неомарксистской критической теории франкфуртской школы. В 1968 году это была гремучая смесь. Особенно привлекала социальная активность, критика американского буржуазного общества звучала убедительно, но ее философское обоснование ставило меня в тупик. Казалось, передо мной два лагеря, и в каждом чувствуется нечто радикально неверное. Люди, страстно увлеченные социальной справедливостью, были нравственными релятивистами, в то время как нравственно непреклонных ничуть не занимало угнетение во всем мире. Эмоционально меня тянуло к первым – а кого бы не тянуло к ним в юности? Свободу угнетенным, и можно спать с кем захочешь! Но я продолжал задавать себе вопрос: «Если нравственность относительна, почему с социальной справедливостью дело обстоит иначе?» В словах моих профессоров и их сторонников чувствовалась вопиющая непоследовательность. Вместе с тем я видел и неприкрытое противоречие в учении традиционных церквей. Как я мог вернуться в лоно ортодоксального христианства, если оно поддерживало сегрегацию в южных штатах и апартеид в Южной Африке? Христианство начинало казаться мне на редкость искусственным, нереальным, но я не видел жизнеспособного альтернативного пути в жизни и мысли.

В то время я еще не знал этого, но духовная «нереальность» проистекала из трех барьеров, преграждающих мне путь. За время учебы в колледже эти барьеры разрушились, вера стала необходимой мне и повлияла на мою жизнь. Первый барьер был интеллектуальным. Меня донимало множество каверзных вопросов о христианстве: «А как же быть с другими религиями?»

Как быть со злом и страданиями? Как может любящий Бог судить и карать? Зачем вообще во что-либо верить?» Я начал читать книги, обращаться к доводам обеих сторон по этим вопросам, и медленно, но неуклонно христианство стало обретать смысл. Далее в этой книге рассказано, почему я и по сей день так считаю.

Второй барьер был внутренним и личным. В детстве правдоподобие веры может опираться на авторитет взрослых, но когда мы взрослеем, нам требуется также личный опыт, полученный из первых рук. Я годами «возносил молитвы», иногда испытывал вдохновляющий, эстетический трепет при виде моря или гор, но никогда не ощущал присутствие Бога лично. Для этого требовалось не столько умение правильно молиться, сколько процесс, в ходе которого я постепенно разобрался со своими потребностями, изъятиями и проблемами. Это было мучительно, и, как обычно, мучения были спровоцированы разочарованиями и неудачами. Понадобилась бы еще одна, совсем другая, книга, чтобы подробно рассмотреть этот вопрос. При этом необходимо отметить, что путешествия веры никогда не бывают просто интеллектуальными упражнениями.

Третий барьер был социальным. Мне настоятельно требовалось найти «третий лагерь», группу христиан, озабоченных вопросами справедливости в мире, но скорее в связи с природой Бога, чем с собственными субъективными ощущениями. Когда я нашел таких «братьев по оружию» – и, что немаловажно, сестер! – ситуация для меня начала меняться. Эти три барьера рухнули не сразу и не один за другим. Они оказались взаимосвязанными и взаимозависимыми. Я не прорабатывал их хоть сколько-нибудь методическим образом. Только теперь, оглядываясь назад, я вижу, что эти три фактора действовали вместе. Поскольку я всегда вел поиски третьего лагеря, меня заинтересовало формирование и создание новых христианских общин. Все это вело к пасторскому служению, и я занялся им уже через несколько лет после окончания колледжа.

В конце 80-х годов мы с женой Кэти и тремя нашими сыновьями перебрались в Манхэттен, чтобы основать новую церковь для преимущественно невоцерковленного населения. На этапе предварительного изучения ситуации чуть ли не все подряд твердили мне, что это пустая затея. Церковь означает умеренность или консервативность, а этому городу свойственны либерализм и авангардизм. Церковь ассоциируется с семейными ценностями, а в Нью-Йорке полно молодых одиночек и «нетрадиционных» семей. Церковь – это в первую очередь вера, а Манхэттен – приют скептиков, критиков и циников. Средний класс, традиционная аудитория для церкви, бежит из города из-за высокого уровня преступности и растущих затрат. Остаются искушенные и презирующие условности, богатые и бедные. Мне объясняли, что у большинства этих людей упоминания о церкви вызывают лишь смех. Общины в городе тают, большинство старается хотя бы не потерять свои помещения для собраний.

Многие из тех, с кем я общался поначалу, рассказывали, что некоторым общинам удалось сохранить своих приверженцев, приспособив традиционное христианское учение к более плюралистическому этосу большого города. «Не говорите людям, что они *должны* верить в Христа – здесь такой подход считается проявлением ограниченности». Люди не верили своим ушам, когда я объяснял, что вера приверженцев новой церкви будет ортодоксальной, укладывающейся в рамки исторических догматов христианства – вера в непогрешимость Библии, божественность Христа, необходимость рождения свыше – словом, со всеми атрибутами учения, которые большинство жителей Нью-Йорка считают безнадежно устаревшими. Конечно, никто не произносил вслух «даже не мечтай», но эти слова буквально витали в воздухе.

У большинства жителей больших городов упоминания о церкви вызывают лишь смех

Тем не менее мы основали пресвитерианскую церковь Искупителя, к концу 2007 года ее посещало более 5000 прихожан, у нее появилось более десятка дочерних общин непосредственно по соседству. Паства этой церкви весьма многонациональна и молода (средний возраст – около 30 лет) и более чем на две трети состоит из одиночек. Тем временем десятки других столь же ортодоксальных общин возникли в Манхэттене и сотни – в четырех других районах.

Наши исследования показали, что за последние несколько лет христианами из одной только Африки основано более сотни церквей в Нью-Йорке. Для всех нас это известие стало полной неожиданностью.

Это явление характерно не только для Нью-Йорка. Осенью 2006 года в журнале *The Economist* была опубликована статья с подзаголовком «Христианство сдает позиции везде, кроме Лондона». Суть статьи заключалась в следующем: несмотря на то, что жители Великобритании и других стран Европы все менее охотно посещают церковь и исповедуют христианскую веру, множество молодых профессионалов (и недавних эмигрантов) в Лондоне собираются в евангелических церквях⁸. То же самое я вижу здесь, у нас.

Отсюда следует странный вывод. Мы приближаемся к тому моменту в культурной истории, когда и скептики, и верующие чувствуют угрозу своему существованию, потому что и секулярный скептицизм, и религиозная вера находятся на стадии значительного, мощного подъема. Перед нами не западное христианство прошлого и не светское, лишенное

религиозности общество, предсказанное на будущее. Мы видим нечто совершенно иное.

Разделенная культура

Три поколения назад люди скорее наследовали, чем выбирали религиозные убеждения. На Западе подавляющее их большинство принадлежало к одной из исторических, основных конфессий протестантских или католических церквей. Но сегодня протестантские церкви, которые теперь называют «старинными», церкви культурной, унаследованной веры, устаревают и быстро теряют прихожан. Люди отдают предпочтение жизни без религии, не официальной, а лично созданной духовности, или же ортодоксальным, требующим большой отдачи религиозным группам, которые ждут от своих членов опыта глубокого приобщения к вере. Следовательно, население, как это ни парадоксально, становится и более, и в то же время менее религиозным.

Поскольку на подъеме и сомнения, и вера, наша политическая и общественная дискуссия по вопросам веры и нравственности зашла в тупик, мнения разделились. В культурных войнах не обходится без потерь. Страсти накаляются, риторика приобретает истерический оттенок. Тех, кто верит в Бога и христианство, уличают в том, что они «навязывают остальным свои убеждения» и «переводят назад стрелки часов», приветствуя возврат к менее просвещенным временам. Тех, кто не верует, называют «врагами истины» и «пропагандистами релятивизма и вседозволенности». Мы не встаем ни на одну из сторон.

Мы застряли между нарастающими силами сомнения и веры, и эту ситуацию невозможно разрешить, призвав стороны к вежливости и продолжению диалога. Доводы зависят от наличия общих точек отсчета, придерживаться которых стороны заставляют друг друга. Если конфликт связан с фундаментальным пониманием реальности, трудно найти, к чему апеллировать. Многие объясняют название книги Аласдэра Макинтайра «Чья справедливость? Какой рассудок?» (*Whose Justice? Which Rationality?*) Конца нашим проблемам не предвидится.

Так как же нам найти путь вперед?

Во-первых, каждая сторона должна признать, что на подъеме сейчас находятся и религиозные убеждения, и скептицизм. И писатель-атеист Сэм Харрис, и лидер движения за религиозные права Пэт Робертсон должны признать тот факт, что армия сторонников каждого из них сильна и ее влияние растет.

Таким образом удастся снизить вероятность вскипающих в каждом лагере слухов о том, что вскоре он бесследно исчезнет, подмятый противниками. В ближайшее время об этом не может быть и речи. Если мы перестанем твердить себе такие вещи, возможно, все начнут вежливее и великодушнее относиться к противоположным взглядам.

Сегодня как сторонники, так и противники религии занимают все более агрессивную позицию

Но подобные признания не только успокаивают: они могут показаться унижительными. До сих пор слишком много светски настроенных умов с уверенностью утверждают, что ортодоксальная вера тщетно пытается «противостоять натиску истории», хотя они и не располагают историческими свидетельствами того, что религия вымирает. Религиозным верующим также следует проявлять меньше пренебрежения к скептикам-секуляристам. Христианам надлежит задуматься, в первую очередь, о том, что огромные сегменты нашего ранее преимущественно христианского сообщества отвернулись от веры. Несомненно, эти размышления должны повлечь за собой самоанализ. Время, когда у нас была возможность делать элегантные и пренебрежительные жесты в сторону противников, уже прошло. Сейчас требуется несколько иной подход. Но какой?

Сомнение: второй взгляд

Я хочу предложить вам метод, который, как я уже видел на протяжении нескольких лет, оказывается весьма плодотворным для молодых жителей Нью-Йорка. Я рекомендую обеим сторонам по-новому взглянуть на *сомнение*.

Начнем с верующих. Вера без тени сомнений подобна человеческому организму, в котором нет никаких антител. Люди, беспечно идущие по жизни, слишком занятые или равнодушные, чтобы задавать трудные вопросы о том, почему они верят так, а не иначе, обычно оказываются беззащитными перед лицом трагедии или пытливыми вопросами умного скептика. Вера человека способна разрушиться в одночасье, если ему никогда не хватало терпения прислушаться к собственным сомнениям – к тем самым, которые следует отметить лишь после долгих размышлений.

Верующим надлежит признавать наличие сомнений и вести с ними борьбу, причем не только с собственными, но и с сомнениями друзей и близких. В настоящее время уже недостаточно придерживаться каких-либо убеждений только потому, что унаследовал их от родителей. Лишь в случае долгой и упорной борьбы с возражениями против нашей веры мы можем отстоять ее в разговоре со скептиками, в том числе с самими собой, и наши доводы окажутся скорее убедительными, нежели смешными или оскорбительными. И, что не менее важно в нынешней ситуации, после того, как вы утвердитесь в вере, этот процесс побудит вас относиться к сомневающимся с уважением и пониманием.

Вера человека способна разрушиться в одночасье, если ему никогда не хватало терпения прислушаться к собственным сомнениям

Но если верующие должны учиться искать основания для своей веры, скептикам также следует вести поиски подобия веры, скрытого в их доводах рассудка. Какими бы скептическими и циничными ни казались сомнения, все они на самом деле представляют собой набор альтернативных убеждений⁹. Сомневаться в Убеждении А можно лишь с позиций веры в справедливость Убеждения Б. Например, если вы сомневаетесь в христианстве по той причине, что «не может существовать только одна истинная религия», вы должны признать, что само по себе это утверждение – проявление веры. Никто не может доказать это эмпирически, это не всеобщая истина, признанная всеми. Если отправиться на Ближний Восток и заявить: «Не может существовать только одна истинная религия», почти каждый встречный возразит: «Почему же?» В христианстве, то есть в Убеждении А, вы сомневаетесь по той причине, что придерживаетесь недоказуемого Убеждения Б. Следовательно, в основе каждого сомнения лежит подвиг веры.

Некоторые говорят: «Я не верю в христианство, потому что не могу признать существование нравственных абсолютов. Каждый должен дать свое определение нравственной истины». Можно ли доказать правильность этого утверждения тому, кто не разделяет его? Нет, для этого требуется подвиг веры, глубокая убежденность в том, что права личности действуют не только в политической, но и в нравственной сфере. Эмпирических доказательств подобной позиции не существует. Поэтому сомнение (в нравственных абсолютах) – это подвиг.

Кое-кто возразит на все это: «Мои сомнения основаны вовсе не на подвиге веры. Мои убеждения никак не связаны с Богом. Я просто не чувствую потребности в Боге, и мне неинтересно думать об этом». Но этими чувствами прикрывается одно из самых современных убеждений в том, что существование Бога – вопрос, не представляющий интереса, если он не пересекается с личными эмоциональными потребностями. Выразитель этого мнения

утверждает, что в его жизни не существует Бога, перед которым пришлось бы отчитываться в своих убеждениях и поступках, до тех пор, пока он не ощущает потребности в таком Боге. Это утверждение может быть и ложным, и истинным, но в любом случае это серьезный подвиг веры¹⁰.

Сомнение в Боге – это подвиг веры

Единственный способ сомневаться в христианстве беспристрастно и корректно – видеть за каждым из своих сомнений иное убеждение, а затем задаваться вопросом, по каким причинам мы придерживаемся тех или иных убеждений. Как понять, что твое убеждение истинно? Было бы непоследовательно требовать для христианских убеждений больше оправданий, чем можешь представить для собственных, тем не менее зачастую так и происходит. По справедливости следует сомневаться и в своих сомнениях. Я считаю, что если вы поставите перед собой задачу выявить убеждения, на которые опираются ваши сомнения в христианстве, и если постараетесь найти для этих убеждений столько же доказательств, сколько христиане находят для своих, вы обнаружите, что ваши сомнения не настолько цельны и непоколебимы, как казалось поначалу.

Моим читателям я предлагаю два процесса. Скептиков я призываю побороться с неизученной «слепой верой», на которую опирается скептицизм, и обратить внимание на то, как трудно оправдать эти убеждения перед теми, кто их не разделяет. Верующим я предлагаю побороться с их личными и общекультурными возражениями против веры. К концу этих процессов, даже если вы останетесь тем же скептиком или верующим, каким были, вы будете стоять на своих позициях с большей ясностью и смирением. Появится понимание, сочувствие и уважение к противоположной стороне, которых раньше не наблюдалось. Верующие и неверующие поднимутся на уровень разногласий, вместо того чтобы просто осуждать друг друга. Это произойдет, когда каждая сторона научится представлять аргументы другой в наиболее убедительной и позитивной форме. Только после этого можно без опасений и с чистой совестью не согласиться с этой стороной. Таким образом достигается корректность и цивилизованность в плюралистическом обществе, а это немаловажно.

Третий духовный путь?

Остальной текст этой книги – квинтэссенция многочисленных разговоров, которые я на протяжении долгих лет вел с сомневающимися. И в проповедях, и в личном общении я со всем уважением пытался помочь скептикам взглянуть на краеугольный камень их веры, в то же время предлагая свой собственный для их самых яростных нападок. В первой половине книги мы поговорим о семи самых значительных возражениях и сомнениях, относящихся к христианству, которые мне годами доводилось слышать от людей. Демонстрируя уважение к ним, я выявлю скрывающиеся под их мнением иные убеждения. Затем во второй половине книги мы поговорим о подоплеке христианских убеждений.

Построенный на уважении диалог между убежденными религиозными консерваторами и либеральными секуляристами – большое благо, и я надеюсь, что эта книга будет способствовать ему. Кроме того, написать ее меня побудил мой опыт пасторской работы в Нью-Йорке. Сразу после прибытия в Нью-Йорк я понял, что ситуации веры и сомнения выглядят иначе, чем представляется специалистам. Пожилое белое население города, занимающееся деловой и общественной деятельностью, оказалось преимущественно светским. Но во все более многонациональных кругах молодых профессионалов и иммигрантов, принадлежащих к рабочему классу, обнаружилось поразительное, не подчиняющееся никакой классификации разнообразие стойких религиозных убеждений. И особенно быстро среди них росла численность христиан.

Этих молодых христиан я считаю авангардом некоего нового и заметного религиозного, социального и политического устройства, которое вытеснит прежние формы культуры. Пройдя стадию сомнений и возражений против христианства, многие люди обретают ортодоксальную веру, которая не укладывается в рамки современного разделения на либеральных демократов и консервативных республиканцев. Многие из тех, кто видит обе стороны «войны культур», объявляет высшей ценностью не Бога и общее благо, а индивидуальную свободу и личное счастье. Индивидуализм либералов вытекает из их представления об абортах, сексе и браке. Индивидуализм консерваторов – из глубокого недоверия к государственному сектору и представлениях о бедности просто как о неумении брать на себя ответственность. Новое, быстро распространяющееся многонациональное ортодоксальное христианство в мегаполисах озабочено проблемой бедности и социальной справедливости гораздо больше, чем республиканцы, и в то же время стремится к поддержанию классической христианской морали и сексуальной этики в большей степени, чем прежние демократы.

Если в первой части книги описан путь через сомнения, который преодолевают многие из этих христиан, то во второй половине содержится более позитивное толкование веры, которую они олицетворяют в мире. Вот три человека, которые в настоящее время посещают церковь.

Джун, выпускница университета, входящего в Л игу плюща, живет и работает в Манхэттене. У нее развилась такая одержимость своим свободным образом жизни, что она заработала расстройство пищеварения и попала в наркотическую зависимость. Она понимала, что губит себя, но вместе с тем осознавала, что у нее нет веских причин перестать портить себе жизнь. В конце концов, какой смысл в этой жизни? Зачем ее беречь? Она обратилась к церкви И попыталась понять, в чем суть милосердия Божьего и опыта жизни в его реальности. Духовный наставник в церкви помог ей понять, как связана Божья благодать и неиссякающая потребность самой Джун в одобрении. В конце концов она набралась смелости И отважилась прийти к самому

Богу. Джун не может сказать, когда именно это произошло, но она впервые почувствовала себя «безоговорочно любимой дочерью Бога». Постепенно ей удалось избавиться от пагубных привычек.

Нью-йоркский музыкант Джеффри вырос в консервативном еврейском доме. Его отец и мать заболели раком И страшно мучались, мать умерла. Из-за многочисленных физических недомоганий, которыми Джеффри страдал с детства, он практиковал китайское целительство, а также даосскую и буддистскую медитацию, и пристально следил за своим самочувствием. Он не испытывал никаких «духовных потребностей», когда друг начал брать его с собой в церковь Искупителя. Проповеди нравились Джеффри, «пока в конце не начинались разговоры о Христе», после чего он переставал слушать. Но вскоре радость друзей-христиан и надежда на будущее, какой прежде Джеффри никогда не встречал, пробудили в нем подобие зависти. Тогда он начал слушать проповеди до самого конца и понял, что они представляют собой интеллектуальное испытание, сталкиваясь с которым ему не хотелось. И наконец, к его изумлению, во время медитации он обнаружил, что «моменты, которым прежде были свойственны полное спокойствие и безмятежность, постоянно прерываются видениями Иисуса на кресте». Джеффри начал молиться христианскому Богу и вскоре понял, что раньше в его жизни преобладало стремление к бегству, желание полностью избежать страдания. Он увидел, насколько тщетны подобные жизненные цели. Когда Джеффри понял, что Иисус отдал свое физическое здоровье и жизнь ради спасения мира – в том числе и его, Джеффри, – это осознание глубоко тронуло его. Он обрел смелость, чтобы в будущем встретиться с неизбежными страданиями, И понял, что через них можно пройти. Он принял благую весть Иисуса Христа.

Келли – атеистка из Лиги плюща. В двенадцать лет она увидела, как скончался от рака ее дед, а ее двухлетняя сестра перенесла операцию по удалению опухоли мозга, химиотерапию и облучение. Заканчивая учебу в Колумбийском университете, она уже не питала никаких надежд на то, что жизнь имеет хоть какой-нибудь смысл. Несколько подруг-христианок заговаривали с ней о вере, но Келли оказалась «слишком каменистой почвой для зерен» их откровений. Но когда с ее сестрой в четырнадцать лет случился инсульт и паралич, это не отвратило Келли от Бога, а побудило продолжать обдуманые поиски. К тому времени она жила и работала в нашем городе. Келли познакомилась со своим будущим мужем Кевином, тоже выпускником Колумбийского университета и атеистом, который работал на Уолл-стрит в компании J. P. Morgan. Оба упорствовали в своих сомнениях насчет Бога, но вместе с тем сомневались и в обоснованности своих сомнений, поэтому начали посещать церковь Искупителя. Их паломничество к вере было медленным и мучительным. Сойти с этого пути им не давало в первую очередь то, что множество верующих христиан, с которыми они познакомились, оказалось столь же тонкими, передовыми, умными людьми, как их городские знакомые. В конце концов супруги убедились не только в интеллектуальной авторитетности христианства: их привлекли его представления о жизни. Келли писала: «Будучи атеисткой, я считала, что живу нравственной, общественно-ориентированной, нацеленной на социальную справедливость жизнью, но для христианства характерны еще более высокие мерки – оно подходит с ними даже к нашим мыслям И душевным состояниям. Я приняла идею всепрощения Божьего и приняла Бога в свою жизнь». Кевин писал: «Я сидел в кофейне

и читал „Просто христианство“ К. С.Льюиса, потом отложил книгу и записал в блокноте: „Свидетельства, которыми подкреплены утверждения христианства, просто ошеломляют“. Я осознал, что мои достижения в конечном счете неудовлетворительны, людское одобрение мимолетно, а жизнь под лозунгом „лови момент“, проживаемая ради приключений, – всего лишь форма нарциссизма и идолопоклонства. И я уверовал во Христа»¹¹.

Иисус и наши сомнения

Келли вспоминает, каким утешением служил для нее в моменты борьбы сомнений и веры отрывок из Нового Завета о Фоме. В нем Иисус представляет пример сомнений более сложных, нежели у современных скептиков или верующих. Он не требует, чтобы «сомневающийся Фома» сопротивлялся сомнениям («Веруй!») и выполняет его просьбу о подкреплении веры. В другом эпизоде Иисус встречает человека, который признается, что полон сомнений (Мк 9:24) и просит Иисуса «помочь его неверию» – помочь ему в сомнениях! В ответ на это чистосердечное признание Иисус благословляет его и исцеляет его сына. Независимо от того, считаете ли вы себя верующим или скептиком, я предлагаю вам устремиться к той же честности и взрастить в себе понимание природы собственных сомнений. Результат превзойдет даже самое смелое воображение.

Примечания

¹См. отчет «Каждый третий взрослый невоцерковлен» (*One in Three Adults Is Unchurched*, March 28, 2005) компании George Barna Group. В Европе численность людей, не посещающих церковь, снизилась еще заметнее, а в Великобритании посещаемость церкви занимает примерно промежуточное положение. См. Грейс Дэви, «Европа: исключение, которое подтверждает правило?» в Питер Л. Бергер, под ред. *Десекуляризация мира: возрождающаяся религия и мировая политика* (Grace Davie, "Europe: The Exception that Proves the Rule?" in Peter L. Berger, ed. *The Desecularization of the World: Resurgent Religion and World Politics*, Eerdmans, 1999) и Питер Брайерли, *Прилив заканчивается* (Peter Brierly, *The Tide is Running Out*, Christian Research, 2000).

²Росс Дутат, «Кризис веры» (Ross Douthat, "Crises of Faith", *The Atlantic Monthly*, July/August 2007).

³Джордж Марсден, *Душа американского университета: от протестантского истеблишмента до укоренившегося неверия* (George Marsden, *The Soul of the American University: From Protestant Establishment to Established Non-belief*, Oxford University Press, 1999).

⁴Источник: Питер Бергер на конференции по вопросам веры церковного форума «Религия в мире глобализации» (Peter Berger, "Religion in a Globalizing World", December 4, 2006, Key West, Florida). Стенограмма выложена по адресу <http://pewforum.org/events/index.php?EventID=136>. См. также: Дутат, «Кризис веры» (Douthat, "Crises of Faith," *The Atlantic Monthly*, July/August, 2007). Опираясь теми же данными, что и Бергер, Дутат доказывает, что, вопреки распространенному убеждению, Европа постепенно становится более религиозной, а в Америке растет пропасть между религиозным и секулярным населением. Он утверждает, что обе эти тенденции означают продолжающийся культурный и политический конфликт и проявления экстремизма с обеих сторон.

⁵Дуглас Гроотуис, «Защищая веру» (Douglas Groothuis, "Defending the Faith," *Books and Culture*, July/August 2003, 12). См.: Квентин Смит, «Метафилософия натурализма» (Quentin Smith, "The Metaphilosophy of Naturalism," *Philo* 4, no. 2) на www.philoonline.org/library/smith_4_2.html. Сегодня Общество христианских философов (основанное в 1978 году) включает более 10 % всех преподавателей и профессоров философии в стране. Подробнее об это см.: К. Кларк, *Философы, которые верят* (K. Clark, *Philosophers Who Believe*, Oxford University Press).

⁶«Один университет под властью Бога?» ("One University Under God?" *The Chronicle of Higher Education: Careers*, January 7, 2005).

⁷Подробный обзор читайте в полной стенограмме форума во главе с Питером Бергером, см. примечание ранее.

⁸«Новый Иерусалим» ("A New Jerusalem," *The Economist*, September 21, 2006).

⁹Обычно принято считать, что «факт» – это: (а) либо нечто очевидное буквально всем (например, «на дороге лежит камень»), или (б) то, что не является очевидным для органов чувств, но может быть подтверждено научными методами. Если же мы имеем в виду то, что нельзя продемонстрировать ни одним из этих способов, значит, это «убеждение», или акт веры.

¹⁰Краткое и обоснованное объяснение, почему все мы «верующие», можно прочитать у Кристиана Смита в главе «Верующие животные» книги «Нравственные верующие животные: индивидуальность и культура человека» (Christian Smith, "Believing Animals," *Moral Believing Animals: Human Personhood and Culture*, Oxford University Press, 2003).

¹¹Каждую Пасху мы в церкви Искупителя просим прихожан поделиться рассказами о

личном путешествии к вере. Это отрывки из рассказов, представленных к Пасхе 2006 года. Публикуются с разрешения авторов.

Часть 1

Подвиг сомнения

1. Только одной истинной религии быть не может

«Разве может быть всего одна истинная вера? – спрашивала Блэр, 24-летняя жительница Манхэттена. – Это самонадеянно – утверждать, что твоя религия превыше всех, и пытаться обратить в нее остальных. Безусловно, все религии одинаково хороши и полезны для удовлетворения потребностей тех, кто их исповедует».

«Представления о религиозной исключительности не просто указывают на ограниченность, – они опасны, – добавлял Джефф, британец лет двадцати, живущий в Нью-Йорке. – Религия приводит к невысказанным разногласиям, разобщенности и конфликтам. Возможно, это злейший враг мира во всем мире. Если христиане и впредь будут настаивать на том, что им «открыта истина», и если все прочие религии последуют их примеру, мира во всем мире не будет никогда»¹.

В первые двадцать лет моего пребывания в Нью-Йорке мне представлялось множество шансов задавать людям вопросы: «Какова ваша самая серьезная проблема, имеющая отношение к христианству? Что в этой вере и в том, как ее исповедуют, особенно беспокоит вас?» Чаще всего за эти годы я слышал ответы, которые можно выразить одним словом: *исключительность*.

Однажды меня как представителя христианства вместе с одним раввином и имамом пригласили принять участие в дискуссии в местном колледже. Участникам предложили обсудить различия между религиями. Разговор получился вежливым, интеллигентным и уважительным. Каждый выступающий уверял, что между основными религиями есть значительные и несовместимые различия. В пример приводили Иисуса. Все мы согласились с заявлением: «Если христиане правы и Иисус действительно Бог, значит, мусульмане и иудеи серьезно заблуждаются, поклоняясь своему Богу так, как сейчас, но если правы мусульмане и иудеи и Иисус не Бог, а скорее, учитель или пророк, значит, христиане серьезно заблуждаются, поклоняясь своему Богу так, как сейчас». Итог: все мы не можем быть правыми в своих убеждениях, касающихся природы Христа.

Религия – одно из основных препятствий на пути к миру

Эти слова встревожили нескольких студентов. Один из них утверждал, что главное – верить в Бога и самому любить и быть преданным. А настаивать на том, что какая-то одна вера ближе к истине, чем все остальные, нетолерантно. Другой студент посмотрел на нас, священнослужителей, и с досадой выпалил: «Мы так никогда и не узнаем, что такое мир во всем мире, если религиозные лидеры будут и впредь претендовать на исключительность своей религии!»

Широко распространено мнение, согласно которому одним из основных препятствий на пути к миру является религия, и это особенно справедливо для основных древних религий с их притязаниями на исключительное превосходство. Возможно, вы удивитесь, но я, будучи христианским священником, соглашусь с этим. В общем и целом, религии свойственно создавать в сердце скользкую дорожку. Каждая религия разъясняет своим последователям, что им открыта «истина» и что это возвышает их над теми, кто придерживается иных убеждений. Кроме того, религиозное учение закладывает в умы своих приверженцев идею, что они, твердо следуя этой истине, спасутся и будут неразрывно связаны с Богом. Это побуждает верующих обособиться от тех, кто менее предан Богу или ведет менее праведную жизнь. Следовательно, одной религиозной группе легко придерживаться стереотипных и карикатурных представлений о других. Возникнув, эта ситуация развивается по нисходящей спирали, приводит к

маргинализации «чужаков» или даже к активному угнетению, жестокому обращению и насилию над ними.

Если мы признали, что религия препятствует миру на земле, что мы можем предпринять? Существует три подхода, которыми государственные лидеры и культурные авторитеты всего мира пользуются для того, чтобы положить конец религиозной розни. Это призывы объявить религию вне закона, осудить религию или, по крайней мере, резко ограничить ее рамками частной жизни². Многие возлагают на эти призывы немало надежд. Увы, я не верю в эффективность какого-либо из них. Более того, я опасаясь, что они лишь окончательно обострят ситуацию.

1. Религия вне закона

Один из способов справиться с религиозной рознью – управлять религией или даже строго запретить ее. В XX веке такие широкомасштабные усилия предпринимались несколько раз: в советской России, в коммунистическом Китае, «красными кхмерами» и в нацистской Германии (несколько иначе). Во всех этих случаях было решено жестко контролировать религиозную практику, чтобы она не разделяла общество и не подрывала мощь государства. Однако результатом стали не мир и гармония, а усиление гнета. Трагическую иронию ситуации выразил Алистер Макграт в своей истории атеизма:

XX век породил один из наиболее примечательных и тревожных парадоксов в истории человечества: самые вопиющие акты нетолерантности и насилия в этом веке совершались теми, кто считал религию источником нетолерантности и насилия³.

Бок о бок с подобными стремлениями уживалось широко распространенное в конце XIX и в начале XX веков убеждение в том, что с развитием науки и техники религия постепенно утратит силу и отомрет сама. Сторонники этой точки зрения считали, что религия играет определенную роль в человеческой эволюции. Когда-то мы нуждались в религии, чтобы выжить в пугающем и непостижимом мире. Но по мере развития науки, по мере того, как мы начали все лучше понимать свое окружение и успешнее управлять им, наша потребность в религии стала снижаться – по крайней мере, так считалось⁴.

Но ничего подобного не произошло, в настоящее время «тезис секуляризации» в целом дискредитирован⁵. Количество приверженцев растет практически у всех основных религий. В развивающихся странах численность христиан стремительно увеличивается. В настоящее время в одной Нигерии прихожан Англиканской церкви больше, чем во всех США. В Гане больше пресвитериан, чем в США и Шотландии, вместе взятых. Количество христиан в Корее выросло с одного процента до 40 % за сотню лет, эксперты считают, что то же самое сейчас происходит в Китае. Если через пятьдесят лет в нем будет насчитываться полмиллиарда китайцев-христиан, этот феномен изменит ход истории человечества⁶. В большинстве случаев численность христиан растет отнюдь не за счет приверженцев более секуляризованной, непрочной веры, как предсказывали социологи. Скорее, это полноценная, прочная вера в сверхъестественное, в чудеса, в авторитет Священного Писания и личное обращение в веру.

В наши дни количество приверженцев растет практически у всех основных религий

Поскольку позиции религиозной веры во всем мире прочны, попытки подавления или

контроля только укрепляют ее. После Второй мировой войны, высылая из Китая западных миссионеров, китайские коммунисты думали, что покончили с христианством в стране. Но этот шаг привел к лидерству местной церкви и, следовательно, укрепил ее.

Религия – не просто отживший механизм, который помогал нам приспособливаться к окружающей обстановке. Это неизменный, центральный аспект человеческой природы. Такую горькую пилюлю непросто проглотить светским, нерелигиозным людям. Всем хочется думать, что именно они занимают центральное и господствующее положение, а вовсе не придерживаются крайних взглядов. Но в мире господствует полноценная религиозная вера. И нет никаких причин ожидать, что эта ситуация изменится.

2. Осуждение религии

Религию невозможно искоренить или лишить власти с помощью правительственного контроля. Но нельзя ли при помощи образования и разумных доводов найти способ развенчать в глазах общества религию, которая претендует на «истинность» и пытается обратить окружающих в свою веру? Нельзя ли побудить всех граждан, независимо от их религиозных взглядов, признать, что каждая религия или вера – всего лишь один из многих в равной степени верных путей к Богу и образов жизни в мире?

Такой подход создает атмосферу, в которой притязания религии на исключительность выглядят невежественными и возмутительными даже в личных беседах. Для этого вновь и вновь высказываются определенные аксиомы, которые в конце концов приобретают статус проявлений здравого смысла. Тех, кто не придерживается этих аксиом, клеймят, считая неумными и опасными. В отличие от первой стратегии такой подход к религиозной розни оказывает некий эффект. Но большого успеха не имеет и он, поскольку в его основании заложена роковая непоследовательность, даже, возможно, лицемерие, что и приводит в итоге к крушению всех умственных построений. Далее приводятся некоторые из этих аксиом и проблемы, связанные с ними.

«Все основные религии в равной степени верны и в общих чертах учат одному и тому же».

Это утверждение настолько общеизвестно, что недавно один журналист писал, что каждый, кто верит «в существование низших религий» – «экстремист правого толка»⁷. Действительно ли мы готовы утверждать, что «Ветвь Давидова»⁸ или религии, по обрядам которых полагается приносить в жертву детей, ничем не хуже любых других? Подавляющее большинство людей с этим не согласится.

Почти все, кто утверждает равенство религий, имеют в виду основные мировые религии, а не отколовшиеся секты. Подобные возражения я услышал от одного студента во время упомянутой выше дискуссии. Он настаивал на том, что разница в верованиях иудаизма, ислама, христианства, буддизма и индуизма поверхностна и незначительна, и в целом приверженцы всех этих религий верят в одного и того же Бога. Но когда я спросил его, кто такой Бог, студент назвал Его Духом вселенной, который есть Любовь. Проблема этой позиции – ее непоследовательность. Ее сторонники утверждают, что доктрины неважны, и в то же время отстаивают свои доктрины о природе Бога, которые идут вразрез с представлениями всех основных религий. Буддизм вообще не рассматривает Бога как личность. В иудаизме, христианстве и исламе Бог заставляет призывает людей к ответственности за свою веру и поступки, и не все Его качества можно свести к любви. Как ни парадоксально, идея о

неважности доктрин сама по себе является доктриной. Она содержит конкретные представления о Боге, которые навязывает нам как более возвышенные и просвещенные, нежели представления большинства основных религий. Следовательно, поборники этих взглядов делают то же самое, что запрещают делать другим.

«Каждая религия видит частицу духовной истины, но всей истины целиком не видит ни одна из них».

Иногда эту точку зрения иллюстрируют притчей о слепых и слоне. Несколько слепых повстречали на дороге слона и попросили разрешения ощупать его. «Слон длинный и гибкий, как змея», – сказал слепой, потрогавший хобот. «Вовсе нет – он толстый и округлый, как ствол дерева», – возразил второй слепой, ощупав слоновью ногу. «Нет, он огромный и ровный», – заспорил третий, глядя бок слона. Каждый из них ощупал лишь одну часть слоновьего тела, и никто не сумел представить себе слона целиком. Точно так же, говорится далее, мировые религии улавливают каждая свою часть истины о духовной реальности, но никто не может увидеть «слона» целиком или претендовать на всеобъемлющие представления об истине.

Такой пример оборачивается против тех, кто им пользуется. Рассказчик в притче не слеп. Но как можно знать, что слепые получили представление лишь об одной части тела слона, и не заявлять тем самым, что ты сам видишь слона целиком?

В возражениях, согласно которым никто из нас не в состоянии охватить всю истину, присутствует лишь видимость смирения, поскольку обычно к ним прибегают, чтобы опровергнуть все прочие притязания на знание истины и тем самым высокомерно претендуют на знание истины, превосходящее все прочие... Нам остается лишь спросить: «Что это за [абсолютная] уверенность, с которой вы смеее утверждать, что абсолютные заявления в разных священных писаниях относительны?»⁸

Как можно знать, что ни одна религия не видит истину целиком, и при этом не обладать высшими, всеобъемлющими познаниями о духовной реальности – именно такими, в притязании на которые вы отказываете любой религии?

«Религиозные убеждения слишком сильно зависят от культуры и истории, чтобы быть «истинными».

Когда я впервые приехал в Нью-Йорк почти двадцать лет назад, я чаще слышал, что все религии в равной степени истинны. Но сейчас мне обычно говорят, что все религии в равной степени ложны. Аргумент звучит так: «Все нравственные и духовные притязания – продукт конкретной исторической и культурной эпохи, следовательно, никто не должен претендовать на знание Истины, поскольку никто не может судить, является ли одно суждение о духовной и нравственной действительности более истинным, чем другое». Социолог Питер Л. Бергер показывает, что в этом распространенном допущении имеются серьезные нарушения последовательности.

Нам нравится считать, что мы мыслим сами, но не все так просто

В своей книге «Слух об ангелах» Бергер рассказывает о том, как в XX веке была открыта «социология знания», а именно – что люди верят во что-либо потому, что эта вера социально обусловлена. Нам нравится считать, что мы мыслим сами, но не все так просто. Мы мыслим так

же, как люди, которыми мы особенно восхищаемся и в которых нуждаемся. Все мы принадлежим к сообществу, которое подтверждает приемлемость одних убеждений и препятствует распространению других. Бергер отмечает, что многое объясняется одним фактом: поскольку все мы заключены в некие исторические и культурные рамки, судить о правильности или ошибочности соперничающих убеждений невозможно.

Однако далее Бергер указывает, что абсолютный релятивизм может существовать лишь в том случае, если релятивисты не будут применять к нему те же критерии⁹. Если из постулата о социальной обусловленности веры сделать вывод, что «никакое убеждение не может быть универсальным и истинным для всех», то мы снова получаем социально обусловленное заявление, претендующее на абсолютную истинность для всех, – а оно не может быть истинным по собственному определению. «Относительность делает относительной саму себя», – говорит Бергер, поэтому релятивизм «на всех уровнях сразу»¹⁰ невозможен. Да, наши культурные предубеждения затрудняют оценку соперничающих притязаний на истинность. Социальная обусловленность убеждений – это факт, но его нельзя приводить как доказательство того, что любая истина полностью относительна, иначе аргумент опровергает сам себя. Бергер делает вывод, что мы не можем избежать оценки духовных и религиозных притязаний, прикрываясь расхожим штампом «Истину узнать невозможно». Нам все равно не избежать такой трудной задачи, как поиск ответа на вопрос: какие утверждения, касающиеся Бога, человеческой природы и духовной реальности истинны, а какие – ложны? Всем нам придется строить свою жизнь на основании хоть какого-нибудь ответа на этот вопрос.

У философа Элвина Плантинги есть своя версия аргументов Бергера. Ему часто говорят: «Если бы вы родились в Марокко, то скорее всего были бы не христианином, а мусульманином». Он отвечает:

Предположим, что в том случае, если бы я родился у родителей-мусульман в Марокко, а не у родителей-христиан в Мичигане, у меня были бы совсем иные убеждения. [Но] то же самое относится и к плюралисту... Если бы плюралист родился там [в Марокко], вероятно, он не был бы плюралистом. Следует ли отсюда, что... его плюралистские убеждения вызваны в нем неким ненадежным процессом, порождающим убеждения?¹¹

Плантинга и Бергер выразили одну и ту же мысль. Нельзя заявлять, что «все притязания, касающиеся религий, исторически обусловлены – кроме одного, которое я выдвигаю прямо сейчас». Если вы утверждаете, что никому не под силу определить, какие убеждения верны, а какие ошибочны, с какой стати мы должны верить вашим словам? В действительности дело в том, что все мы высказываем те или иные притязания на истинность, подойти к взвешиванию которых ответственно не так-то просто, но нам не остается ничего другого, кроме как предпринять попытку.

«Утверждать, что ваша религия верна, и обращать в нее других людей – это наглость».

Известный религиовед Джон Хик писал: после того, как поймешь, что в мире есть множество других в равной степени умных и порядочных людей, убеждения которых не соответствуют твоим, и вдобавок переубедить их невозможно, продолжение попыток обратить этих людей в свою веру или выдавать свои взгляды за высшую истину действительно будет наглостью¹².

Здесь мы опять-таки имеем дело с внутренним противоречием. Большинство людей в мире не разделяет мнение Джона Хика о равной ценности всех религий, многие из этих людей так же порядочны и умны, как он, и вряд ли поменяют свои взгляды. Следовательно, утверждение о том, что «все притязания религий на более совершенное понимание – ошибка и проявление наглости», по его собственному определению, представляет собой ошибку и проявление наглости.

Многие назовут этноцентризмом заявление, будто бы наша религия превосходит другие. Но разве в самих этих словах нет этноцентризма? Представители большинства незападных культур не стесняются заявлять о том, что их культура и религия лучшие. Обвинять других в «грехе» этноцентризма – на самом деле утверждать: «Подход нашей культуры к другим культурам превосходит ваш». Иными словами, мы поступаем именно так, как запрещаем поступать другим¹³. Историк С. Джон Соммервилл указывал, что «о религии нельзя судить только на основании другой религии». Религию можно оценивать только по некоторым этическим критериям, которые в итоге свидетельствуют о религиозной позиции того, кто производит оценку¹⁴.

Сейчас роковой изъян этого подхода к религии в целом и к христианству в частности должен быть очевиден. Скептики убеждены, что *любые* исключительные притязания на высшие знания о духовной реальности не могут быть истинными. Но само по себе это возражение является религиозным убеждением. Оно подразумевает, что Бог непознаваем, или что Бог любит, но не гневается, или что Бог – скорее некая обезличенная сила, нежели личность, чьи слова приводятся в Священном Писании. Все это недоказуемые предположения веры. Кроме того, их сторонники верят, что им известен высший способ смотреть на вещи. Они убеждены, что мир стал бы лучше, если бы все вокруг признали их правоту и отказались от собственных, традиционных религиозных представлений о Боге и истине. Следовательно, сторонники подобных «улучшений» также демонстрируют исключительные притязания на знание природы духовной реальности. Если не следует поощрять все прочие подобные взгляды, то и с данными представлениями надо поступить точно так же. Но если не считать их ограниченными, значит, никакой ограниченности нет и в других традиционных религиозных убеждениях.

Марк Лилла, преподаватель чикагского университета, беседовал со способным молодым студентом Уортонской школы бизнеса, который озадачил его стремлением посвятить жизнь Христу после проповеди Билли Грэма. Лилла пишет:

Мне хотелось поставить под сомнение шаг, на который он решился, помочь ему понять, что есть и другие способы прожить жизнь, другие методы стремления к знаниям, любви... даже к преобразению самого себя. Хотелось убедить его, что от возможности придерживаться свободного и скептического отношения к учению зависит его достоинство. Я хотел... спасти его...

Сомнению, как и вере, приходится учиться. Это навык. Любопытно, но приверженцы скептицизма, как древнего, так и современного, зачастую занимаются прозелитизмом. Когда я читаю их, мне часто хочется спросить: «А вам какое дело?» Их скептицизм не дает внятного ответа на этот вопрос. И у меня этого ответа нет¹⁵.

Знания Лилла о самом себе свидетельствуют о том, что он сомневается насчет христианства как усвоенной альтернативной веры. Он считает, что достоинство человека опирается на скептическое отношение к доктрине, а это, разумеется, догмат веры. Как он признается, он не может не верить, что для людей было бы лучше разделять его представления о реальности и человеческом достоинстве, нежели представления Билли Грэма.

Заявлять, что верно лишь какое-то одно мнение обо всех религиях (а именно – о том, что все они равны), не менее узко, чем настаивать на истинности одной веры. Все наши убеждения насчет религии исключительны, но по-разному.

3. Сохранение религии в рамках частной жизни

Еще один подход к религиозным раздорам дает людям возможность втайне считать свою веру истинной, проповедовать ее и вместе с тем утверждать, что религиозные убеждения – личное дело. Такие влиятельные мыслители, как Джон Роулз и Роберт Оди считали, что в общественно-политических дискуссиях мы можем отстаивать нравственную позицию, лишь опираясь на светский, нерелигиозный фундамент. Роулз широко известен настоятельными требованиями, чтобы религиозные взгляды, которые он называет «всеобъемлющими», были исключены из широкого обсуждения¹⁶. Недавно множество ученых и философов подписали «Декларацию в защиту науки и секуляризации», призывающую главу нашего правительства «не допускать религиозного влияния на законодательные или исполнительные акты»¹⁷. В число подписавшихся вошли Питер Сингер, Э. О. Уилсон, Дэниел С.Деннет. Например, философ Ричард Рорти заявил, что вероисповедание должно оставаться строго частным делом и ни в коем случае не всплывать в обсуждениях общественной политики. Прибегать к аргументам, опирающимся на религиозные убеждения, – значит просто обрывать разговор, точнее, переводить его в русло, где его не может продолжать неверующий¹⁸.

Тем, кто считает этот подход дискриминационным с точки зрения религии, Рорти и его сторонники возражают, что подобная политика обусловлена чистейшим прагматизмом¹⁹. Против религии как таковой они ничего не имеют и не стремятся контролировать религиозные убеждения – до тех пор, пока они остаются личным делом. Но постоянно обсуждать религию на публике – значит возбуждать рознь и зря тратить время. Мнение, основанное на религии, считается сектантским и спорным, в то время как нерелигиозное обоснование нравственных взглядов воспринимается как всеобщее и доступное всем. Следовательно, публичные обсуждения должны быть светскими, а не религиозными. Безотносительно к каким бы то ни было откровениям свыше или конфессиональным традициям нам следует работать сообща над насущными проблемами нашего времени: СПИД, бедность, недостатки образования и т. п. Мы должны держать свои религиозные взгляды при себе и объединиться вокруг политики, которая наиболее «эффективна» для большинства людей.

Однако Стивен Л. Картер из Йеля возражает, что невозможно не учитывать религиозные взгляды, если речь идет о тех или иных нравственных суждениях.

Стремление вынести на публику обсуждения, в которых отсутствует религиозный компонент, неважно, какими бы продуманными они ни были, неизбежно подаст приверженцам организованной религии сигнал, что, в отличие от всех, только они должны вступать в общественный диалог лишь после того, как отложат в сторону нечто наиболее важное для них²⁰.

Как может Картер делать подобные заявления? Начнем с вопроса о том, что такое религия. Кто-то скажет, что это одна из форм веры в Бога. Однако это определение не годится для дзэн-буддизма, приверженцы которого на самом деле вовсе не верят в Бога. Кто-то скажет, что это вера в сверхъестественное. Но это не относится к индуизму, приверженцы которого верят не в сверхъестественный мир за пределами материального, а только в духовную реальность в

пределах эмпирической. Тогда что же такое религия? Это совокупность убеждений, объясняющих, в чем суть жизни, кто мы, на что должны тратить отпущенное нам время. Например, тому, кто считает, что материальный мир – единственный из существующих, что мы появляемся по случайности и после смерти просто исчезнем, самое важное – стараться быть счастливым при жизни и не позволять окружающим навязывать свои убеждения. Обратите внимание: хотя это не официальная, «организованная» религия, в ней есть основной сюжет, объяснение смысла жизни, а также основанные на них рекомендации о том, как следует жить.

Религия – это совокупность убеждений, объясняющих, в чем суть жизни, кто мы, на что должны тратить отпущенное нам время

Кто-то скажет, что это «мировоззрение», кто-то – «нарративная идентичность». Так или иначе, это совокупность убеждений и допущений, касающихся природы вещей. Это неявная, имплицитная религия. В широком смысле вера в какие-либо представления о мире и человеческой природе влияет на жизнь каждого человека. Все живут и действуют, исходя из некоей нарративной идентичности, неважно, размышляют они о ней или нет. Каждый, кто заявляет «поступай так» или «не делай этого», исходит из такой же имплицитной нравственно-религиозной позиции. Прагматики считают, что нам следует оставить укоренившееся мировоззрение и прийти к консенсусу насчет «эффективности», однако наши представления о том, что именно эффективно, обусловлены, пользуясь выражением Уэнделла Берри, нашими представлениями о человеческом предназначении. Любое представление о том, что значит быть счастливым, неизбежно основывается на глубоко укоренившихся верованиях о смысле человеческой жизни²¹. Даже самые секулярные прагматики садятся за стол переговоров, располагая накрепко усвоенными обязательствами и нарративными представлениями о том, что значит быть человеком.

Рорти утверждает, что убеждения, основанные на религии, мешают диалогу. Но все наши самые фундаментальные представления – это убеждения, которые почти невозможно оправдать перед теми, кто не разделяет их. Такие нерелигиозные понятия, как «самореализация» и «самодостаточность», точно так же остановят дискуссию, как ссылки на Библию²².

Заявления, которые их авторы считают исполненными здравого смысла, тем не менее, зачастую носят глубоко религиозный характер. Предположим, что мисс А. считает необходимым полностью устранить систему социальной защиты малоимущих ради «выживания наиболее приспособленных». Мисс Б. возражает: «Малоимущие имеют право на приличный уровень жизни – ведь они такие же человеческие существа, как и все мы!» Тогда мисс А. напоминает о том факте, что многие современные специалисты по биоэтике считают концепцию «гуманизма» искусственной и не поддающейся определению. Она добавляет, что не представляется возможным относиться ко всем живым организмам как к целям, а не средствам, и что каким-то из них все равно придется погибать, чтобы остальные могли жить. Просто так устроена природа. Если мисс Б. выдвинет прагматичный аргумент, согласно которому бедным надо помогать просто для того, чтобы общество лучше функционировало, мисс А. представит множество столь же прагматичных доводов, согласно которым возможность дать некоторым бедным умереть будет еще более эффективной. Мисс Б. уже злится. Сгоряча она выпаливает, что морить бедняков голодом попросту неэтично, но мисс А. вполне может возразить: «А кто сказал, что этика должна быть одинаковой для всех?» Мисс Б. остается только воскликнуть: «Не хотела бы я жить в обществе вроде того, которое описываете вы!»

В этой перепалке мисс Б. пыталась, по примеру Джона Роулза, найти универсально приемлемые, «нейтральные и объективные» аргументы, которые убедили бы всех

присутствующих, что бедных нельзя морить голодом. И потерпела фиаско, потому что таких аргументов не существует. В конце концов мисс Б. заявляет о равенстве и достоинстве человеческих существ просто потому, что считает это правильным и справедливым. Она свято верит в то, что люди более ценны, чем камни или деревья, хотя не может научно подкрепить это убеждение. Ее предложения в области общественной политики, в конечном счете, основаны на религиозной позиции²³.

Правовед Майкл Дж. Перри делает отсюда вывод, что «в любом случае идеалистической будет попытка создать непроницаемый барьер между нравственными рассуждениями, основанными на религии... и [светскими] рассуждениями в общественно-политических дискуссиях»²⁴. Рорти и другие утверждают, что религиозный аргумент является слишком спорным, но Перри в книге «Под Богом? Религиозная вера и либеральная демократия» возражает, что секулярный фундамент нравственных позиций является не менее спорным, чем религиозный, и, кроме того, имеются веские доводы в пользу того, что любая нравственная позиция по меньшей мере имплицитно религиозна. Как ни парадоксально, настаивать на исключении религиозных суждений из общественных дискуссий – значит демонстрировать противоречивую «сектантскую» точку зрения²⁵.

Когда вступаешь в публичную дискуссию, невозможно не вспоминать о своих убеждениях, касающихся абсолютных ценностей. Рассмотрим в качестве примера законы о браке и разводе. Можно ли разработать законодательство, которое все мы сочтем «эффективным» и не имеющим отношения к конкретным мировоззрениям? Вряд ли. Наши представления о том, что справедливо и правильно, – это фундамент, на котором строятся наши взгляды на смысл и цель брака. Если вы считаете, что брак нужен в первую очередь для того, чтобы растить детей для блага всего общества, тогда вы невероятно осложните развод. Если вы думаете, что цель брака – в первую очередь счастье и эмоциональная реализация взрослых, состоящих в нем, развод может значительно упроститься. В первом случае в основе лежит представление о процветании и благополучии человека, при котором семья гораздо важнее личности, что соответствует нравственным традициям конфуцианства, иудаизма и христианства. Во втором случае более индивидуалистический взгляд на природу человека основан на представлениях, характерных для эпохи Просвещения. «Эффективность» законов о браке будет зависеть от предшествующих им убеждений о том, какая человеческая жизнь может считаться полноценной и счастливой²⁶. Объективный и всеобщий консенсус в данном случае невозможен. Хотя многие продолжают призывать к исключению религиозных взглядов из общественных дискуссий, все больше мыслителей, как секулярных, так и религиозных, признают, что сам этот призыв носит религиозный характер²⁷.

Христианство может спасти мир

Я показал неэффективность всех основных попыток разрешить проблему религиозной розни в современном мире, но вместе с тем прекрасно понимаю, чем они вызваны. Религия действительно способна стать одним из основных источников угрозы миру во всем мире. В начале этой главы я упоминал о «скользящей дорожке», которую каждой религии свойственно создавать в сердце человека. Эта скользящая дорожка слишком быстро приводит к угнетению. Но в рамках христианства – разумного, ортодоксального христианства – есть богатые ресурсы, с помощью которых можно сделать его приверженцев сторонниками мира на земле. Христианство обладает поразительной властью, в его силах объяснить и искоренить всю склонность человеческого сердца к розни. Христианство создает прочный фундамент, на

котором может строиться уважение к людям, исповедующим другую веру. Иисус указывает, что неверующие в окружающем обществе с радостью признают многие стороны христианского поведения «добрыми» (Мф 5:16, ср. 1 Петр 2:12). Таким образом, подразумевается некоторое совпадение между совокупностью христианских ценностей и ценностей, свойственных какой-либо конкретной культуре²⁸ или любой другой религии²⁹. Почему существует это совпадение? Христиане верят, что все люди созданы по образу и подобию Бога, способны быть добрыми и мудрыми. Следовательно, библейское учение о всеобщем образе Божьем призывает христиан ожидать, что неверующие не так плохи, какими делают их ошибочные убеждения. Библейское учение о всеобщей греховности также побуждает христиан полагать, что верующие на деле оказываются хуже, чем могли бы стать благодаря своим ортодоксальным убеждениям. Словом, есть масса оснований для взаимного уважения и сотрудничества.

Религия действительно способна стать одним из основных источников угрозы миру во всем мире

Христианство не только убеждает своих приверженцев верить тем, кто исповедует другую веру, и считать, что они могут предложить миру и доброту, и мудрость: оно дает понять, что от многих можно ждать нравственного превосходства. В нашей культуре большинству свойственно считать, что если Бог существует, мы можем поклоняться ему и за праведную жизнь удостоиться рая. Назовем это «нравственным совершенствованием». Христианство учит обратному. С точки зрения христиан, Иисус не объясняет, как нам надо жить, чтобы заслужить спасение. Скорее Он приходит простить и спасти нас своей жизнью и смертью вместо нас. Божья благодать достается не тем, кто в нравственном отношении превзошел остальных, а тем, кто признал свои изъяны и согласился с тем, что ему необходим Спаситель.

Библейское учение о всеобщем образе Божьем призывает христиан ожидать, что неверующие не так плохи, какими делают их ошибочные убеждения

Поэтому христиане должны рассчитывать на то, что могут встретить неверующих, которые гораздо приятнее, добрее, мудрее и в целом лучше их. Почему? Верующие христиане приняты Богом не из-за их нравственных качеств, мудрости или других добродетелей, а благодаря тому, что сделал для них Христос. В большинстве религий и мировоззрений подразумевается, что духовный статус человека зависит от его религиозных достижений. Естественно, приверженцы этих религий или воззрений считают себя выше тех, кто придерживается иных верований или убеждений. Так или иначе, христианская благая весть не должна оказывать подобного влияния.

Часто можно услышать, что «фундаментализм» ведет к насилию, но как мы уже видели, у каждого из нас есть фундаментальные, недоказуемые убеждения, которые мы считаем превосходящими чужие. Следовательно, вопрос надо ставить иначе: *какой фундаментализм больше всего побуждает верующих любить и принимать тех, кто отличается от них?* Какая совокупность неизбежно исключительных убеждений придаст нам смирение и миролюбие?

Один из парадоксов истории – взаимосвязь между убеждениями и практикой ранних христиан в сравнении с жизнью представителей других современных им культур.

В греко-римском мире религиозным взглядам были свойственны открытость и видимая терпимость: у каждого был свой Бог. Тем не менее практические методы этой культуры отличались жестокостью. В греко-римском мире наблюдалось сильное экономическое расслоение, богачей от бедняков отделяла гигантская пропасть. Христиане же утверждали, что существует только один истинный Бог – умирающий Спаситель Иисус Христос. Их жизнь и

религиозные обряды имели примечательную притягательность для тех, кого маргинализировала культура того времени. Первые христиане уравнивали представителей разных народов и сословий, что возмущало людей, которые их окружали. В греко-римском мире бедных презирали, а христиане проявляли великодушие не только к бедным братьям по вере, но и к тем, кто исповедовал другую веру. В обществе женщины занимали чрезвычайно низкое положение, их часто убивали в младенчестве, насильно выдавали замуж, они были лишены экономических прав. Христианство обеспечивало женщинам гораздо большую защищенность и равенство, чем ранее существовавшие религии в классическом мире³⁰. Во время страшных эпидемий первых двух веков христиане помогали всем больным и умирающим горожанам, зачастую ценой собственной жизни³¹.

Настоящие христиане не в состоянии подвергать своих противников насилию и гнету

Почему система убеждений, предполагающих высокую степень исключительности, побуждала к такой открытости? Потому что в христианской вере содержатся богатейшие ресурсы для жертвенного служения, великодушия, миротворчества. В самом центре христианских представлений о действительности стоит Человек, который умер за своих врагов, молясь об их прощении. Размышления об этом могут привести христиан лишь к радикально иному отношению к тем, кто отличается от них. Это означает, что они не в состоянии подвергать своих противников насилию и гнету.

Невозможно отмахнуться от того факта, что церковь совершила немало несправедливостей во имя Христа, но кто может отрицать, что сила самых фундаментальных христианских убеждений способна создать мощный миротворческий импульс в нашем беспокойном мире?

Примечания

¹Цитаты в начале каждой главы взяты из проведенного с помощью электронной почты опроса жителей Нью-Йорка в возрасте 20–25 лет. Авторов писем попросили выразить свои основные сомнения по поводу христианства и возражения против него. Имена изменены. Благодарю Николь Даймонд-Остин за идею и проведение опроса.

²В антирелигиозных бестселлерах последней волны такие авторы, как Ричард Докинз, Сэм Харрис, Дэниэл Деннет и Кристофер Хитченс не рекомендуют отделять религию от общества, но лишь потому, что считают подобную стратегию неэффективной. Главным образом они рассчитывают на то, что религия будет осуждена по всей строгости, высмеяна и официально приватизирована, в результате чего станет слабой и маргинализованной.

³Алистер Макграт, *Сумерки атеизма: взлет и падение неверия в современном мире* (Alister McGrath, *The Twilight of Atheism: The Rise and Fall of Disbelief in the Modern World*, Oxford University Press, 2004), с. 230. См. также с. 187, 235.

⁴Многие выдающиеся мыслители середины XX века считали, что к тому времени, как их внуки достигнут такого же возраста, большинство религий угаснет или исчезнет. Например, один антрополог писал в 1966 году: «С точки зрения эволюции будущее религии – вымирание... Вера в сверхъестественные силы обречена на смерть во всем мире в результате растущей компетентности и распространения научных знаний». А.Ф.С.Уоллес, «Религия. Взгляд в точки зрения антрополога» (A. F. C. Wallace, *Religion: An Anthropological View*, Random House, 1966), с. 265.

⁵Несколько подробнее о том, как социологи отходили от «тезиса секуляризации», см. в: Питер Л. Бергер, под ред., *Десекуляризация мира: возродившаяся религия и мировая политика* (Peter L. Berger, ed., *The Desecularization of the World: Resurgent Religion and World Politics*, Eerdmans, 1999).

⁶О распространении христианства в незападном мире см.: Питер Дженкинс, «Будущий христианский мир» (Peter Jenkins, *The Next Christendom*, Oxford University Press, 2002) и Ламин Сеннех, *Чья религия христианство?* (Lamin Senneh, *Whose Religion Is Christianity?* Eerdmans, 2003).

⁷Джо Клейн, *Потому что я обещал, а вы чертовски любопытны...* (Joe Klein, *Because I Promised and You Seemed So Darn Curious...*) в блоге журнала *Time*, 7 марта 2007 года. Доступ к тексту по адресу: http://time-blog.com/swampland/2007/03/because_i_promised_and_you_see.html

⁸Лесли Ньюбигин, «Евангелие в плюралистском обществе» (Lesslie Newbigin, *The Gospel in a Pluralist Society*, Eerdmans, 1989), с. 9-10, 170.

⁹Питер Бергер, *Слух о ангелах: современное общество и новое открытие сверхъестественного* (Peter Berger, *A Rumor of Angels: Modern Society and the Rediscovery of the Supernatural*, Doubleday, 1969), с. 40.

¹⁰Существует немало рассчитанных на искушенного читателя критических материалов, демонстрирующих характер релятивизма, отвергающего самого себя. Всего один пример – Х. Зигель, «Опровергнутый релятивизм: критика современного эпистемологического релятивизма» (H. Siegel, *Relativism Refuted: A Critique of Contemporary Epistemological Relativism*, Dordrecht: D.Reidel, 1987). Это авторитетное мнение, согласно которому «истина» существует только в конкретных рамках убеждений и все они имеют равную ценность, так как не существует превосходящего рамки критерия, по которому можно произвести оценку всех притязаний на истинность. Более постмодернистская версия притязания – утверждение, будто бы действительность «пронизана языком», следовательно, притязание не высшую истинность – не что иное, как представления конкретного языкового сообщества. Но как указывает Зигель, утверждать, что все реальные представления «пронизаны языком» и относятся к конкретному языковому сообществу, – само по себе всеобщее представление о работе языка во всех сообществах, следовательно, притязание на знание положения как такового. Собственный взгляд релятивистов на вещи не дает им право на подобные заявления. Они делают именно то, что запрещают другим сообществам. «Таким образом... релятивизм не может провозглашать или даже признавать себя, не уничтожая себя при этом» (с. 43).

¹¹Элвин Плантинга, «В защиту религиозного эксклюзивизма» (Alvin Plantinga, “A Defense of Religious Exclusivism,” in *The Analytic Theist*, ed. James F. Sennett, Eerdmans, 1998), с. 205.

¹²Джон Хик, *Миф о воплощенном Боге* (John Hick, *The Myth of God Incarnate*, Westminster, 1977) и *Интерпретация религии* (*An Interpretation of Religion*, Yale University Press, 1989). Значительно более развернутый ответ Хику, нежели приведенный здесь, см. в статье Петера Ван Инвагена, «Non Est Hick» в *Рациональности убеждений и плюрализме веры* (Peter Van Inwagen, “Non Est Hick” in *The Rationality of Believe and the Plurality of Faith*, ed. T. Senior, Cornell University Press, 1995).

¹³Этот момент продуманно изложил Стэнли Фиш в «Проблемах с толерантностью» (Stanley Fish, *The Trouble with Tolerance*, *Chronicle of Higher Education*, November 10, 2006). Это обзор текста Венди Браун «Регулирование неприязни: толерантность в эпоху идентичности и империи» (Wendy Brown, *Regulating Aversion: Tolerance in the Age of Identity and Empire*, Princeton University Press, 2006). Ее точка зрения, как и точка зрения Фиша, состоит в том, что западная идея «терпимости ко всем взглядам» сама по себе является совершенно особой совокупностью

допущений о реальности, которые затем используются в качестве критерия для определения, кого именно общество будет терпеть, а кого не будет. Фиш говорит, что у нашего общества есть собственный набор святых, неоспоримых убеждений, нечто вроде «священного выбора». Браун и Фиш утверждают, что многие исторические, традиционные убеждения стали считаться «нетолерантными» только в нашем обществе, ввиду новых конструкций, которыми это либеральное западное общество нагроулило их. «Подразумевается, что люди совершают поступки не потому, что они во что-то верят, а потому, что они иудеи, мусульмане, чернокожие или геи... и все они невосприимчивы к доводам рассудка». Следовательно, любая религия, которая ставит собственную истинность превыше толерантности, считается «патологически привязанной» к собственной культуре и не способной рассуждать разумно. «Едва отвергнув толерантность как руководящий принцип и отдав вместо него предпочтение культурным императивам церкви или племени, группа становится кандидатом в носители нетерпимости, которая проявляется под именем толерантности».

¹⁴С. Джон Соммервилл, *Упадок светского университета* (C. John Sommerville, *The Decline of the Secular University*, Oxford University Press, 2006), с. 63.

¹⁵Марк Лилла, «Обретение религии: мое давнее евангелическое прошлое» (Mark Lilia, *Getting Religion: "My Long-lost Years as a Teenage Evangelical"*, in *New York Times Magazine*, September 18, 2005), с. 95.

¹⁶Роберт Оди, «Отделение церкви от государства и гражданские обязанности» (Robert Audi, "The Separation of Church and State and the Obligations of Citizenship," *Philosophy and Public Affairs* 18, 1989), с. 296; Джон Роулз, «Политический либерализм» (John Rawls, *Political Liberalism*, Columbia University Press, 1993), с. 212–254.

¹⁷28 февраля 2007 года этот документ находился по адресу <http://www.cfidc.org/declaration.html>

¹⁸Ричард Рорти, «Религия как средство оборвать разговор» (Richard Rorty, "Religion as a Conversation-Stopper," *Philosophy and Social Hope*, Penguin, 1999), с. 168–169.

¹⁹См. Ричард Рорти, *Последствия прагматизма* (Richard Rorty, *Consequences of Pragmatism*, University of Minnesota Press, 1982), с. 166–167.

²⁰Стивен Л. Картер, *Несогласные среди тех, кем управляют* (Stephen L. Carter, *The Dissent of the Governed*, Harvard University Press, 1999), с. 90.

²¹Например, Линда Хиршмен выступает против стремления женщин оставаться за пределами рынка труда, чтобы заниматься воспитанием детей. Она утверждает, что женщины не вправе так поступать, даже если это их свободный и добровольный выбор. «Семья с ее повторяющейся, невидимой для общества физической работой – необходимый компонент жизни, но она предоставляет для полной реализации женщины меньше возможностей, чем общественные сферы, такие, как рынок труда или правительственные крути. Домашняя сфера меньшего процветания не является ни естественной, ни нравственной обязанностью одних только женщин... Женщины, закрепляющие ее за собой... несправедливы» («Домашний арест», "Homeward Bound," in *The American Prospect* 16, no. 12, December 2005). Обратите внимание: ее аргумент построен на оценке «процветания», которая не может быть подтверждена эмпирически. В представлениях о человеческом достоинстве и обществе заложено то, что на поверхности выглядит светским, но на самом деле недоказуемо, спорно и в конечном счете опирается на мировоззрения, верования и допущения. Дэвид Брукс не соглашается с Хиршмен: «[Она утверждает, что] высокооплачиваемая работа гарантирует процветание в большей степени, чем родительские обязанности. Вспомните свою жизнь: какие воспоминания вам дороже – о времени, проведенном в кругу семьи или в офисе?» См. «Год соседства» (David

Brooks, "The Year of Domesticity," *New York Times*, January 1, 2006).

²²Гэри Розен, «Сужение религиозной пропасти?» (Gary Rosen, "Narrowing the Religion Gap?" *New York Times Sunday Magazine*, February 18, 2007).

²³Этот диалог адаптирован из: С. Джон Соммервилл, «Исчерпанность секуляризма» (C. John Sommerville, "The Exhaustion of Secularism," *The Chronicle Review*, June 9, 2006).

²⁴Майкл Дж. Перри, «Под Богом? Религиозная вера и либеральная демократия» (Michael J. Perry, *Under God? Religious Faith and Liberal Democracy*, Cambridge University Press, 2003), с. 44. Тем не менее Перри справедливо утверждает, что общественные дискуссии на религиозном фундаменте в условиях либеральной демократии должны быть «совещательными», а не «догматичными». Иными словами, выступающие должны быть готовы выслушивать критику, отвечать на нее, совещаться, вести дебаты, стремиться представить свою точку зрения как можно более убедительно для другой стороны.

²⁵См. Перри, главу 3, «Почему стремление политиков опираться на нравственность, в основе которой лежит религия, не является незаконным в условиях либеральной демократии?».

²⁶См. Джон Уитт-мл., «Состязание Бога, справедливость Бога: пример из истории брачного права» (John Witt, Jr., "God's Joust, God's Justice: An Illustration from the History of Marriage Law," in *Christian Perspectives on Legal Thought*, M. McConnell, R. Cochran, A. Carmella, eds., Yale University Press, 2001), с. 406–425).

²⁷Стэнли Фиш, «Наша вера и то, как все пущено на самотек» (Stanley Fish, "Our Faith in Letting It All Hang Out," *New York Times*, February 12, 2006).

²⁸Мирослав Вольф, «Маленькая разница: богословские размышления о связи церкви с культурой в Первом послании Петра» (Miroslav Volf, "Soft Difference: Theological Reflections on the Relation Between Church and Culture in 1 Peter," *Ex Auditu* 10, 1994, 15–30).

²⁹См. пример с дао в приложении К. С. Льюиса в книге «Человек отменяется» (C. S. Lewis, *The Abolition of Man*, Macmillan, 1947). Льюис считает, что религии в значительной мере пересекаются по вопросам этики – правилам, согласно которым нам следует жить в мире. Резкое различие между религиями наблюдается в другой сфере – сотериологии. Религии различаются указаниями насчет того, как поддерживать связь с Богом и откуда черпать духовную силу, чтобы вести предписанную жизнь.

³⁰Это заявление может удивить многих читателей, которые слышали, что в более древних религиях и язычестве к женщинам относились позитивнее, чем в христианстве. В греко-римском мире самым обычным делом было бросать новорожденных девочек на верную смерть только потому, что статус женщины в обществе был низким. Церковь запретила своим приверженцам делать это. Греко-римское общество не видело ценности незамужней женщины, поэтому вдоветь полагалось не более двух лет, после чего женщины вновь выходили замуж. Христианство стало первой религией, не принуждающей вдов к последующим бракам. Вдовам оказывали финансовую поддержку, их чтили в обществе, поэтому обстоятельства не заставляли их снова выходить замуж, если сами вдовы этого не хотели. В язычестве вдовы теряли всякую власть над имуществом мужа, когда снова выходили замуж, а церковь следила за тем, чтобы вдовы продолжали владеть имуществом мужей. И наконец, христиане не признавали сожителства. Если мужчина-христианин хотел быть вместе с женщиной, он должен был жениться на ней, и этот шаг придавал больше уверенности женщинам. Кроме того, языческие двойные стандарты, позволяющие женатым мужчинам иметь секс вне брака и содержать любовниц, были запрещены. Во всех этих отношениях женщины-христианки чувствовали себя увереннее и считались практически равными, в отличие от представительниц других культур. См. Родни Старк, *Подъем христианства* (Rodney Stark, *The Rise of Christianity*, Harper, 1996),

глава 5, «Роль женщин в развитии христианства».

³¹Итоги подробных рассуждений о том, почему христианство восторжествовало над более древним язычеством благодаря состраданию и справедливости, см. в: Родни Старк, *Подъем христианства*, главы 4, 6, 7.

2. Как мог добрый Бог допустить страдания?

«Я просто не верю в существование христианского Бога, – говорила Хиллари, студентка последнего курса, специализирующаяся на английском языке. – Бог допускает, чтобы люди в мире терпели ужасные страдания. Значит, он либо всемогущ, но при этом недостаточно добр, чтобы положить конец злу и страданиям, или бесконечно добр, но недостаточно могуществен, чтобы искоренить зло и страдания. В любом случае это не всеблагой И всемогущий Бог из Библии»¹.

«Для меня это не философский вопрос, – добавлял Роб, парень Хиллари. – Он личный. Я не верю в Бога, который допускает страдания, даже если он, она или оно существует. Может, Бог существует. Может, нет. Но если Он есть, Ему нельзя доверять».

Для многих самую большую проблему представляет не претензия христианства на свою исключительность, а существование в мире зла и страданий. Кое-кто считает, что страдания нельзя считать философской проблемой, и ставит под сомнение само существование Бога. Для других это сугубо личная проблема. Им нет дела до абстрактного вопроса о том, существует ли Бог – они отказываются доверять Богу или верить в Него, каким бы Он ни был, если Он допустил, чтобы история и жизнь складывались известным нам образом.

В декабре 2004 года страшное цунами погубило более 250 тысяч человек на берегах Индийского океана. В последующие недели газеты и журналы изобиловали письмами и статьями, вопрошающими: «Где же был Бог?»

Для многих самую большую проблему веры в Бога представляет существование в мире зла и страданий

Один журналист писал: «Если Бог – это Бог, он вовсе не добр. Если Бог добр, это не Бог. И то, и другое невозможно, особенно после катастрофы в Индийском океане»². Несмотря на убежденность журналиста, стремление показать, что наличие зла опровергает существование Бога, «в настоящее время признано (почти) всеми сторонами совершенно несостоятельным»³. Почему?

Зло и страдания вовсе не свидетельствуют против Бога

Философ Дж. А. Макки выдвигает доводы против Бога в своей книге «Чудо теизма» (*The Miracle of Theism*, Oxford, 1982). Он излагает их таким образом: если бы добрый и могущественный Бог существовал, он не допустил бы бессмысленного зла, но поскольку в мире есть так много ничем не оправданного, бессмысленного зла, значит, традиционно добрый и могущественный Бог не может существовать. Возможно, есть какое-то другое божество или божеств не существует вообще, но Бога в традиционном понимании нет⁴. Немало философов обнаружили в этих рассуждениях серьезный изъян. Он кроется в утверждении, что мир полон бессмысленного зла: в нем заложена предпосылка, что если зло кажется мне бессмысленным, значит, оно должно быть бессмысленным.

Разумеется, эти рассуждения ошибочны. Если вы не видите или не можете представить себе вескую причину, по которой Бог допустил то или иное событие, это еще не значит, что Его не существует. Мы опять видим маскирующуюся под якобы непримиримый скептицизм твердую

веру в собственные когнитивные способности. Если наш разум не в состоянии проникнуть в глубины вселенной и отыскать в них убедительное объяснение страданиям, значит, такого объяснения и быть не может! Это и есть слепая вера высшего порядка.

Ошибочность этого аргумента проиллюстрирована примером Элвина Плантинги с мокрецами. Если вы попытаетесь найти в туристической палатке сенбернара и не увидите его, разумно будет предположить, что в вашей палатке сенбернара нет. Но если вы попытаетесь отыскать в палатке мокреца (очень мелкое, но при этом страшно кусачее насекомое), но не увидите его, неразумно будет полагать, что мокреца в палатке нет. В конце концов, его никто не сможет увидеть. Многие полагают, что если бы для существования зла имелись веские причины, они были бы доступны нашему пониманию, сравнимы скорее с сенбернаром, нежели с мокрецами, – но с какой стати дело должно обстоять именно так?⁵

Этот довод против Бога не выдерживает проверки не только логикой, но и опытом. Как пастору, мне часто приходится упоминать в проповедях историю Иосифа из Книги Бытия. Дерзкого юношу возненавидели его братья. Разгневавшись, они бросили Иосифа в ров, а потом продали в рабство, обрекли влачить жалкое существование в Египте. Несомненно, юноша молился Богу и просил помочь ему сбежать, но помощи так и не дождался и попал в рабство. Невзгоды и неволя отточили и закалили характер Иосифа. В конце концов он возвысился, стал египетским вельможей и спас от голодной смерти тысячи людей и даже собственную семью. Если бы Бог не допустил, чтобы Иосиф страдал, тот никогда не стал бы служить делу общественной справедливости и духовного исцеления.

Когда я проповедую, опираясь на историю Иосифа, я часто слышу, что многие люди отождествляют с этим повествованием себя. Они признают, что самые трудные и мучительные жизненные впечатления дали им средства, чтобы достичь успеха в жизни. Некоторые, оглядываясь в прошлое, когда тяжело болели, понимают, что этот период стал для них бесценным временем личного и духовного роста. Мы оба служим тому подтверждением: я пережил вспышку рака, а моя жена долгие годы страдала болезнью Крона.

Заглядывая в прошлое, почти все мы видим веские причины по крайней мере *некоторых* трагедий и боли, которые нам пришлось перенести

В моем первом приходе был человек, который почти полностью лишился зрения после того, как во время неудачной продажи наркотиков ему выстрелили в лицо. Он рассказывал мне, что раньше был донельзя эгоистичным и жестоким, но всегда винил в своих постоянных неладах с законом других и считал, что именно они виноваты в его ссорах с близкими. Потеря зрения вызвала у него чувство опустошенности и вместе с тем помогла обрести глубокое смирение. «Когда закрылись мои прежние глаза, я прозрел духовно. Я наконец понял, как относился к людям. Я изменился, и теперь впервые в жизни у меня есть друзья, настоящие друзья. Да, за это пришлось дорого заплатить, но для такого результата можно. Наконец-то у меня есть то, ради чего стоит жить».

Хотя никто из этих людей не благодарит судьбу за сами трагедии, которые выпали на их долю, они ни на что не променяли бы озарение, характер и силу, которые обрели благодаря этим трагедиям. Со временем, глядя в прошлое, почти все мы видим веские причины по крайней мере *некоторых* трагедий и боли, которые нам пришлось перенести. Почему же нельзя предположить, что с точки зрения Бога веские причины имеются у всех трагедий?

Если у нас есть достаточно великий, высший Бог, на которого мы злимся, потому что он не прекратил зло и страдания в мире, значит, у нас в то же время есть Бог, который достаточно велик для того, чтобы не прекращать страдания по веским причинам, не известным нам. В

действительности и то, и другое сразу невозможно.

Если зло и страдания хоть что-нибудь означают, то, скорее всего, *подтверждают* существование Бога

Ужасные, необъяснимые страдания не опровергают существование Бога, но, тем не менее, представляют проблему для человека, доверяющего Библии. Однако еще серьезнее проблема, с которой сталкиваются неверующие. К. С. Льюис описывал, как поначалу он отвергал идею Бога из-за жестокости жизни. Потом он пришел к пониманию, что еще более серьезную проблему зло представляет для его новообретенного атеизма. Наконец он осознал, что страдания служат более веским аргументом в пользу существования Бога, нежели против него.

Мой аргумент против существования Бога сводился к тому, что вселенная мне казалась слишком жестокой И несправедливой. Однако как пришла мне в голову сама идея справедливости И несправедливости?.. С чем сравнивал я вселенную, когда называл ее несправедливой?.. Я, конечно, мог бы отказаться от объективной значимости моего чувства справедливости, сказав себе, что это – лишь мое чувство. Но если бы я сделал так, рухнул бы И мой аргумент против Бога, потому что аргумент этот зиждется на том, что мир на самом деле несправедлив, а не с моей точки зрения... Следовательно, атеизм оборачивается крайне примитивной идеей^[2].

Льюис признал, что современные возражения против Бога основаны на представлении о честной игре и справедливости. Мы считаем, что люди *недолжны* страдать, страдать от изоляции, умирать от голода и угнетения. Но эволюционный механизм естественного отбора *зависит* от смерти, уничтожения, насилия, которым сильные подвергают слабых – все это совершенно естественно.

У того, кто не верит в Бога, нет оснований возмущаться несправедливостью

Тогда на каком же основании атеист осуждает мир за вопиющую несправедливость и неправильность? У того, кто не верит в Бога, нет оснований возмущаться несправедливостью, которая, как указывает Льюис, изначально была причиной возражений против Бога. Если вы убеждены, что естественный мир несправедлив и полон зла, значит, подразумеваете реальность, соответствующую неким «сверхъестественным» меркам, на основании которых и строите свои суждения. Философ Элвин Плантинга выразил эту мысль следующим образом:

Могло ли в действительности существовать то, что мы называем вопиющим злом [если бы не было Бога и мы просто были бы результатом эволюции]? Не понимаю, как такое возможно. Так может быть лишь в том случае, если существует способ, которым разумные существа должны жить, обязаны жить... В [светском] представлении о мире нет места подлинно нравственным обязательствам какого бы то ни было рода... следовательно, нельзя сказать, что существует то, что можно назвать подлинным отталкивающим злом. Соответственно, если мы считаем, что вопиющее зло существует (что это не просто некая иллюзия), значит, у нас есть убедительный... аргумент [в пользу реальности Бога]⁷.

Короче говоря, проблема трагедий, страданий и несправедливости – всеобщая проблема. Для неверия в Бога она по меньшей мере так же велика, как для веры. Следовательно, ошибочно,

хоть и вполне понятно, полагать, что если мы откажемся от веры в Бога, справиться с проблемой зла будет по тем или иным причинам проще.

* * *

Одна из моих прихожанок однажды высказалась против примера, который я привел в проповеди – о том, что даже зло порой обращается во благо. Эта женщина лишилась мужа во время ограбления. У ее детей обнаружили серьезные психические и эмоциональные проблемы. Она утверждала, что на каждый случай, когда зло оборачивается благом, приходится сотня случаев, в которых нет ни единого светлого проблеска.

Если мы откажемся от веры в Бога, то мы не сделаем решение проблемы зла более простым

Точно так же все предыдущие рассуждения этой главы могут показаться сухими и не имеющими отношения к тем, кто действительно страдает. «Если страдания и зло не являются логическим опровержением существования Бога – что с того? – мог бы спросить кто-нибудь из этих людей. – Мне все равно досадно. Все эти философствования о мировом зле и страданиях никоим образом не оправдывают христианского Бога!» В ответ философ Питер Крифт указывает, что христианский Бог сам сошел на землю, чтобы терпеть муки за людские страдания. В лице Иисуса Христа Бог изведal ни с чем не сравнимые глубины боли. Следовательно, хотя христианство не объясняет причины таких страданий, оно предоставляет широкие возможности для того, чтобы встречать страдания скорее с надеждой и отвагой, чем с горечью и отчаянием.

Сравнение Иисуса с мучениками

Текст Евангелий свидетельствует о том, что Иисус встретил смерть без самоуверенности и бесстрашия, совсем не так, как можно было ждать от духовного героя. Известные библейские мученики Маккавеи, страдавшие под гнетом сирийского правителя Антиоха Епифана, были образцом духовной отваги, несмотря на гонения. Они прославились тем, что говорили о Боге уверенно и с вызовом, даже когда им отсекали конечности. Совсем иначе выглядит поведение Иисуса: тексты свидетельствуют о том, что Он глубоко потрясен приближением своей гибели. «..И начал ужасаться и тосковать. И сказал им: душа Моя скорбит смертельно» (Мк 14:33–34). Лука указывает, что перед смертью Иисус был «в борении» и описывает признаки физического шока (Лк 22:44). Матфей, Марк, Лука – все дают читателям понять, что Иисус пытается избежать смерти и вопрошает Отца, нельзя ли пронести «чашу сию мимо Меня» (Мк 14:36, Лк 22:42). И наконец, уже на кресте Иисус не призывает, по примеру Маккавеев, верить в Бога: Он взывает к Богу и спрашивает, для чего Он Его оставил (Мф 27:46).

На кресте Иисус три часа ждал смерти, мучаясь от удушья и потери крови. Какой бы ужасной ни была эта пытка, мученики встретили еще более изощренные казни с гораздо большей уверенностью и спокойствием. Два известных примера – Хью Латимер и Николас Ридли, которых в 1555 году сожгли на костре в Оксфорде за протестантскую веру. Когда взметнулось пламя, присутствующие услышали, как Латимер спокойно произнес: «Крепитесь, мистер Ридли, как подобает мужчине! Сегодня мы зажжем в Англии такую свечу во славу Господа, что, надеюсь, она не погаснет никогда».

Так почему же Иисус был настолько потрясен приближающейся смертью – гораздо сильнее, чем Его последователи?

Страдания Бога

Для того, чтобы понять страдания Иисуса в конце Евангелий, следует вспомнить, как Он был представлен нам в начале. В первой главе Евангелия от Иоанна перед нами предстает загадочная, но важная концепция Бога как триединства. Сын Божий был не сотворен, а причастен к сотворению и вечно существовал «в недрах Отца» (Ин 1:18) – иными словами, в условиях абсолютной близости и любви. Но в конце жизни Он был отлучен от Отца.

Невозможно представить себе душевные муки, сравнимые с потерей отношений и тех близких, кто нам по-настоящему дорог. Когда приятельница обижается на вас, обвиняет в чем-либо и критикует, а в завершение говорит, что больше не желает вас видеть, это причиняет боль. Если речь идет о человеке, с которым вы встречались, это уже совершенно другая боль. А если происходит разрыв с супругом или если кто-то из родителей бросает вас в детстве, психологический ущерб бесконечно тяжелее.

Однако мы даже вообразить себе не можем, каково это – лишиться не просто супружеской или родительской любви, продолжавшейся несколько лет, а бесконечной любви Отца, с которым Иисус пребывал в вечности. Страдания Иисуса невыразимо мучительны, они невыносимы. В христианском богословии всегда признавалось, что ради нас Иисус вытерпел бесконечную разлуку с Богом, которую заслужил род человеческий. В Гефсиманском саду само предчувствие последующих событий повергает Иисуса в шок. Исследователь Нового Завета Билл Лейн пишет: «Иисус пришел побыть с Отцом краткое время, пока не свершилось предательство, но небеса не открылись Ему – вместо этого перед Ним разверзся ад, и Иисус дрогнул»⁸. Вопль оставления Иисуса на кресте – «Боже Мой, Боже Мой! для чего Ты Меня оставил?» – свидетельствует о глубоких отношениях. Лейн пишет: «В этом вопле есть беспощадная честность... Умирая, Иисус не отрекается от Бога. Даже будучи оставленным, оказавшись в аду, Он не поступился своей верой в Бога, а вложил молитву страдания в подтверждающий вопль “Боже Мой, Боже Мой”»⁹. Иисус по-прежнему пользуется интимным обращением «Боже Мой», хотя терпит бесконечную разлуку с Отцом.

Искушение и страдание

Смерть Иисуса качественно отличалась от любой другой смерти. Физическая боль не шла ни в какое сравнение с духовным опытом космического оставления¹⁰. Среди мировых религий только христианство утверждает, что Бог стал всецело и полностью Человеком в Иисусе Христе, следовательно, не понаслышке узнал, что такое отчаяние, отвержение, одиночество, нищета, утраты, муки, неволя. На кресте Он претерпел еще более страшные человеческие муки, понял, каково быть отвергнутым в космических масштабах, изведать боль, которая так же бесконечно больше нашей, как бесконечно больше Его мудрость и сила.

Бог принимает наше горе и страдания настолько серьезно, что готов взять их на себя

Умирая, Бог страдает в любви, отождествляя Себя с тем, кто покинут и забыт Богом¹¹. Зачем Ему это? В Библии говорится, что Иисус пришел в мир, чтобы спасти все сущее. Ему

пришлось заплатить за наши грехи, чтобы когда-нибудь Он мог положить конец злу и страданиям, не уничтожив при этом нас.

Посмотрим, какие выводы отсюда следуют. Если мы вновь зададим вопрос о том, почему Бог допускает существование зла и продолжение страданий, и обратимся к кресту Иисуса, мы все равно не поймем, в чем состоит ответ. Зато теперь мы знаем, какой ответ не годится. Не может быть, чтобы Он не любил нас. Не может быть, чтобы Он оставался глухим к нашим страданиям или отрешенным от них. Бог принимает наше горе и страдания настолько серьезно, что готов взять их на себя. Альбер Камю понимал это, когда писал:

Богочеловек [Христос] тоже страдает, проявляя терпение. Зло и смерть уже нельзя всецело вменить Ему в вину, поскольку Он страдает и умирает. Та ночь на Голгофе занимает в истории человечества такое важное место лишь потому, что в ее тени божественность недвусмысленно отказалась от своей традиционной привилегии И выдержала до самого конца и вплоть до стадии отчаяния предсмертные муки. Это объясняет и «лама савахфани?», и пугающие сомнения Христа во время агонии¹².

Следовательно, если мы примем христианское учение о том, что Иисус есть Бог и что Он пошел на крест, то обретем глубокое утешение и силу в столкновениях с грубой действительностью жизни на земле. Мы будем знать, что Бог – поистине *Иммануил*, «С нами Бог», даже в самых тяжелых из наших страданий.

Воскресение и страдания

Мне думается, мало просто знать, что Бог с нами во всех наших невзгодах. Нужна также надежда, что наши страдания «не напрасны». Вы когда-нибудь замечали, с каким отчаянием говорят об этом люди, потерявшие близких? Они стремятся изменить законы или социальные условия, которые привели к этой смерти. Им необходимо верить, что смерть тех, кто им дорог, стала залогом новой жизни, а из несправедливости выросла справедливость.

В утешение страдающим христианская вера предлагает не только учение о распятии, но и факт воскресения. Библия учит, что будущее – это не бесплотный «рай», а новые небеса и новая земля. В главе 21 Откровения Иоанна Богослова мы видим не то, как люди попадают на небеса, а скорее, как небеса спускаются и очищают, обновляют и совершенствуют здешний материальный мир. Конечно, с точки зрения секуляристов, в будущем нет возрождения после смерти и завершения истории. Согласно учениям восточных религий, мы теряем свою индивидуальность и возвращаемся к великой мировой душе, следовательно, наша материальная жизнь в этом мире исчезает безвозвратно. Даже религии, которые признают существование рая на небесах, считают его утешением за все утраты и мучения земной жизни и за все радости, которые могли в ней быть.

Библейская точка зрения – воскресение; не будущее, служащее всего лишь *утешением* за жизнь, которой у нас никогда не было, а возвращение к жизни, к которой мы всегда стремились. Это означает, что все ужасы, которые когда-либо произошли, будут не только исправлены и отменены, но и в каком-то смысле подчеркнут вечную славу и радость.

Несколько лет назад я видел страшный сон, в котором погибли все мои близкие. Проснувшись, я испытал ни с чем не сравнимое облегчение – и не только его. Каждый близкий человек доставлял мне невыразимую радость. Я смотрел на них и понимал, как благодарен за то, что они есть, как крепко я люблю их. Но почему? Мою радость значительно усилил кошмар. Мой восторг после пробуждения вобрал в себя ужас, так что в итоге моя любовь к близким

только усиливалась оттого, что я терял и снова обретал их. Та же динамика вступает в действие, когда мы теряем то, чем обладали, принимая как должное. Вновь обретая его (хотя уже думали, что утратили навсегда), мы дорожим найденным сокровищем, ценим его гораздо выше.

Возвращение Иисуса на землю – это радикально новая идея

В греческой философии, особенно в философии стоиков, одно убеждение гласило, что история – это бесконечно повторяющийся цикл. Время от времени вселенная перестает развиваться и сгорает в гигантской вспышке *палингенеза*, после чего история начинается заново, с чистого листа. Но в Мф 19:28 Иисус говорит о своем возвращении на землю как *отом самомпалингенезе*. «Истинно говорю вам, что вы, последовавшие за Мною, – в пакибытии (греческое *палингенезис*), когда сядет Сын Человеческий на престоле славы Своей...» Это радикально новая идея. Иисус утверждал, что вернется с такой властью, что сам материальный мир и вселенная очистятся от порчи и скверны. Все исцелится, все, что могло произойти, произойдет.

Вскоре после кульминации трилогии «Властелин колец» Сэм обнаруживает, что его друг Гэндальф не мертв, как он думал, а жив. Сэм Гэмджи восклицает: «Я думал – ты мертвый! Я думал – я и сам мертвый. *Значит, все грустное, что Шло – это неправда?*»¹³ Ответ христианства на этот вопрос – «да». Все грустное оказывается неправдой и то, что некогда было разрушено и потеряно, каким-то образом становится чем-то большим.

Принятие христианских доктрин о воплощении и кресте служит глубоким утешением в страданиях. Учение о воскресении может вселить в нас неугасимую надежду. Нам обещают, что у нас будет жизнь, о которой мы мечтаем, но это будет бесконечно более прекрасный мир, чем если бы никогда не было необходимости в храбрости, стойкости, самопожертвовании и спасении¹⁴.

Достоевский нашел идеальные слова, когда писал об этом:

Я убежден, как младенец, что страдания заживут и сгладятся, что весь обидный комизм человеческих противоречий исчезнет как жалкий мираж, как гнусенькое измышление малосильного и маленького, как атом, человеческого эвклидовского ума, что, наконец, в мировом финале, в момент вечной гармонии, случится и явится нечто до того драгоценное, что хватит его на все сердца, на утешение всех негодований, на искупление всех злодейств людей, всей пролитой ими их крови, хватит, чтобы не только было возможно простить, но и оправдать все, что случилось¹⁵.

К. С. Льюис выразил те же мысли более сжато:

О временном страдании говорят: «Этого не изгладит никакое вечное блаженство», – и не знают, что небеса, будучи достигнутыми, окажут обратное действие и превратят в славу даже агонию¹⁶.

Это окончательное поражение зла и страданий. Им не только будет положен конец – они окажутся искорененными настолько радикально, что даже все уже случившееся послужит на благо бесконечного величия нашей будущей жизни и радости.

¹Этот аргумент в наиболее классической форме был выдвинут Дэвидом Юмом в «Диалогах о естественной религии» (David Hume, *Dialogues Concerning Natural Religion*, ed. Richard Popkin, Hackett, 1980). «Давние эпикуровы вопросы остались без ответа. [Бог] готов положить конец злу, но не в силах? Значит, он немощен. Способен, но не готов? Тогда он злонамерен. И способен, и готов? Тогда откуда же взялось зло?» (с. 63).

²Рон Розенбаум, «Катастрофа разожгла спор: был ли Бог в цунами?» (Ron Rosenbaum, “Disaster Ignites Debate: Was God in the Tsinami?” *New York Observer*, January 10, 2005). Разумеется, Макки всего лишь озвучивает очень древний вопрос, которым задавались многие – от Эпикура до Дэвида Юма. См. примечание ранее.

³У. П. Олстон, «Индуктивное рассуждение, вытекающее из зла и когнитивного состояния человека» (W. P. Alston, “The Inductive Argument from Evil and the Human Cognitive Condition,” *Philosophical Perspectives* 5:30–67). См. также «Зло как доказательный аргумент» под ред. Дэниэла Ховарда-Снайдера (Daniel Howard-Snyder, ed. *The Evidential Argument from Evil*, Indiana University Press, 1996) – подробный обзор зла как атеологического аргумента.

⁴Итог довода Макки основан на рассуждениях Дэниэла Ховарда-Снайдера в тексте «Бог, зло и страдание» (Daniel Howard-Snyder, “God, Evil and Suffering,” in *Reason for the Hope Within*, ed. M.J. Murray, Eerdmans, 1999), с. 84. Статья

⁵Ховарда-Снайдера сама по себе прекрасный образец логики, показывающий, почему в настоящее время философы воздерживаются от решительных заявлений о том, что существование зла и страданий опровергает существование Бога. По сути дела, книга Макки (1982) может быть последней значимой работой, в которой наблюдается это явление. Пример с мокрецами и проблемой зла рассматривается у Элвина Плантинги в «Обоснованной христианской вере» (Alvin Plantinga, *Warranted Christian Belief*, Oxford, 2000), с. 466–467. См. также «Частично прожитую христианскую жизнь» Элвина Плантинги (“A Christian Life Partly Lived,” in *Philosophers Who Believe*, ed. Kelly James Clark, IVP, 1993), с. 72.

⁶К. С. Льюис, *Просто христианство* (C. S. Lewis, *Mere Christianity*, Macmillan, 1960), с. 31.

⁷Элвин Плантинга, «Частично прожитая христианская жизнь» (“A Christian Life Partly Lived,” in *Philosophers Who Believe*, ed. Kelly James Clark, IVP, 1993), с. 73.

⁸Уильям Лейн, «Евангелие от Марка» (William Lane, *The Gospel According to Mark*, Eerdmans, 1974), с. 516.

⁹Там же, с. 573.

¹⁰Джонатан Эдвардс заключает: «Страдания, которые Христос претерпел в человеческом облике на кресте... были наименее тяжкими из Его страданий... Если Он вытерпел только их, то, несмотря на весь их ужас, непонятно, почему даже их предчувствие произвело такое воздействие на Христа. Многие мученики приняли столь же суровые муки, как и Христос... но не испытали такого же душевного потрясения». См. «Агония Христа» в «Трудах Джонатана Эдвардса» (“Christ’s Agony”, *The Works of Jonathan Edwards*, vol. 2, E. Hickman, ed., Banner of Truth, 1972).

¹¹В истории богословия не раз вспыхивали споры о том, действительно ли бесконечно великий и вечный Бог испытывал «страсти», радость, боль и горе. Одна сторона настаивала на «бесстрастности» Бога и утверждала, что весь язык Библии в данном случае метафоричен. Другая, подобно Юргену Мольтману («Распятый Бог»), твердо придерживалась мнения, что Бог способен испытывать чувства. Компромиссный взгляд предложил Дон Карсон в «Трудном учении о любви к Богу» (Don Carson, *The Difficult Doctrine of the Love of God*, IVP, 2000), с. 66–73. Утверждая, что Бог терпит горе и боль, Карсон отстаивает свою позицию, делая многочисленные оговорки и стараясь соблюсти баланс.

¹²*Эссе*(Albert Camus,*Essais*,Gallimard, 1965), с. 444. Переведен и процитирован Брюсом Уордом в работе «Прометей или Каин? Альбер Камю о западном стремлении к справедливости» (Bruce Ward, “Prometheus or Cain? Albert Camus’s Account of the Western Quest for Justice,” *Faith and Philosophy*, April 1991; 213).

¹³Дж. Р. Р. Толкин, *Возвращение короля*, глава «Кормалленское поле». (Перевод Н. Григорьевой, В. Грушецкого. –Прим. пер.)

¹⁴Возможно, именно по этой причине Джордж Макдональд сказал: «Мы не знаем, сколькими радостями жизни мы обязаны неразрывно связанным с ними горестям. Сама по себе радость не открывает глубочайшую истину, хотя глубочайшая истина должна быть не менее глубокой радостью» («Фантастес», George MacDonald,*Phantastes: A Faerie Romance*,Eerdmans, 1981), с. 67.

¹⁵Федор Достоевский, «Братья Карамазовы», глава 34. Думаю, следует отметить, что Достоевский вовсе не имел в виду, что само зло можно оправдать. Бог может воспользоваться злом, чтобы принести еще большее благо, тем не менее зло остается злом, следовательно, оно недопустимо и не имеет оправданий.

¹⁶К. С. Льюис,*Расторжение брака*(C. S. Lewis,*The Great Divorce*,Macmillan, 1946), с. 64.

3. Христианство – смирительная рубашка

«Христиане верят, что им известна абсолютная истина, в которую должны верить все, иначе пусть пеняют на себя, – говорил Кит, молодой художник из Бруклина. – Такое отношение ставит под угрозу свободу людей».

«Да, – соглашалась Хлоя, еще одна молодая художница. – У подхода "одна истина для всех" слишком много ограничений. Христиане, с которыми я знакома, по-видимому, лишены свободы думать за себя. Я считаю, что каждый человек должен сам решать, что является для него истиной».

Действительно ли вера в абсолютную истину – враг свободы? Большинство людей, с которыми я встречался в Нью-Йорке, убеждено в этом. Христианство именуется некоторые убеждения «ересью», а некоторые обычаи – «безнравственными». Оно изгоняет из своих сообществ тех, кто преступает его догматические и нравственные границы. Современные наблюдатели считают все это угрозой для гражданских свобод, поскольку подобные решения скорее разобщают, чем объединяют население. Кроме того, происходящее выглядит культурной ограниченностью, неспособностью признать, что для каждой культуры характерны свои представления о действительности. И наконец, подробные уточнения, во что именно должны верить христиане, напоминают их закрепощение или, по меньшей мере, инфантилизацию. М. Скотт Пек рассказывал о беседе с некой Шарлин, которая сказала о христианстве: «В нем мне нет места. Для меня это была бы смерть!.. Я не хочу жить ради Бога. И не буду. Я хочу жить... ради самой себя»¹. Шарлин считала, что христианство подавило бы ее творчество и развитие. Того же мнения придерживалась и общественная деятельница начала XX века Эмма Голдмен, которая называла христианство «механизмом для выравнивания рода человеческого, для того, чтобы ломать волю человека, лишать его способности сметать и действовать... стальной решеткой, смирительной рубашкой, не позволяющей развиваться и расти»².

Подробные уточнения, во что именно должны верить христиане, как будто бы делаются для их закрепощения

В конце фильма «Я, робот» (2004) робот по имени Санни выполняет программу, заложенную его создателями. И понимает, что у него больше нет цели. Фильм заканчивается диалогом Санни с другим персонажем, детективом Спунером:

Санни: Я достиг своей цели И теперь не знаю, что делать дальше.

Детектив Спунер: Думаю, тебе придется найти свой путь, как делаем все мы, Санни... Это и значит быть свободным.

В данном случае под «свободой» подразумевается отсутствие главной цели, ради которой нас создали. Будь у нас такая цель, мы были бы обязаны стремиться к ней и достичь ее, и это ограничивало бы нашу свободу. Истинной является свобода самостоятельно придавать смысл своей жизни и выбирать цель. Верховный суд закрепил эту точку зрения в законе, когда заявил, что «суть свободы» – это «давать свое определение существованию, значению вселенной»³. Стивен Джей Гулд соглашается:

Мы существуем, потому что одна стайка рыб имела своеобразное строение плавников, впоследствии преобразившихся в ноги сухопутных существ, потому что

кометы обрушились на землю, истребив динозавров и тем самым дали млекопитающим шанс, которого в противном случае могло и не представиться... Как бы мы ни мечтали о более «возвышенном» объяснении, его не существует. Но несмотря на то, что поначалу это объяснение расстраивает, оно не ужасает, а в итоге создает ощущение свободы и радует. Мы не можем пассивно улавливать смысл жизни в фактах природы. Объяснения нам приходится создавать самим...⁴

Христианство выглядит врагом сплоченности общества, культурной адаптивности и даже подлинной индивидуальности. Но эти доводы построены на ошибочных представлениях о природе истины, сообщества, христианства и самой свободы.

Истина неопровержима

Французский философ Мишель Фуко писал: «Истина – атрибут этого мира. Она создается только благодаря многочисленным ограничениям, в том числе регулярному применению силы»⁵. Вдохновившись словами Фуко, многие скажут, что любые притязания на истинность – это борьба за власть. Претендуя на обладание истиной, мы пытаемся обрести власть над другими людьми и контролировать их. Фуко был учеником Ницше, и к чести обоих следует отметить, что с таких позиций они анализировали действия и левых, и правых. Если бы кто-нибудь заявил в присутствии Ницше, что «все должны проявлять справедливость по отношению к бедным», он задал бы вопрос, по какой причине это было сказано – из любви к справедливости и бедным или для того, чтобы поднять революцию и обеспечить себе контроль и власть.

Однако заявление о том, что любая истина – лишь оружие в борьбе за власть, не выдерживает критики по той же причине, что и заявление о культурной обусловленности любой истины. Пытаясь объяснить их все одной, другой или третьей причиной, неизбежно оказываешься в невыгодном положении. К. С. Льюис пишет в эссе «Человек отменяется»:

Но нельзя продолжать «объяснять и оправдывать» вечно: вскоре обнаружится, что придется искать объяснение самому объяснению. Нельзя продолжать «видеть насквозь» все, что есть вокруг. Сквозь что-то смотрят, лишь когда разглядывают нечто, находящееся за ним.

В прозрачности окна есть смысл потому, что улица и сад за ним непрозрачны. А если бы можно было смотреть И сквозь сад?.. Совершенно прозрачный мир невидим. «Видеть все насквозь» – значит ничего не видеть⁶.

Если вы называете любые притязания на истинность борьбой за власть, значит, это относится и к вашему заявлению. Если вы, подобно Фрейдю, утверждаете, что все притязания на истинность, касающиеся религии и Бога, – всего лишь психологические проекции, предназначенные для того, чтобы справиться с чувством вины и неуверенности, то же самое справедливо и для ваших слов. Видеть все насквозь – значит ничего не видеть.

Фуко навязывал истинность своего анализа другим людям, хотя и отрицал саму категорию истинности. Значит, некоторые виды притязаний на истинность выглядят неопровержимыми. Непоследовательность борьбы против угнетения, когда мы отказываемся признать существование истины, – вероятно, и есть причина, по которой постмодернистская «теория» и «деконструкция» находятся в упадке⁷. Г. К. Честертон высказал такое же замечание почти сто лет назад:

Нынешний мятежник – скептик, он ничего не признает безусловно... и потому не может быть подлинным революционером... Любое осуждение предполагает какую-то моральную доктрину... Короче говоря, современный революционер, будучи скептиком, все время подкапывается под самого себя. Бунт современного бунтаря стал бессмыслен: восставая против всего, он утратил право восстать против чего-либо... Вот мысль, которая останавливает работу мысли, И это единственная мысль, подлежащая запрету^{8[3]}.

Сообщество не может охватывать всех

Христианство требует от членов своего сообщества конкретных убеждений. Оно открыто не для всех. Это путь к социальной разобщенности, утверждают критики. Сообщества людей должны предназначаться для всех, быть открытыми для всех на том основании, что все мы люди. Сторонники подобных взглядов указывают, что во многих городских районах соседствуют представители разных рас и религий, тем не менее уживающиеся вместе и образующие одно сообщество. Все, что для этого требуется, – чтобы каждый уважал частную жизнь и права остальных и работал ради равного доступа к образованию, рабочим местам, возможности принимать политические решения. В условиях либеральной демократии общие нравственные принципы считаются необязательными.

Увы, изложенные выше взгляды чрезмерно упрощены. Либеральная демократия опирается на обширный список допущений: приоритетность индивидуальных прав перед общественными, разграничение частной и общественной морали, святость личного выбора. Все эти убеждения чужды представителям многих культур⁹. Значит, либеральная демократия, как и любое другое сообщество, опирается на общий набор весьма конкретных принципов. Основа западного общества – единые для всех его членов обязательства по основаниям, правам и справедливости, хотя их общепризнанного определения не существует¹⁰. Все представления о справедливости и разумности коренятся в системе неких конкретных убеждений о смысле человеческой жизни, которые разделяют далеко не все¹¹. Следовательно, идея общества, охватывающего всех и каждого, иллюзорна¹². Каждое человеческое сообщество придерживается неких общих убеждений, которые неизбежно создают границы, охватывают одних людей и исключают других.

Рассмотрим пример. Представим себе, что один из членов правления местного сообщества геев, лесбиянок и транссексуалов объявляет: «Я получил некий религиозный опыт и теперь убежден, что гомосексуализм – грех». Проходят недели, а он продолжает настаивать на своем. Представим, что член правления местного общества противников гомосексуальных браков объявляет: «Я узнал, что мой сын гей, и считаю, что он имеет полное право сочетаться браком со своим партнером». Какими бы снисходительными и терпимыми ни были представители каждой группы, рано или поздно они скажут: «Вам следует выйти из комитета, поскольку вы не разделяете общие для нас убеждения». Первое из этих сообществ пользуется репутацией открытого для всех, второе – репутацией исключающего, но на практике оба действуют почти одинаково. Каждое опирается на общепринятые убеждения, которые служат границами, охватывают одних и исключают других. Ни то, ни другое не является «узким» – это просто сообщества.

Сообщество, которое не возлагает на своих членов ответственность за конкретные убеждения и поступки, не имеет «корпоративной идентичности» и по сути дела вовсе не является сообществом¹³. Нельзя считать некую группу исключающей просто потому, что к

людям в ней подходят с определенными мерками. Значит, не существует способа определить, является ли то или иное сообщество открытым и заботливым, или, наоборот, закрытым и угнетающим? Есть. Вот гораздо лучший способ это проверить: убеждения какого сообщества побуждают его членов относиться к представителям других сообществ с любовью и уважением, служить им и удовлетворять их потребности? Убеждения какого сообщества побуждают очернять и подвергать нападкам тех, кто нарушает его границы – вместо того, чтобы проявлять по отношению к этим людям доброту и смирение, пытаться расположить их к себе? Христиане заслуживают критики, когда ведут себя осуждающе и недружелюбно по отношению к неверующим¹⁴. Однако не следует критиковать церковь, которая вводит для своих прихожан стандарты в соответствии с принятыми в ней убеждениями. Ее примеру должно следовать каждое сообщество.

Христианству не свойственна культурная категоричность

Христианство пользуется репутацией культурной смиренной рубашки, якобы вынуждая представителей разных культур уместиться в единственно возможные рамки. Его воспринимают как противника плюрализма и культурного многообразия. Но на самом деле христианство лучше адаптируется (и производит меньше разрушений) к различным культурам, нежели секуляризм и многие другие мировоззрения.

Схемой распространения христианство отличается от любой другой мировой религии. Центром ислама, где проживает большая часть исламского населения, по-прежнему является место зарождения этой религии – Ближний Восток. Исконные земли, бывшие демографическими центрами индуизма, буддизма и конфуцианства, таковыми и остались.

Христианство отличается от любой другой мировой религии принципом распространения

В отличие от этих религий, в христианстве поначалу преобладали евреи, а его центром был Иерусалим. Позднее преобладающее место в нем заняли люди эллинского мира, центр сместился в Средиземноморье. Затем веру приняли варвары Северной Европы, в христианстве стали преобладать западноевропейцы, спустя некоторое время – североамериканцы. В настоящее время большая часть христиан мира живет в Африке, Латинской Америке и Азии, постепенно центр христианства начинает смещаться в южное и восточное полушария.

Показательны два примера. В 1900 году христиане составляли 9 % населения Африки, численный перевес 4:1 был на стороне мусульман. Сегодня христиане составляют 44 % населения¹⁵, в 60-х годах их стало больше, чем мусульман¹⁶. Такой же взрывной рост численности христиан в настоящее время начинается в Китае¹⁷. Христиан становится больше не только среди крестьян, простого народа, но и среди социального и культурного истеблишмента, в том числе членов коммунистической партии. При нынешних темпах роста в ближайшие 30 лет христиане составят 30 % 1,5-миллиардного населения Китая¹⁸.

Чем объясняется столь стремительный рост численности христиан в этих регионах? Самый любопытный ответ дает африканский ученый Ламин Саннех. Он говорит, что у африканцев бытуют давние традиции веры в сверхъестественный мир добрых и злых духов. Когда африканцы начали читать Библию на родных языках, многие усмотрели в личности Христа окончательное воплощение своих исторических желаний и стремлений¹⁹. Саннех пишет:

На этот исторический вызов христианство ответило изменением ориентации

мировоззрения... Люди сердцем почувствовали, что Иисус не насмеялся над их почтением к сакральному или мечтой о непобедимом Спасителе, и тогда принялись бить в Его честь в священные барабаны, и били до тех пор, пока в небе не затанцевали звезды. Эти звезды не стали меньше, даже когда кончился танец. Христианство помогло африканцам стать возродившимися африканцами, а не переделанными европейцами²⁰.

Саннех утверждает, что секуляризм с его индивидуализмом и протестами против веры в сверхъестественное гораздо более губителен для местных культур и «африканства», нежели христианство. В Библии африканцы читают о власти Иисуса над сверхъестественным, над духами зла, а также о том, как Он восторжествовал над злом на кресте. Когда африканцы становятся христианами, их «африканство» обращается в новую веру, получает завершение и разрешение, а не заменяется «европейством» или чем-то другим²¹. Благодаря христианству африканцы получают возможность абстрагироваться от своих традиций настолько, чтобы критиковать и в то же время беречь их²².

Интересный пример культурной адаптации – прихожане моей пресвитерианской церкви Искупителя в Манхэттене. Ее процветание в такой среде удивило и даже шокировало сторонних наблюдателей. Меня неоднократно спрашивали: «Как вам удалось достучаться до тысяч молодых людей в таком светском месте?» В ответ они слышали, что в Нью-Йорке христианство совершило то же самое, что и повсюду, где оно процветает. Оно в значительной и позитивной мере адаптировалось к окружающей культуре, не поступаясь своими главными принципами.

Когда африканцы становятся христианами, их «африканство» обращается в новую веру, получает завершение и разрешение, а не заменяется «европейством»

Основные доктрины церкви Искупителя – божественность Христа, непогрешимость Библии, необходимость духовного возрождения через веру в искупительную смерть Христа – соответствуют ортодоксальным, сверхнатуралистическим убеждениям Евангелической и Пятидесятнической церквей Африки, Азии, Латинской Америки, Юга и Среднего Запада США. Эти убеждения зачастую идут вразрез с взглядами и обычаями многих горожан. И в то же время мы с удовольствием принимаем многие другие аспекты разнообразной урбанистической культуры. Мы придаем большое значение искусству, ценим расовое и этническое многообразие, подчеркиваем важность соблюдения справедливости в большом городе по отношению ко *все* жителям, общаемся на языке культуры с той деликатностью, которая свойственна этой культуре большого города. И в первую очередь мы делаем акцент на милость Спасителя, разделявшего трапезу с людьми, которых было принято называть «грешниками», и любившего своих врагов. Все это очень важно для жителей Манхэттена.

По всем этим причинам церковь Искупителя притягивает удивительно пестрое урбанистическое сообщество. На одной воскресной службе мою жену Кэти познакомили с сидящим перед ней человеком, которого привел в церковь Джон Делориэн. Это был спичрайтер кандидата в президенты от консервативной Республиканской партии. Вскоре после этого Кэти похлопала по плечу сидящая за ней женщина, желающая представить еще одного посетителя. Она привела в церковь человека, который в то время писал песни для Мадонны. Кэти радовалась приходу обоих, но вместе с тем опасалась, как бы они не познакомились прежде, чем послушают проповедь!

Несколько лет назад церковь Искупителя посетил житель одного из южных штатов США. Он услышал, что мы придерживаемся ортодоксального христианского учения и что наша община

растет посреди скептически настроенного секулярного города. Он полагал, что мы привлекаем людей авангардной музыкой, видеомониторами и клипами, театральными постановками, исключительно современной атмосферой и зрелищностью. К своему изумлению, он попал на простую традиционную службу, на первый взгляд, ничем не отличающуюся от тех, к которым он привык к своим более консервативных краях. Вместе с тем он заметил, что аудиторию составляют люди, которые ни за что не стали бы посещать знакомые ему церкви. После службы этот человек подошел ко мне и признался: «Я теряюсь в догадках. А где же танцующие медведи? Где уловки и ухищрения? Почему сюда ходят все эти люди?»

«Я теряюсь в догадках. А где же танцующие медведи? Где уловки и ухищрения? Почему сюда ходят все эти люди?»

Я подвел его к компании из городской творческой среды, к людям, которые уже некоторое время посещали церковь Искупителя. Они посоветовали гостю посмотреть в корень. Один прихожанин объяснил, что разница между церковью Искупителя и другими церквями огромна и перечислил как отличительные черты «иронию, благотворительность и смирение». Его товарищи согласились с тем, что в церкви Искупителя не пользуются высокопарным и чрезмерно сентиментальным языком, который в других церквях выглядит средством эмоциональной манипуляции. Вместо этого прихожане в церкви Искупителя придерживаются тона мягкой, самокритичной иронии. Мало того, здесь верят в благотворительность и смирение, поэтому манхэттенцы чувствуют себя желанными членами сообщества, даже если не разделяют некоторые принципы церкви. И самое главное, объяснили прихожане, – наставления и общение в церкви Искупителя отличаются интеллигентностью и тонкостью, особенно в болезненных вопросах.

Все эти акценты, с одобрением встреченные в Манхэттене, упоминаются в историческом христианском учении. Например, акцент на расовом многообразии фигурирует в главе 2 Послания к Ефессянам, где апостол Павел утверждает, что расовое многообразие церкви – важное свидетельство истинности христианской веры. Еще один пример: Райнхольд Нибур указывал, что ироническое, насмешливое отношение к безуспешным попыткам человека стать богоподобным – истинно христианский способ восприятия²³. Поскольку все эти адаптивные акценты уходят корнями глубоко в историю христианского учения, они не являются просто приемами маркетинга.

Почему христианству в большей мере, чем какой-либо другой распространенной мировой религии, удастся проникать в радикально чуждую культуру? Конечно, многое объясняет суть учения (Апостольский символ веры, «Отче наш», десять заповедей), единая для всех форм христианства. Вместе с тем значительная свобода предполагается в выражении этих абсолютных принципов, принимающем в отдельных культурах своеобразные формы. Например, Библия содержит призывы к христианам вместе воспеть хвалу Богу, но не предписывает размер, ритм, степень эмоциональной выразительности, аккомпанемент – все они могут быть выбраны в соответствии с культурными особенностями. Историк Эндрю Уоллс пишет:

Культурное многообразие стало неотъемлемой частью христианской веры... в главе 15 Деяний апостолов, где говорится, что новообращенным христианам из числа язычников незачем приобщаться к иудейской культуре... Неофиты должны найти... эллинистический способ быть христианами. [Следовательно], христианская вера никому не принадлежит. «Христианская культура» отсутствует в том смысле, в котором есть «исламская культура» повсюду – от Пакистана до Туниса и Марокко...²⁴

В таких библейских текстах, как глава 60 Книги пророка Исаяи и главы 21–22 Откровения Иоанна Богослова, описан обновленный, совершенный мир будущего, в котором сохранятся наши культурные различия («все языки, племена, народы»). Это значит, что каждая культура по милости Бога обладает особыми достоинствами, которыми может обогатить человеческий род. Как указывает Уоллс, несмотря на то, что у каждой культуры есть свои перекосы и элементы, которые следовало бы подвергнуть критике и пересмотру с точки зрения христианства, всем этим культурам свойственны также ценные и уникальные элементы, которые христианство принимает и адаптирует.

Следовательно, вопреки распространенному мнению, христианство – отнюдь не уничтожающая местную культуру западная религия. Скорее, христианство приобрело больше культурно-разнообразных форм, чем другие традиции веры²⁵. Оно многому научилось у еврейской, греческой и европейской культуры, в ближайшие века ему предстоит адаптация к культурам Африки, Латинской Америки и Азии. Христианство способно стать поистине «католическим мировоззрением»²⁶, ведь на протяжении многих веков среди его лидеров были представители самых разных языков, народов и племен.

Свобода – это не так просто

Считается, что христианство ограничивает личное развитие и реализацию потенциала, поскольку стесняет нашу свободу выбирать убеждения и образ жизни. Иммануил Кант дал определение просвещенному человеку как существу, которое полагается на силу собственного разума, а не на авторитеты или традиции²⁷. Это сопротивление авторитетам в нравственных вопросах в настоящее время глубоко укоренилось в нашей культуре. Свобода определять наши собственные нравственные стандарты считается необходимой для того, чтобы быть в полном смысле слова человеком.

Однако это утрированный подход. Свобода не может определяться строго в негативных терминах, как отсутствие ограничений и запретов. В сущности, ограничения и запреты во многих случаях представляют собой средство, ведущее к освобождению.

Если у вас есть способности к музыке, вы можете годами упражняться в игре на пианино. Это ограничение вашей свободы. То время, которое вы посвятили музицированию, вы могли бы потратить множеством других способов. Но если у вас талант, тогда дисциплина и ограничения помогут воспользоваться потенциалом, который в противном случае остался бы нереализованным. Что же вы сделали? Намеренно лишили себя свободы заниматься определенными делами, чтобы обеспечить себе более ценную свободу и достичь других целей.

Во многих случаях ограничения и запреты – это средство освобождения

Это не значит, что ограничения, запреты и дисциплина автоматически обеспечивают свободу. Например, человеку ростом полтора метра с небольшим и весом под шестьдесят килограммов не стоит мечтать о карьере нападающего Национальной футбольной лиги. Никакая дисциплина и старания не принесут ему ничего, кроме раздражения и травм (в буквальном смысле слова). Он бьется головой о физическую реальность – у него просто нет соответствующего потенциала. В нашем обществе многие трудятся не покладая рук, строя карьеру, которая скорее приносит хороший доход, чем соответствует их способностям и интересам. Такая карьера тоже является подобием смиренной рубашки, которая душит и обезличивает нас.

Следовательно, дисциплина и ограничения освобождают нас только в том случае, если

соответствуют нашей натуре и способностям. Рыба, которая поглощает из воды скорее кислород, чем воздух, свободна лишь в том случае, если место ее пребывания ограничено водой. Если мы положим ее на траву, то не только не обеспечим ей свободу передвижения и не вернем ее к жизни, но и убьем ее. Рыба погибнет, если мы без должного уважения отнесемся к реальным особенностям ее натуры.

Во многих сферах жизни свобода – не столько отсутствие ограничений, сколько поиск правильных ограничений, дающих свободу. Те из них, которые соответствуют реальным особенностям нашей натуры и мира, придают силу и размах нашим способностям, дарят глубокую радость и удовлетворение. Эксперименты, риск, ошибки сопровождаются ростом лишь в том случае, если со временем показывают не только пределы наших возможностей, но и наши способности. Если оправданные ограничения способствуют нашему интеллектуальному, профессиональному и физическому росту, почему то же самое не может быть справедливым для духовного и нравственного роста? Вместо того чтобы добиваться свободы для создания духовной реальности, не лучше ли было бы найти эту реальность и с помощью дисциплины жить в соответствии с ней?

Распространенное мнение о том, что каждый из нас должен сам дать определение собственной нравственности, опирается на убеждение, согласно которому духовная реальность не имеет никакого сходства с остальным миром. Верит ли в это кто-нибудь на самом деле? Много лет подряд каждое утро и каждый вечер после воскресных служб я остаюсь в церкви еще на час, чтобы ответить на вопросы. В этом обмене мнениями участвуют сотни прихожан. Чаще прочих я слышу такое заявление: «Каждый человек должен сам решать для себя, что хорошо и что плохо». В ответ на это я интересуюсь: «Существует ли сейчас в мире хоть один человек, поступки которого вы считаете необходимым прекратить, независимо от того, насколько правильным он сам считает свое поведение?» Мне неизменно отвечают: «Да, конечно». Тогда я спрашиваю: «Но разве это не означает, что *выубеждены* в существовании некой нравственной реальности, находящейся “где-то там” и определяемой не нами, но подлежащей соблюдению независимо от того, что человек чувствует и думает?» Почти всегда этот вопрос встречают молчанием – или задумчивым, или недовольным.

Любовь, предельная свобода, ограничивает сильнее, чем можно подумать

Так что же это за нравственно-духовная реальность, которую мы должны признать, чтобы прийти к процветанию? Что это за обстановка, которая делает нас свободными, если мы ограничимся ею, подобно тому, как рыба становится свободной в воде? Любовь. Любовь – это потеря свободы, которая освобождает, как ничто другое.

Один из принципов и дружеской, и романтической любви – отказ от независимости ради достижения большей близости. Если мы стремимся к «свободам» любви – к удовлетворению, уверенности, чувству значимости, которое она приносит, – мы вынуждены во многих отношениях отказаться от своей свободы. Невозможно состоять в тесных отношениях и по-прежнему принимать единоличные решения или запрещать другу или любимому человеку решать, как вам жить. Чтобы испытывать радость и свободу любви, приходится отказаться от личной независимости. Французская писательница Франсуаза Саган удачно выразила эту мысль в интервью газете *Le Monde*. Она объяснила, что довольна тем, как прожила жизнь, и ни о чем не жалеет.

Корреспондент: Значит, вы располагали всей свободой, какой хотели?

Саган: Да... Конечно, я была свободна в меньшей степени, когда кого-нибудь

любила... Но нельзя же постоянно быть влюбленной. А в остальном... я свободна²⁸.

Саган права. Любовные отношения ограничивают наши личные возможности. Здесь мы опять сталкиваемся со сложностью понятия «свобода». Люди оказываются наиболее свободными и живыми, когда они любят. В любви мы становимся собой, вместе с тем здоровые любовные взаимоотношения подразумевают обоюдное и бескорыстное служение, взаимную потерю независимости. К. С. Льюис красноречиво сказал об этом:

Полюби – И сердце твое в опасности. Если хочешь его оградить, не отдавай его ни человеку, ни зверю. Опутай его мелкими удовольствиями и прихотями; запри в ларце себялюбия. В этом надежном, темном, лишенном воздуха гробу оно не разобьется. Его уже нельзя будет ни разбить, ни тронуть, ни спасти. Альтернатива горю или хотя бы риску – гибель²⁹.

Следовательно, свобода – это не отсутствие ограничений и запретов, а их правильный выбор, поиск тех, которые соответствуют нашей натуре и делают нас свободными.

Чтобы любовные взаимоотношения были здоровыми, необходима взаимная потеря независимости. Этот процесс не может быть односторонним. Обе стороны должны сказать друг другу: «Я буду приспосабливаться к тебе. Буду меняться ради тебя. Буду служить тебе, даже если мне придется пойти на жертвы». Если же отдает и жертвует только одна сторона, а другая приказывает и получает, отношения принимают характер эксплуатации, угнетают и рушат жизнь обеих сторон.

Чтобы испытывать радость и свободу любви, приходится отказаться от личной независимости

На первый взгляд, отношения с Богом по своей природе должны лишать нас человеческого достоинства. Разумеется, они «односторонние», вся власть сосредоточена у Бога, высшего существа. А человек вынужден приспосабливаться к Богу, потому что Бог никак не может приспосабливаться к нему и служить ему.

Если для других религий и верований это справедливо, то к христианству не относится. Богу уже доводилось приспосабливаться к нам самым радикальным образом – в процессе воплощения и искупления.

«Легко ли любить Бога?» – «Тем, кто любит, – легко»

В облике Иисуса Христа Он стал человеком с присущими ему ограничениями, уязвимым для страданий и смерти. Будучи распятым, Он оказался в нашем положении, положении грешников, и умер за нас, чтобы заслужить прощение. Благодаря Христу Бог самым проникновенным образом дал нам понять: «Я буду приспосабливаться к вам, буду меняться ради вас. Буду служить вам, даже если Мне понадобится пойти на жертвы». Если Он решился на все это ради нас, мы можем и должны платить той же монетой Богу и близким. Апостол Павел пишет: «Любовь Христова *объемлет* нас» (2 Кор 5:14).

Одного из друзей К. С. Льюиса однажды спросили: «Легко ли любить Бога?», – и он ответил: «Тем, кто любит, – легко»³⁰. Этот ответ не настолько парадоксален, как кажется. Влюбляясь всем сердцем, хочешь угодить любимому, сделать что-нибудь для него, не дожидаясь просьб. При этом старательно запоминаешь все, вплоть до мелочей, узнаешь, что может

порадовать любимого человека, и, наконец, исполняешь его желание ценой любых затрат или неудобств. «Твое желание для меня закон» – вот что мы при этом чувствуем, и это ощущение нас вовсе не угнетает. Видя все это со стороны, удивленные друзья могут подумать: «Он пляшет под ее дудку», – но в действительности это истинное блаженство.

То же самое справедливо для Иисуса и христиан. Любовь к Христу накладывает ограничения. Но когда понимаешь, как изменился Иисус, чем Он пожертвовал ради тебя, уже не боишься расстаться со своей свободой и потому обретаешь свободу в Нем.

Примечания

¹М. Скотт Пек, *Люди лжи: надежда на исцеление человека от зла* (M. Scott Peck, *The People of the Lie: The Hope for Healing Human Evil*, Simon and Schuster, 1983), глава 4, с. 168. Пек приводит слова Шарлин как пример психического нездоровья человека, у которого в жизни нет ничего более важного, чем удовлетворение личных потребностей и желаний. «Душевное здоровье требует, чтобы человеческая воля была подчинена чему-то более высокому, нежели он сам. Чтобы нормально функционировать в этом мире, мы должны подчиниться какому-то началу, которое имеет приоритет над всем, чего мы хотим в любой конкретный момент», с. 162.

²Эмма Голдмен, «Провал христианства», впервые опубликовано в 1913 году, в журнале Голдмен «Мать Земля». Обнаружено по адресу http://dwardmac.pitzer.edu/Anarchist_Archives/goldman/failureofchristianity.html на 26 декабря 2005 года.

³Это из знаменитого заявления «Сладкая тайна жизни» в решении Верховного суда по делу «Планирование семьи против Кейси»: «Суть свободы – давать свое определение существованию, значению вселенной, тайне человеческой жизни». Обратите внимание: в этом заявлении сказано, что мы вправе не «открывать» истину для себя, а скорее «давать ей определение» и создавать ее.

⁴Дэвид Френд и ред., *Жизнь и смысл жизни: размышления о том, почему мы здесь, в словах и рисунках* (David Friend, *Life, The Meaning of Life: Reflections in Words and Pictures on Why We Are Here*, Little, Brown, 1991), с. 33.

⁶«Истина и власть», Мишель Фуко, «Власть и знание: избранные интервью и другие тексты» (Michel Foucault, *Power/ Knowledge: Selected Interviews and Other Writings 1972–1977*, ed. Colin Gordon, Pantheon, 1980), с. 131.

⁷К. С. Льюис, *Человек отменяется* (C. S. Lewis, *The Abolition of Man*, Collins, 1978), с. 48.

⁸Эмили Икин, «Новейшая теория: теория не играет роли» (Emily Eakin, “The Latest Theory Is That Theory Doesn't Matter,” *New York Times*, April 19, 2003), и «Теория всего, покойся с миром» (“The Theory of Everything, RIP,” *New York Times*, October 17, 2004). См. также Динишиа Смит, «Теоретики культуры, начинайте эпитафии» (Dinitia Smith, “Cultural Theorist, Start Your Epitaphs,” *New York Times*, January 3, 2004).

⁹Г. К. Честертон, *Ортодоксия* (G. K. Chesterton, *Orthodoxy: The Romance of Faith*, Doubleday, 1990), с. 33, 41–42. Обоснованные выводы по обязательствам веры, лежащим в основе любой «либеральной демократии», см. в: Майкл Дж. Перри, *Под Богом?* с. 36. См. также статью Стэнли Фиша «Проблемы с толерантностью» (Stanley Fish, “The Trouble with Tolerance,” *Chronicle of Higher Education*, November 10, 2006).

¹⁰Аласдэр Макинтайр, *После добродетели: исследование нравственной теории* (Alasdair MacIntyre, *After Virtue: A Study in Moral Theory*, 2nd ed., University of Notre Dame Press, 1984), и *Чья справедливость? Какой рассудок?* (*Whose Justice? Which Rationality?* University of Notre Dame

Press, 1988).

¹¹По этой теме написано немало хороших книг, в том числе – Стивен Л. Картер, *Несогласные среди тех, кем управляют* (Stephen L. Carter, *The Dissent of the Governed*, Harvard University Press, 1999), с. 90. См. также Аласдэр Макинтайр, *Чья справедливости Какой рассудок?* (Duckworth, 1987), Ричард Джон Нойхаус, *Открытая площадь: религия и демократия в Америке* (Richard John Neuhaus, *The Naked Public Square: Religion and Democracy in America*, 2nd ed., Eerdmans, 1986), и Уилфред Макклей, «Два вида секуляризма» (Wilfred McClay, “Two Kinds of Secularism,” *The Wilson Quarterly*, Summer 2000). Непростой диалог по той же теме можно найти у Р. Оди и Н. Вольтершторфф, «Религия в общественных местах: место религиозных убеждений в политических дебатах» (R. Audi, N. Wolterstorff, *Religion in the Public Square: The Place of Religious Convictions in Political Debate*, Rowman and Littlefield, 1997). См. в главе 8 подробнее о мировоззренческой почве, необходимой для роста потребности в правах человека.

¹²Мишель Фуко указывал, что акцент, сделанный западным обществом на правах личности и «терпимости» к меньшинствам, женщинам и пр., сопровождается «теневым нарративом» отторжения. Как мы относимся к тем, кто не признает западную идею индивидуальных прав и частной жизни? Фуко указывает, что тех, кто ставит под сомнение современные представления о правах и их аргументацию, не клеймят как безнравственных еретиков (как в Средние века), а обвиняют в «неразумности» и «нецивилизованности». Подробные выводы по критике, высказанной Фуко в адрес так называемой западной «терпимости», см.: Мирослав Вольф, «Отторжение и принятие: богословское исследование идентичности, инакости и примирения» (Miroslav Volf, *Exclusion and Embrace: A Theological Exploration of Identity, Otherness and Reconciliation*, Abingdon, 1996), с. 58–64.

¹³«Радикальная неопределенность... коррелирует с постоянным стремлением к терпимости, которая уравнивает все разделяющие границы. [Но разве при этом]... не подрывается изнутри идея терпимости? В отсутствие границ мы будем только знать, против чего мы боремся, но не за что мы ведем эту борьбу. Интеллектуальная борьба против исключения требует категорий и нормативных критериев, которые позволят нам отличать репрессивные практики... от нерепрессивных... «Отсутствие границ» означает... что ни счастье, ни удовольствие, ни свободу и ни справедливость нельзя идентифицировать». Вольф, *Отторжение и принятие*, с. 61.

¹⁴Наглядный пример – реплика Джерри Фолуэлла в беседе с Пэтом Робертсоном на радио The 70 Club вскоре после трагедии 11 сентября: «Я действительно убежден, что это они – язычники, сторонники легализации аборт, феминистки, геи и лесбиянки, пропагандирующие альтернативный образ жизни, Американский союз защиты гражданских свобод, “Люди за американский образ жизни”, все те, кто добивался секуляризации Америки. Я направляю на них указующий перст и заявляю: “Это произошло с вашей помощью”». Взрыв возмущения и жалоб в церковных кругах вынудил Фолуэлла уже через несколько часов взять свои слова обратно. (См. <http://archives.cnn.com/2001/US/09/14/Falwell.apology>. Данные на 5 марта 2007 года.).

¹⁵Ламин Саннех, *Чья религия христианство?* (Lamin Sanneh, *Whose Religion Is Christianity?* Eerdmans, 2003), с. 15.

¹⁶Филип Дженкинс, «Христианский мир: пришествие глобального христианства» (Philip Jenkins, *Christendom: The Coming of Global Christianity*, Oxford, 2002), с. 56. «Будущий христианский мир: пришествие глобального христианства» (*The Next Christendom: The Coming of Global Christianity*, Oxford University Press, 2002), с. 56.

¹⁷Там же, с. 70.

¹⁸Дэвид Эйкмен, «Иисус в Пекине: как христианство преобразует Китай и меняет

глобальный баланс сил» (David Aikman, *Jesis in Beijing: How Christianity Is Transforming China and Changing the Global Balance of Power*, Regnery, 2003), с. 285.

¹⁹Саннех приписывает этот феномен пригодности христианства для перевода. Уроженец Гамбии и бывший мусульманин, он противопоставляет христианство исламу, приверженцы которого утверждают, что истинный Коран не поддается переводу: чтобы услышать подлинное слово Божье, надо учить арабский язык. Но ставить в привилегированное положение один язык – значит, предоставлять привилегии одной культуре, поскольку ключевые слова на любом языке имеют значение, уходящее корнями в культурные традиции и мыслеформы. В отличие от ислама, христианство (согласно Деяниям) родилось во время чуда Пятидесятницы, когда каждый, имеющий уши, услышал Благоую весть на родном языке. Следовательно, ни один язык или культура не имеют преимуществе перед другими. Библия переведена на все языки, для всех культур. См. Ламин Саннех, «Пригодность для перевода в исламе и христианстве, а также в особом контексте Африки» (Lamin Sanneh, “Translatability in Islam and Christianity, with Special Reference to Africa,” *Translating the Message: The Missionary Impact on Culture*, Orbis, 1987), с. 211 и далее.

²⁰Ламин Саннех, *Чья религия христианство**, с. 43.

²¹Там же, с. 43–44, 69–70.

²²Саннех и Эндрю Ф. Уоллс не отрицают, что миссионеры, принадлежащие одной культуре (например, европейской) обычно предлагают новообращенным форму христианства, свойственную их традиции. Но когда новообращенные читают Библию на родном языке, они видят в Слове то, что миссионеры «приглушили» (например, экзорцизм), и то, что они «усилили» согласно своим культурным представлениям и предубеждениям. Со временем все это может привести к избыточной реакции на форму веры, характерную для миссионеров. В конце концов новообращенные приходят к соглашению с собственной культурой и традициями: что-то отвергают, что-то принимают, что-то видоизменяют в свете прочитанного в Священном Писании.

²³Из Р. Нибур, «Юмор и вера» (R. Niebuhr, “Humour and Faith,” *The Essential Reinhold Niebuhr*, R. M. Brown, ed., Yale University Press, 1986), с. 49 и далее. Прочитано у Соммервилла в «Упадке светского университета», с. 129.

²⁴Эндрю Ф. Уоллс, «Экспансия христианства: интервью с Эндрю Уоллсом» (Andrew F. Walls, “The Expansion of Christianity: An Interview with Andrew Walls,” *Christian Century*, August 2–9, 2000), с. 792.

²⁵«Христианство – это религия более чем двух тысяч языковых групп мира. На таком множестве языков не молятся приверженцы никакой другой религии мира... Очевидно, эти факты о культурном и лингвистическом первенстве не согласуются с репутацией христианства как олицетворения культурной нетерпимости. Это породило в христианском мире глубокий комплекс вины, с которым бесполезно бороться имеющимися доказательствами. Вместе с тем важно расшевелить людей, потому что версия христианства по умолчанию, которую они исповедуют сейчас, представляет собой устаревший культурный фрагмент гораздо более значительного и свежего явления». Л. Саннех, *Чья религия христианство?* с. 69–70.

²⁶Этот термин взят из: А.Дж. Коньерса, «Можно ли пользоваться постмодернизмом как шаблоном для христианского богословия?» (A.J. Conyers, “Can Postmodernism Be Used as a Template for Christian Theology?” *Christian Scholars Review* 33, Spring 2004:3).

²⁷Кевин Ванхузер, «Отступление паломника: христианское мышление и постмодернизм» (Kevin Vanhoozer, “Pilgrim’s Digress: Christian Thinking on and About the Post/Modern Way,” in *Christianity and the Postmodern Turn*, ed. Myron B. Penner, Brazos, 2005), с. 74.

²⁸Прочитировал Джон Стотт, *Современный христианин* (John Stott, *The Contemporary Christian*, IVP, 1992). Английский перевод этого интервью опубликован в *Guardian Weekly*, June 23, 1985.

²⁹К. С. Льюис, *Любовь* (перевод Н. Трауберг).

³⁰Безымянный «старый писатель» процитирован в «*Любви*» К. С. Льюиса.

4. Церковь несет ответственность за множество несправедливостей

«По-моему, ни в одной религии не найти такого множества фанатиков и лицемеров, – утверждала Хэлен, изучающая право. – На свете столько людей, которые совсем не религиозны, и при этом гораздо добрее и порядочнее, чем многие из моих знакомых христиан».

«Известно, что церковь на протяжении всей истории поддерживала несправедливость и уничтожала культуру, – отзывалась еще одна студентка юридического факультета Джессика. – Если христианство – истинная религия, как такое могло быть?»

Марк Лилла, преподаватель университета Чикаго, написал для *The New York Times Magazine* статью о своем подростковом опыте «рождения свыше». Во время учебы в колледже он отошел от христианской веры, претерпел процесс, обратный обращению в нее. Как это произошло? Переселившись из Детройта в Энн-Арбор, Мичиган, он примкнул к христианскому сообществу, которое славилось на всю страну как источник духовной энергии, но на поверку оказалось «сокрушительным разочарованием». Это сообщество было авторитарным, иерархическим, его члены – «догматиками... которые стремились учением привести меня к подчинению». Лишившись каких бы то ни было иллюзий при виде агрессивности, с которой, как ему казалось, члены сообщества использовали Библию, чтобы контролировать чужую жизнь, он «поймал себя на мысли: а что, если Библия ошибочна? Так я сделал первый шаг прочь от веры...»¹.

Если христианство истинно, почему же столько людей, не принадлежащих к христианской вере, ведут более праведную жизнь, чем христиане?

Многие люди, стоящие на позициях интеллектуального сопротивления христианству, опираются на личный опыт разочарования в христианах и церквях. Все мы руководствуемся интеллектуальной предрасположенностью, основанной на нашем опыте. Если среди ваших знакомых много мудрых, любящих, добрых и проникательных христиан, если за годы вы повидали немало церквей, прихожане которых набожны, но вместе с тем великодушны и не лишены чувства гражданского долга, интеллектуальные доводы в пользу христианства вы сочтете гораздо более убедительными. Если же среди ваших знакомых преобладают те, кто лишь называют себя христианами, но не исповедуют веру, или же самодовольные фанатики, тогда доводы в пользу христианства должны быть особенно вескими, чтобы вы признали их хотя бы отчасти убедительными. Вывод Марка Лилла о том, что «Библия может быть ошибочной» не был актом философского размышления в чистом виде. Он противился тому, как конкретные люди пытались злоупотреблять своей властью над ним, прикрываясь христианством.

Следовательно, мы должны обратиться к поведению христиан – как отдельно взятых личностей, так и целых приходо, – по вине которых христианство лишилось притягательности в глазах многих людей. При этом встают три вопроса. Первый вопрос – о вопиющих изъянах в характере христиан. Если христианство истинно, почему же столько людей, не принадлежащих к христианской вере, ведут более праведную жизнь, чем христиане? Второй вопрос – о войне и насилии. Если христианство истинно, почему же церковь как организация так долго выступала в поддержку войн, несправедливости и насилия? Третий вопрос – о фанатизме. Даже если

христианское учение может немало предложить нам, с какой стати мы должны объединяться с толпой самодовольных, лицемерных, опасных фанатиков?

Недостатки характера

Каждый, кто имеет отношение к жизни церкви, вскоре обнаружит множество изъянов в характере среднестатистического христианина. Если уж на то пошло, соперничество и дух преданности своей группировке в церковных сообществах более выражены, чем в любой другой добровольной организации. Кроме того, недостатки морали христианских лидеров широко известны. Да, пресса слишком усердно смакует подробности связанных с ними скандалов, но не выдумывает их.

Коррупция в среде церковных иерархов распространена не меньше (если не больше), чем в кругах других лидеров всего мира.

В то же время многие люди, не считающие себя официально принадлежащими к религии, ведут в высшей степени нравственную, образцовую жизнь. Если христианство действительно обладает всеми достоинствами, на которые претендует, разве христиане в целом не должны значительно превосходить всех прочих людей в нравственном отношении?

Это предположение основано на ошибочном представлении о том, что христианство говорит о самом себе. Христианское богословие содержит учение о так называемой *всеобщей благодати*. В Послании Иакова 1:17 говорится: «Всякое даяние доброе и всякий дар совершенный нисходит свыше, от Отца светов». Это означает, что кто бы ни совершал каждый акт доброты, мудрости, справедливости и красоты, он получил эту силу от Бога. Бог раздает дары мудрости, таланта, красоты и умений «милостью», то есть совершенно без учета заслуг. Чтобы обогащать, озарять и охранять мир, Он наделяет этими дарами все человечество, независимо от религиозных убеждений, расовой и гендерной принадлежности, а также от любых других свойств.

Христианские богословы также говорят о серьезном изъяне в характере истинных христиан. Основная мысль Библии – в том, что мы можем вступать в отношения с Богом исключительно благодаря милости. Наши нравственные старания слишком жалки и неверно мотивированы, чтобы заслуживать спасения. Смерть и воскресение Иисуса обеспечили нам это спасение, которое мы принимаем как дар. Все Церкви верят в это в той или иной форме. Развитие характера и изменения в поведении проявляются постепенно, после того, как человек становится христианином. Ошибочное убеждение, согласно которому человек должен «сделать чистой» свою жизнь, чтобы быть достойным присутствия Бога, не относится к христианским. Однако оно означает, что в церкви немало незрелых и сломленных людей, которым предстоит еще пройти длинный эмоциональный, нравственный и духовный путь. Как говорится, «церковь – лечебница для грешников, а не музей для святых».

Ошибочное убеждение, согласно которому человек должен «сделать чистой» свою жизнь, чтобы быть достойным присутствия Бога, не относится к христианским

Достоинства характера можно в целом приписать влиянию любящей, надежной, стабильной семьи и социального окружения – условиям, за которые мы не отвечаем. Вместо этого многим из нас приходится жить в нестабильной семейной обстановке, довольствоваться неадекватными образцами для подражания, сталкиваться с трагедиями и разочарованиями. В результате нас обременяет проникшая глубоко в душу незащищенность, ранимость, недостаток уверенности в себе. Нам приходится бороться с неконтролируемым гневом, робостью,

зависимостями, другими трудностями.

А теперь представьте, что женщина с очень трудным прошлым становится христианкой и ее характер значительно улучшается по сравнению с тем, каким он был раньше. Тем не менее она по-прежнему не настолько уверена в себе и менее склонна к соблюдению самодисциплины, чем другая женщина, настолько хорошо приспособленная к жизни, что она вообще не нуждается в религиозной принадлежности. Допустим, что за одну неделю вы познакомились с обеими. Не зная, как начиналась и развивалась жизнь каждой из них, легко прийти к выводу, что христианство немногого стоит, а христиане не соответствуют собственным высоким меркам. Зачастую люди, которым живется нелегко и которые не дотягивают до высоких стандартов по характеру, с большей вероятностью признают свою потребность в Боге и обращаются к христианству. Поэтому неудивительно, что жизнь многих христиан проигрывает в сравнении с жизнью нерелигиозных людей²(точно так же, как здоровье пациентов больницы в целом окажется хуже здоровья посетителей музеев).

Религия и насилие

Разве ортодоксальная религия не представляет собой путь, неизбежно ведущий к насилию? Так утверждает Кристофер Хитченс, автор книги «Бог не любовь: как религия все отравляет». В главе «Религия убивает» он делится личными впечатлениями о вспышках насилия на религиозной почве в Белфасте, Бейруте, Бомбее, Белграде, Вифлееме и Багдаде. Он утверждает, что религия лишь усиливает расовые и культурные различия. «Религия сродни расизму, – пишет он. – Одна ее разновидность вдохновляет и провоцирует другую... Религия многократно усугубила межплеменное недоверие и ненависть мракобесием и ханжеством»³.

В словах Хитченса есть истина. Религия придает «трансцендентальность» обычным культурным различиям, поэтому сторонам кажется, будто они участвуют в космической битве добра и зла.

Религия придает «трансцендентальность» обычным культурным различиям, поэтому сторонам кажется, будто они участвуют в космической битве добра и зла

Вот почему Хитченс утверждает, что «религия все отравляет». Так и впрямь может показаться. Христианские страны институционализировали империализм, насилие и угнетение с помощью инквизиции и торговли рабами-африканцами. Тоталитарная и милитаристская японская империя середины XX века порождена культурой, сложившейся под несомненным влиянием буддизма и синтоизма. Ислам – почва, на которой произрастает немалая часть современного терроризма, а израильские войска тоже зачастую проявляют чрезмерную жестокость.

Индуистские националисты именем своей религии наносят кровопролитные удары и по христианским церквям, и по мусульманским мечетям. Все это свидетельствует о том, что религия преувеличивает масштабы различий между людьми, пока разногласия не перерастают в войны, вспышки насилия, угнетение меньшинств⁴.

Но с этой точкой зрения возникают проблемы. В коммунистической России, Китае и Камбодже в XX веке организованную религию и веру в Бога всецело отвергали. Предшественницей всех этих режимов была Французская революция, отвергавшая всю традиционную религию ради человеческого разума. Все эти общества были рациональными и секулярными, но каждое порождало мощные вспышки насилия против собственных людей, обходясь без влияния религии. Почему? Алистер Макграт указывает: в отсутствие идеи Бога

общество будет придавать «трансцендентальность» чему-нибудь другому, какой-то другой концепции, добиваясь нравственного и духовного превосходства. Марксисты возвели в такой абсолют государство, нацисты поступили так же с расой и кровью. Даже идеалы свободы и равенства можно использовать тем же способом, чтобы подвергать насилию противников. В 1793 году, когда мадам Ролан вели на гильотину, осудив по сфабрикованным обвинениям, она поклонилась олицетворяющей свободу статуе на площади Революции и воскликнула: *«Какие преступления совершаются во имя свободы!»*⁵

Насилие, совершающееся именем христианства, – страшная действительность

Насилие, совершающееся именем христианства, – страшная действительность, которую следует выявлять и устранять. Оправданий ей нет. Но в XX веке секуляризм подстрекал к насилию в той же мере, что и нравственный абсолютизм. Общества, избавившиеся от любого подобия религии, угнетали людей так же, как те, кто был ею пропитан. Остается лишь сделать вывод, что где-то в глубине человеческого сердца коренится некий насильственный импульс, который проявляется независимо от убеждений конкретного общества, независимо от того, социалистическое оно или капиталистическое, религиозное или нерелигиозное, индивидуалистическое или иерархическое. Следовательно, в конечном счете факт существования насилия и военных действий в обществе не обязательно опровергает превалирующие убеждения этого общества.

Фанатизм

Вероятно, в наше время среднестатистического человека отпугивают от христианства не столько насилие и войны, сколько тень фанатизма. У многих неверующих есть друзья или родственники, которые «родились свыше» и, по-видимому, лишились разума. Такие люди сразу начинают во всеуслышание выражать свое недовольство разными группами и общественными сферами, особенно кино и телевидением, демократической партией, гомосексуалистами, сторонниками теории эволюции, судебным активизмом, приверженцами других религий, ценностями, которые прививают в государственных школах. Отстаивая истинность своей веры, они зачастую выглядят нетерпимыми и самодовольными. Именно такое поведение многие называют фанатизмом.

Люди становятся фанатиками не потому, что всей душой преданы своей вере, а по той причине, что недостаточно преданы ей

Немало людей пытается понять позиции христиан во всем их многообразии: от «номинализма» на одном конце спектра до «фанатизма» на противоположном. «Номинальный» христианин – тот, кто лишь называется христианином, но не исповедует веру и, возможно, не имеет ее. Фанатик – тот, кто, по мнению окружающих, слишком горячо верит и злоупотребляет христианством. В этой схеме лучшим христианином будет тот, кто придерживается золотой середины, не заходит слишком далеко, верует, но не демонстрирует чрезмерную преданность вере. Проблема этого подхода заключается в том, что он рассматривает христианскую веру как одну из форм нравственного совершенствования. Следовательно, ревностные христиане должны быть ярыми поборниками нравственности, или, как их называли во времена Иисуса, фарисеями. Фарисеи полагают, что они приняты Богом, поскольку высоконравственны и следуют верному учению. Естественно, это пробуждает чувство превосходства по отношению к тем, кто не

разделяет их религиозность, а затем порождает различные формы жестокого обращения, отторжения, угнетения. Такова сущность фанатизма в нашем понимании.

А если сущность христианства – спасение по благодати, спасение не за наши поступки, а в результате того, что совершил ради нас Христос? Вера в то, что мы приняты благодатью Божьей, внушает глубокое смирение. Значит, люди становятся фанатиками не потому, что всей душой преданы Благой вести, а по той причине, что недостаточно преданы ей.

Задумаемся о тех, кого мы считаем фанатиками. Они надменны, самодовольны, самоуверенны, нетактичны и резки. Почему? Не потому, что они христиане до мозга костей, а потому, что они в недостаточной степени христиане. Они фанатично ревностны и отважны, но им недостает фанатичного смирения, деликатности, любви, отзывчивости, умения прощать и понимать – всех качеств, которыми обладал Иисус. Считая христианство программой самосовершенствования, они подражают Иисусу, изгоняющему торговцев из храма, но не Иисусу, сказавшему: «Кто из вас без греха, первый брось... камень» (Ин 8:7). Поступки, поражающие нас излишним фанатизмом, на самом деле указывают на отсутствие полной преданности Христу и Его Благой вести.

Библейская критика религии

Экстремизм и фанатизм, ведущие к несправедливости и угнетению, – постоянная угроза в любой группе верующих. Для христиан противоядием от нее становится не смягчение и умеренность веры, а скорее, более всеобъемлющая и истинная вера в Христа. Библейские пророки прекрасно понимали это. Ученый Мерольд Вестфаль показывает, что анализ религии как орудия угнетения, проведенный Марксом, был предвосхищен еврейскими пророками Исайей, Иеремией, Амосом и даже текстами новозаветных Евангелий. По мнению Вестфалья, Маркс неоригинален в своей критике религии – в этом вопросе его опередила Библия!⁶

Христа распяла церковь, а не мир. –*Карл Барт.*

Иисус высказывает резкую критику в адрес религии. В Нагорной проповеди (главы 5, 6 и 7 Евангелия от Матфея) он критикует не безбожников, а, религиозных людей. Люди, которых он порицает, молятся, подают бедным, стремятся жить по предписаниям Библии, но делают все это для того, чтобы снискать признание и власть. Они убеждены, что получают рычаги влияния на других людей и даже на Бога за свое духовное рвение («Они думают, что в многословии своем будут услышаны» – Мф 6:7). По этим причинам они становятся категоричными и нетерпимыми, скорыми на осуждение и не желающими выслушивать упреки. Это фанатики.

В своих учениях Иисус неоднократно говорит почтенным и праведным: «Мытари и блудницы вперед вас идут в Царство Божие» (Мф 21:31). Яростными речами Он не раз бичует их формализм, самодовольство, предубежденность, любовь к богатству и власти («Вы, фарисеи, внешность чаши и блюда очищаете, а внутренность ваша исполнена хищения и лукавства... нерадите о суде и любви Божией... налагаете на людей бремена неудобноносимые, а сами и одним перстом своим не дотрагиваетесь до них... поедают дома вдов и лицемерно долго молятся» – Лк 11:39–46; 20:47). Незачем удивляться тому, что верующий в Библию религиозный истеблишмент предал Иисуса смерти. Как писал Карл Барт, Христа распяла церковь, а не мир⁷.

Иисус следует примеру таких иудейских пророков, как Исайя, который говорил своим современникам:

Они каждый день ищут Меня и хотят знать пути Мои, как бы народ, поступающий

праведно и не оставляющий законов Бога своего; они вопрошают Меня о судах правды, желают приближения к Богу: «Почему мы постимся, а Ты не видишь? смиряем души свои, а Ты не знаешь?» – Вот, в день поста вашего вы исполняете волю вашу и требуете тяжких трудов от других... Вот пост, который Я избрал: разреши оковы неправды... угнетенных отпусти на свободу, и расторгни всякое ярмо; раздели с голодным хлеб твой, И скитающихся бедных введи в дом; когда увидишь нагого, – одень его... (Ис 58:2–7).

Что осуждали пророки и Иисус? Они выступали не против молитв, постов и жизни в соответствии с библейскими указаниями. Однако религиозным людям свойственно пользоваться соблюдением духовных и этических правил как рычагом для достижения власти над другими людьми и над Богом, чтобы задобрить Его обрядами и добрыми делами. Все это приводит к акценту на внешних религиозных формах, а также к алчности, материализму и угнетению в общественном устройстве. Люди, считающие, что угодили Богу качеством своего поклонения и нравственными достоинствами, естественно, считают, что они сами и группа, к которой они относятся, достойны уважения и власти над другими. Но Бог Иисуса и пророков дарует спасение милостью. Им нельзя манипулировать с помощью религиозной и нравственной деятельности – достичь благодати можно лишь покаянием, *отказом от власти*. Если мы спасены милостью, то можем стать лишь благодарными и усердными слугами Богу и тем, кто нас окружает. Иисус наставлял учеников: «Кто хочет быть большим между вами, да будет вам слугою; и кто хочет быть первым между вами, да будет всем рабом» (Мк 10:43–45).

Церковь действительно совершала непростительные поступки, во все времена участвуя в угнетении людей. Библия дает возможность бороться с подобной несправедливостью изнутри

Лицемерная религия, осуждаемая Иисусом и пророками, неизменно отмечена невосприимчивостью к вопросам социальной справедливости, в то время как для истинной веры характерна глубокая забота о бедных и обделенных. Жан Кальвин в своих комментариях к иудейским пророкам утверждает, что Бог настолько отождествлен с бедными, что их мольбы выражают божественную боль. Библия учит нас, что наше отношение к ним равнозначно нашему отношению к Богу⁸.

Церковь действительно совершала непростительные поступки, во все времена участвуя в угнетении людей, вместе с тем важно понять, что Библия дает нам инструменты для анализа и непреклонной критики религиозной несправедливости *изнутри веры*. Историк С.Джон Соммервилл утверждает, что даже яростные светские критики христианства обычно пользуются для его осуждения его же внутренними ресурсами⁹. Многие осуждают церковь за жажду власти и себялюбие, забывая о том, что во многих культурах стремление к власти и почету только приветствуется. Так где же мы, спрашивает Соммервилл, берем список добродетелей, на основании которого выявляем грехи церкви? По сути дела, мы заимствуем его у христианской веры.

Иллюстрируя эту точку зрения своим студентам, Соммервилл предлагает им мысленно проделать эксперимент. Он указывает, что в дохристианских племенах Северной Европы, например, у англосаксов, общественное устройство опиралось на понятие чести. В основе эти культур лежал стыд, главной задачей каждого человека было заслужить уважение окружающих и сохранить его. Христианские монахи, пытающиеся обратить в веру эти племена, обладали набором ценностей, фундамент которого образовывало милосердие, желание делать добро

окружающим. Чтобы продемонстрировать разницу,

Соммервилл просил студентов представить себе, будто по улице идет старушка с большим кошельком. Почему бы не сбить ее с ног и не забрать кошелек себе? Культура стыда и чести дает ответ: нет, вы не заберете себе чужой кошелек, потому что тот, кто нападает на слабого, заслуживает презрения. Никто не будет уважать вас, в том числе и вы сами. Разумеется, это этика любви к себе. В центре внимания – то, как поступок отразится на вашей чести и репутации. Но можно рассуждать и по-другому. Можно представить себе, как обидно оказаться ограбленным, как потеря денег повлияет на людей, которые зависят от старушки. Желая добра и ей самой, и всем ее родным, вы не возьмете денег. Это этика любви к ближнему, построенная исключительно на заботе о другом человеке.

Недостатки церкви можно понять в историческом контексте как неудачное заимствование и соблюдение принципов христианской Благой вести

За годы Соммервилл убедился, что подавляющее большинство его студентов более склонны ко второму типу этики, к этике любви к ближнему. Как историк, он демонстрировал им, насколько христианский характер носит их нравственная ориентация. Христианство изменило культуры, опирающиеся на честь, где гордость ценилась выше смирения, господство – выше служения, смелость выше миролюбия, слава выше скромности, преданность собственному «племени» выше равного уважения ко всем¹⁰. Типичные упреки нерелигиозных людей в адрес угнетающей и несправедливой христианской церкви обычно исходят из источников для критики, имеющихся в самом христианстве. Недостатки церкви можно понять в историческом контексте как неудачное заимствование и соблюдение принципов христианской Благой вести. Соммервилл говорит: когда англосаксы впервые услышали христианские учения, они не поверили своим ушам. Они не понимали, как общество может выжить без страха и почтения к силе. Обратившись в веру, они действовали далеко не последовательно, пытались сочетать христианскую этику любви к ближнему со своими давними обычаями. Они приветствовали крестовые походы как способ защитить честь Бога и свою честь, не мешали монахам, женщинам и крепостным культивировать добродетели, но считали их неподходящими для людей чести и действия. Неудивительно, что в истории церкви многое заслуживает осуждения. Но отказаться от христианских мерок – значит, остаться без фундамента для критики¹¹.

Так как же реагировать на совершенно справедливые и сокрушительные упреки, в которых фигурирует история христианской церкви? Неотходить от христианской веры, поскольку тогда у нас не останется ни мерок, ни ресурсов, чтобы внести необходимые поправки. Вместо этого мы должны яснее и глубже уяснить себе, что такое христианство. Сама Библия учит нас ожидать жестокостей со стороны религии и объясняет, как действовать в этом случае. Благодаря этому история христианства дает нам множество необыкновенных примеров самоисправления. Обратимся к двум наиболее примечательным.

Правосудие именем Иисуса

Несмываемое пятно на истории христианства оставила торговля рабами-африканцами. Поскольку христианство преобладало в странах, которые покупали и продавали рабов, церковь должна нести ответственность за происходившее наряду со всем обществом. Рабство в той или иной форме являлось практически универсальным для всей многовековой истории и культуры человечества, но именно христиане первыми пришли к выводу о недопустимости рабства. Социальный историк Родни Старк пишет:

Хотя это было принято отрицать, учения, отвергающие рабство, начали появляться в христианском богословии вскоре после упадка Рима и сопровождалось постепенным исчезновением рабства повсюду в христианской Европе, кроме самых отдаленных окраин. Впоследствии, когда европейцы ввели рабство в Новом Свете, они сделали это вопреки активному сопротивлению папы – этот факт до недавнего времени был удобно «утрачен». И наконец, отмена рабства в Новом Свете была достигнута усилиями христианских деятелей¹².

Христиане начали добиваться отмены рабства не из-за общего представления о правах человека, а потому, что усматривали в нем нарушение воли Божьей. Более древние, библейские формы службы по договоренности и ради выплаты долгов зачастую бывали суровыми, но аболиционисты-христиане считали, что пожизненное рабство по расовому признаку, достигающееся посредством похищений, не идет ни в какое сравнение с рабством из Ветхого и Нового Заветов¹³. Такие христианские деятели, как Уильям Уилберфорс из Великобритании, Джон Вулмен из Америки и многие другие именем Христа посвятили всю свою жизнь борьбе с рабством. Работоторговля была настолько прибыльным делом, что в церкви предпринимались все старания, чтобы оправдать ее. Многие церковные лидеры защищали этот институт. Развернулась титаническая битва за самоуправление¹⁴.

Когда аболиционисты наконец вплотную подошли к отмене рабства в британском обществе, плантаторы в колониях поняли, что освобождение рабов обойдется их хозяевам в гигантские суммы, а цены на товары взлетят до небес. Но это не испугало аболиционистов из палаты общин. Они договорились компенсировать плантаторам потери из-за освобождения рабов – выплатить невероятную сумму, равную половине годового бюджета британского правительства. Указ об освобождении рабов был принят в 1833 году, он лег на британский народ таким тяжким бременем, что один историк назвал отмену рабства в Великобритании «добровольным экономическим самоубийством».

Механизм самоисправления христианства действует постоянно

Родни Старк отмечает, что историки прилагают все старания, чтобы понять, почему аболиционисты были готовы идти на такие жертвы ради отмены рабства. Он цитирует историка Ховарда Темперли, который утверждает, что история отмены рабства выглядит загадочной потому, что большинство ученых убеждено: любой поступок в политике продиктован корыстными интересами. Но несмотря на то, что за последние пятьдесят лет сотни ученых искали возможные объяснения этому явлению, «никто не сумел доказать, что люди, выступающие за отмену работоторговли... добились хоть сколько-нибудь ощутимой выгоды... или что эти меры оказались не только экономически затратными для страны», как утверждает Темперли. Рабство отменили потому, что оно было недопустимо, о чем говорили христианские лидеры¹⁵. Механизм самоисправления христианства, его критика в адрес несправедливости, совершающейся при поддержке религии, заявили о себе.

Еще один классический пример – движение за гражданские права в США в середине XX века. Видный историк этого движения Дэвид Л.Чеппел утверждает, что это было не политическое, а в первую очередь религиозное и духовное движение. Белые либералы из северных штатов, союзники афро-американских лидеров движения за гражданские права, не были сторонниками актов гражданского неповиновения или прямых нападок на сегрегацию. Придерживаясь светской веры в то, что человек по своей природе добр, они считали, что образование и просвещение неизбежно приведут к социальному и расовому прогрессу. Чеппел

считает, что чернокожие лидеры были гораздо более склонны к библейскому пониманию греховности человеческой души и обличению несправедливости, о которой они читали у иудейских пророков. Чеппел также показывает, как живая вера простых афро-американцев наделила их силой, чтобы добиваться справедливости, несмотря на яростное сопротивление их требованиям. Таким образом, Чеппел говорит, что понять произошедшее можно лишь в том случае, если рассматривать движение за гражданские права как религиозное возрождение¹⁶.

Живая вера простых афро-американцев наделила их силой, чтобы добиваться справедливости, несмотря на яростное сопротивление их требованиям

Когда Мартин Лютер Кинг выступил против расизма в белой церкви на Юге, он не призывал южные церкви к большему секуляризму. Почитайте его проповеди и «Письмо из Бирмингемской тюрьмы», обратите внимание на его аргументацию. Он обращается к нравственному закону Бога и Писанию, призывает белых христиан быть *более верными* собственным убеждениям и понять, чему на самом деле учит Библия. Он не говорит, что «истина относительна, поэтому каждый имеет право сам определять, что хорошо и что плохо для него». Если все относительно, у белых на Юге не было бы причин отказываться от своей власти. Доктор Кинг приводит слова пророка Амоса: «Пусть, как вода, течет суд, и правда – как сильный поток!» (Ам 5:24). Величайший из защитников справедливости нашего времени знал, что противоядие расизму – не ослабленное, а более глубокое и истинное христианство.

Уилберфорс и Кинг были далеко не единственными лидерами, которые переломили ситуацию, связанную с несправедливостью, которая совершалась именем Христа. После прекращения политики апартеида в Южной Африке все ждали кровавой резни, в которой бывшие жертвы будут яростно мстить бывшим гонителям и угнетателям, а те – защищаться силовыми методами. Вместо этого такие христианские лидеры, как Десмонд Туту, в середине 90-х годов XX века организовали южноафриканскую Комиссию по выяснению истины и примирению. Название свидетельствует о ее принципах и задачах. Комиссия предлагала жертвам публично выступать с рассказами о своем прошлом, приглашала бывших виновников угнетения и насилия делать чистосердечные признания и просить о прощении. Ни одна из сторон не была освобождена от обязанности предстать перед комиссией. Она слушала отчеты о нарушении прав человека и рассматривала прошения о помиловании от всех сторон – как от представителей бывшего режима апартеида, так и от Африканского национального конгресса. Без недостатков и критики не обошлось, но комиссия сгладила переход к мажоритарной системе, сумев предотвратить кровопролитие, которого со страхом ждали все.

В конце XX века Католическая церковь в Восточной Европе отказалась гибнуть при коммунистическом режиме. С «терпения, свеч и распятий» началась цепь событий, которые привели к падению всех тоталитарных режимов. Польский священник Ежи Попелушко, проповедник и активный деятель, возглавил движение за свободу профсоюзов в коммунистической Польше еще в начале 80-х годов. Когда тайная полиция организовала его убийство, на похороны собралось 250 тысяч человек, в том числе Лех Валенса, организация которого «Солидарность» участвовала в свержении коммунистического правительства. Многие участники похоронной процессии проходили мимо штаб-квартиры тайной полиции, неся плакаты «Мы прощаем»¹⁷. Это движение сопротивления имело явно христианский фундамент.

Известен длинный список мучеников, которые восставали против угнетения именем Иисуса. Один из них – архиепископ Оскар Ромеро из Сальвадора. Он стал архиепископом, потому что придерживался консервативных, ортодоксальных и догматических взглядов. На новом посту он увидел неопровержимые доказательства систематического и вопиющего

нарушения правительством прав человека. Он бесстрашно выступил против этих нарушений, и в 1980 году его застрелили во время мессы.

Прославленный лютеранский мученик Дитрих Бонхеффер был пастором двух немецкоязычных церквей в Лондоне, когда к власти в Германии пришел Гитлер. Бонхеффер не пожелал оставаться в стороне и вернулся на родину, чтобы возглавить запрещенную семинарию Исповедующей церкви – христианского собрания, отказавшегося принести присягу нацистам. В своей классической работе «Цена ученичества» Бонхеффер выступает с критикой религии и Церкви его времен. Вторя Христу и пророкам, Бонхеффер обличает духовную апатию и самодовольство, которые побудили многих сотрудничать с Гитлером и сквозь пальцы смотреть на преступления нацистов против тех, кого систематически вытесняли из общества и уничтожали. В конце концов Бонхеффера арестовали и повесили.

Бонхеффер обличал духовную апатию и самодовольство, которые побудили многих церковных иерархов сотрудничать с Гитлером

В последних письмах из тюрьмы Бонхеффер пишет о том, как христианская вера давала ему возможность пожертвовать всем ради спасения других. Маркс утверждал: веруя в жизнь после смерти, не станешь заботиться о том, чтобы усовершенствовать этот мир. Но можно утверждать и обратное. Если этот мир – все, что у нас есть, если блага этого мира – единственная любовь, утешение и богатство, какое у нас когда-либо будет, зачем нам жертвовать ими ради других? Бонхефферу помогли осуществить задуманное радость и надежда на Бога:

Человека делает христианином не акт религиозного поклонения, а причастность к страданиям Бога в мирской жизни. Это метанойя (раскаяние) – думать в первую очередь не о собственных потребностях, проблемах, грехах и опасениях, а позволить себе оказаться на пути Иисуса Христа... Боль – святой ангел... Благодаря ему люди возвышаются над всеми радостями мира... Боль стремления, которая зачастую может ощущаться физически, должна присутствовать, и мы не будем заглушать ее разговорами, это ни к чему. Но ее требуется преодолевать всякий раз, чтобы обрести еще более святого, нежели в боли, ангела радости в Боге¹⁸.

Зачем были приведены эти примеры? Они доказывают правоту доктора Кинга. Когда люди совершают несправедливости именем Христа, они теряют верность духу Того, Кто сам погиб как жертва несправедливости, но призывал простить Его врагов. Когда люди жертвуют жизнью ради освобождения других, как сделал Иисус, они исповедуют истинное христианство, к которому призывают Мартин Лютер Кинг, Дитрих Бонхеффер и другие христиане.

Примечания

¹Марк Лилла, «Обретение религии: мои давно минувшие годы юношеского евангелизма» (Mark Lilia, "Getting Religion: My Long-lost Years as a Teenage Evangelical," in the *New York Times Magazine*, September 18, 2005), с. 94–95.

²«Если все, чего вы ищете, – это аргумент против христианства... то вы легко сможете найти какого-нибудь неумного и не очень приятного христианина и сказать: "Так вот он, ваш хваленый новый человек! Дайте-ка мне лучше старого!" Но если вы хотя бы раз почувствуете, что ключи к христианству – не там, то в глубине сердца поймете, что все ваши возражения и аргументы – лишь попытка уйти. Что вы можете знать о других человеческих душах? Об их

искушениях, их возможностях, их борьбе? Лишь одну душу во всем Божьем мире знаете вы, и это та душа, чья судьба отдана в ваши руки. Если Бог существует, вы в некотором смысле один на один с Ним. Вы не можете от Него избавиться, философствуя о достоинствах и недостатках своих соседей или вспоминая то, о чем вы читали в книгах. Что будут значить все эти пересуды и домыслы... когда развеется притупляющий туман анестезии, который мы называем “природой” или “реальным миром”, и Присутствие, о Котором вы всегда знали, станет осязаемым, непосредственным, неустранимым?» К. С. Льюис, *Просто христианство*, пер. И. Череватой.

³Кристофер Хитченс, *Богне любовь: как религия все отравляет*. М.: Альпина нон-фикшн, 2011, с. 49, 50.

⁴Некоторые секулярные мыслители современности утверждают, что в каждой религии содержится семя угнетения. Но при этом они не принимают во внимание колоссальные различия между представлениями религий об обращении. Например, буддизм и христианство требуют глубокого внутреннего преобразования на основании личного решения. Принуждение к соблюдению внешних правил рассматривается как духовная апатия. Следовательно, такая вера с большей вероятностью будет стремиться в общество, где ценят свободу вероисповедания, чтобы каждый человек мог узнать истину и без ограничений придерживаться ее. Макс Вебер и другие показали, что христианское вероучение, особенно в протестантской форме, создает основу для личных прав и свобод, благоприятную для развития демократии и капитализма. Другие философские взгляды и вероучения придают гораздо меньше значения личной свободе выбора.

Показательный пример – разница между христианством и исламом в вопросах отношения к обращению в веру. Обращение в христианскую веру подразумевает переход от «знания о Боге» к личному «знанию Бога». Большинство мусульман сочло бы дерзостью заявления о личном и близком знакомстве с Богом. Тем не менее ребенок, растущий в христианской семье, может говорить о своем обращении в веру в возрасте десяти, пятнадцати, двадцати лет. Ребенок же, растущий в мусульманской семье, никогда не заговорит об обращении в ислам. Это различие в представлениях означает, что христиане считают бессмысленным давить на людей, убеждая их обратиться в христианство или исповедовать его. Но в исламе никто не видит ничего странного в оказании правового и социального давления с той целью, чтобы горожане продолжали жить в соответствии с мусульманскими обязательствами. (За эти рассуждения благодарю Дона Карсона. –Т.К.)

⁵Алистер Макграт, *Иллюзия Докинза? Атеистический фундаментализм и отрицание божественного* (Alister McGrath, *The Dawkins Delusion? Atheist Fundamentalism and the Denial of the Divine*, Inter-Varsity Press, 2007), с. 81.

⁶Мерольд Вестфаль, *Подозрения и вера: религиозное применение современного атеизма* (Merold Westphal, *Suspicion and Faith: The Religious Uses of Modern Atheism*, Eerdmans, 1993), главы 32–34. См. с. 203: «Я хотел бы... обвинить Маркса в плагиате. Его критика капитализма, по сути дела, библейская забота о вдовах и сиротах, лишенная богословского фундамента и примененная к условиям современности».

⁷Вестфаль, *Подозрения и вера*, с. 205.

⁸См. Притч 14:31; 19:17, Мф 25:31–46. Примечание Кальвина взято из его комментария к Авв 2:6, процитированного Вестфалем в «Подозрениях и вере», с. 200.

⁹С. Джон Соммервилл, «Упадок светского университета» (C. John Sommerville, *The Decline of the Secular University*, Oxford University Press, 2006), с. 63.

¹⁰Там же, с. 69–70.

¹¹Там же, с. 70.

¹²Родни Старк, *Вославу Господа: как монотеизм привел к реформациям, науке, охоте на ведьм и отмене рабства*(Rodney Stark,*For the Glory of God: How Monotheism Led to Reformations, Science, Witch-Hunts, and the End of Slavery*, Princeton University Press, 2004), с. 291. См. о движении за отмену рабства на с. 338–353.

¹³См. Втор 24:7 и 1 Тим 1:9-11, где запрещаются похищения. И в христианской церкви, и за ее пределами многие полагают, что Библия поддерживает рабство. Подробнее об этом см. главу 6.

¹⁴См. Марк Нолл,*Гражданская война как кризис богословия*(Mark Noll,*The Civil War as a Theological Crisis*, University of North Carolina Press, 2006), подробный рассказ об отношении христиан к рабству и различные толкования Писания. Книга Нолла показывает, как некоторые лидеры церкви пользовались библейскими текстами, касающимися рабства, чтобы оправдать работорговлю. Однако они не обращали внимания на кардинальные различия между рабством уроженцев Африки и отработкой долгов или службой по договоренности, о которой говорится в Библии.

¹⁵Старк, *Вославу Господа*, с.350 и далее.

¹⁶Дэвид Л. Чеппел,*Камень надежды: пророческая религия и смерть Джима Кроу*(David L.Chappell,*A Stone of Hope: Prophetic Religion and the Death of Jim Crow*, University of North Carolina Press, 2003).

¹⁷Повествование о сопротивлении Католической церкви коммунизму в 70-80-х годах XX века приводится в главе 17, «Между двух распятий», в книге Чарльза Колсона и Эллен Вон «Тело» (Charles Colson,*Ellen Vaughn, The Body*, Thomas Nelson, 2003).

¹⁸Дитрих Бонхеффер,*Письма из тюрьмы*(Dietrich Bonhoeffer,*Letters and Papers from Prison: Enlarged Edition*, Eberhard Bethge, ed., Macmillan, 1971), с. 418.

5. Как может любящий Бог отправлять людей в ад?

«Я сомневаюсь в существовании нетерпимого Бога, усмирить гнев которого можно лишь кровью, – говорил хмурый Хартмут, аспирант из Германии. – Кто-то должен умереть, прежде чем христианский Бог простит нас. Но почему бы просто не взять и не простить? А все эти отрывки из Ветхого Завета, где Бог приказывает убивать людей!»

«Да, согласна, все это внушает тревогу, – подхватила Джози, работавшая в галерее искусств в Сохо. – Но для меня еще более серьезную проблему представляет учение об аде. Единственно правдоподобным Богом мне представляется Бог любви. А библейский Бог – не более чем первобытное божество, которого следует задабривать болью и страданиями».

В 2005 году Рик Уоррен, пастор мегацеркви и автор бестселлера «Целеустремленная жизнь» (*The Purpose Driven Life*) выступал перед известными журналистами на форуме, организованном фондом Пью. Кое-кто из присутствующих был озабочен последствиями, которое подразумевало для общества одно христианское убеждение, а именно – что Бог обрекает некоторых людей на вечные муки. Один из выступавших сказал Уоррену:

Возможно, ваш разум в состоянии вместить противоречие, согласно которому Венди [одна из присутствующих журналисток, нехристианка] – полноправная гражданка Америки, заслуживающая такой же защиты, как и большинство старейших членов вашей церкви, – после смерти попадет в ад, потому что не относится к спасенным. Вопрос в следующем: считаете ли вы, что ваши последователи – или люди, которые приходят в церковь, читают ваши книги, люди всего мира, к которым вы обращаетесь, – достаточно умудрены опытом, чтобы их разум тоже вместил это противоречие?¹

Уоррен ответил, что его церковь не видит в приведенном примере противоречия, но многих журналистов не убедил. Они указали, что любой христианин, который считает, что на свете существуют люди, обреченные на адские муки, должен считать таких людей недостойными, занимающими более низкое положение. Тем самым они выразили глубокие опасения, которые у многих наших современников вызывают христианские представления о Боге, способном судить людей и отправлять их в преисподнюю. По их мнению, это убеждение ведет к отторжению, жестокому обращению, разделению общества и даже насилию.

В нашей культуре божественный, высший суд – одно из наиболее оскорбительных христианских учений

В нашей культуре божественный, высший суд – одно из наиболее оскорбительных христианских учений. Будучи священником и проповедником, я часто ссылаюсь на библейские тексты, где говорится о гневе Божьем, о последнем суде, о преисподней. На протяжении многих лет сразу после каждой такой службы я предлагаю слушателям задавать вопросы и отвечаю на них. Жители Нью-Йорка регулярно устраивают мне допросы с пристрастием по поводу этих учений. Их глубокую озабоченность этим аспектом исторической христианской веры я считаю совершенно понятной. Хотя эта неприязнь к суду и адским мукам может быть порождена скорее отвращением, нежели сомнением, тем не менее мы можем усмотреть в ней ряд весьма

специфических убеждений. Рассмотрим их по очереди.

Бога Судии просто не может быть

В авторитетном труде Роберта Белла «Привычки сердца» (*Habits of the Heart*) говорится об «экспрессивном индивидуализме», преобладающем в американской культуре. В своей книге Белла отмечает, что 80 % американцев согласны с утверждением: «Человек должен приходить к своим религиозным убеждениям независимо от церкви или синагоги»². Он делает вывод, что наиболее фундаментальным для американской культуры является убеждение, что нравственная истина связана с сознанием личности. Следовательно, для нашей культуры не представляет проблем любящий Бог, Который поддерживает нас независимо от того, как мы живем. Однако она решительно восстает против представлений о Боге, который карает людей за искренние убеждения, пусть даже ошибочные. Тем не менее, эти протесты имеют свою культурную историю.

В эссе «Человек отменяется» К. С. Льюис характеризует то, что он считает главным различием между древними и современными представлениями о действительности. Льюис обрушивается на нашу самодовольную убежденность в том, что в древности люди верили в магию, а потом появилась наука и вытеснила ее. Как специалист по средневековью, Льюис знал, как оно сменилось современностью, и понимал, что в Средние века магия была малоизвестна, что пик ее популярности пришелся на XVI-XVII века, то есть на то же время, когда развивалась современная наука. По его утверждению, эти два явления имели одну и ту же причину.

Серьезный интерес к магии И серьезный интерес к науке родились одновременно. Один из них заболел и умер, другой был здоров и выжил, но они – близнецы. Их родила одна и та же тяга³.

Льюис описывает эту тягу – новый подход к нравственной и духовной действительности:

И магия, и прикладная наука отличаются от мудрости предшествующих столетий одним И тем же. Старинный мудрец прежде всего думал о том, как сообразовать свою душу с реальностью, и плодами его раздумий были знание, самообуздание, добродетель. Магия и прикладная наука думают о том, как подчинить реальность своим хотениям; плод их – техника, применяя которую можно делать многое, что считалось кощунственным...⁴

В древние времена было ясно, что за пределами «я» существует трансцендентный нравственный порядок, встроенный в ткань вселенной. При нарушении этого метафизического порядка последствия будут столь же суровыми, как если бы мы нарушили законы материи, сунув руку в огонь. Идти путем мудрости означало учиться жить в согласии с непреклонной действительностью. Такая мудрость опиралась главным образом на развивающиеся свойства характера, такие, как смирение, сострадание, отвага, осмотрительность и преданность.

Нам кажется несправедливым, что сначала мы решаем, правильно ли заниматься сексом вне брака, а потом обнаруживаем, что существует Бог, который покарает нас за это

Современность изменила эту ситуацию. Абсолютная действительность стала

рассматриваться не как сверхъестественный порядок, а как мир в естественном состоянии, поддающийся влиянию. Вместо того чтобы придавать своим желаниям форму в соответствии с действительностью, теперь мы управляем самой действительностью и придаем ей форму в соответствии с нашими желаниями. В древности люди смотрели на встревоженного человека и предписывали духовное изменение характера. В наше время вместо этого применяются методики управления стрессом.

Льюис понимал, что читатели могут подумать, будто он против научного метода как такового, и возражал, что это не так. Однако ему хотелось дать нам понять, что современность зародилась в «мечтах о власти». Работая во время Второй мировой войны, Льюис находился в гуще событий, которые можно назвать самым горьким плодом духа современности. Друг Льюиса Дж. Р. Р. Толкин писал во «Властелине колец» о последствиях стремления к власти и контролю вместо стремления к мудрости и наслаждению «данностью» сотворения Божьего⁵.

Дух современности возложил на нас обязанность определять, что верно или неверно. Новообретенная уверенность в том, что мы можем управлять физическим окружением, хлынула через край и помогла нам утвердиться в мнении, что теперь мы можем менять и метафизическую сферу. Поэтому нашему разуму кажется несправедливым то, что сначала нам приходится определять, правильно ли заниматься сексом вне брака, а потом обнаруживать, что существует Бог, который покарает нас за это. Мы так твердо верим в свои личные права в этой сфере, что сама идея судного дня кажется нам невыносимой. Но как показывает нам Льюис, эта вера связана со стремлением к контролю и власти, уже имевшим страшные последствия для недавней истории мира. Далеко не все ныне живущие люди признали современный взгляд на вещи. Почему мы должны вести себя так, словно он неизбежен?

Во время обсуждения моей проповеди одна из прихожанок сказала, что сама мысль о Боге как Судии оскорбительна. Я спросил: «А почему вас не оскорбляет мысль о всепрощающем Боге?» Она явно озадачилась. Я продолжал: «При всем уважении к вам советую задуматься о своем культурном положении, если вы находите оскорбительным христианское учение о преисподней». Затем я добавил, что нерелигиозных жителей стран Запада тревожит христианская доктрина ада, однако их привлекает библейское учение о том, что надлежит подставить другую щеку и прощать врагов. Затем я попросил эту прихожанку вообразить, как воспринимает христианство представитель совершенно иной культуры. В традиционном обществе учение о том, что надо «подставить другую щеку», абсолютно не имеет смысла. Оно оскорбляет самые глубокие инстинкты и представления людей о том, что правильно и что нет. Но учение о Божьем суде не представляет для них никакой проблемы. У этого общества вызывают отторжение те аспекты христианства, которым радуются нерелигиозные жители западных стран, и привлекают аспекты, которые те не желают признавать.

Но почему, продолжал я, культурные болевые точки жителей Запада должны быть судом последней инстанции, определяющим состоятельность христианства? Я осторожно задал моей собеседнице вопрос, считает ли она свою культуру превосходящей культуру других, незападных стран. Она сразу же ответила отрицательно. «Тогда почему же, – спросил я, – возражения вашей культуры против христианства должны иметь преимущество перед их возражениями?»

В качестве аргумента представим себе, что христианство – это не продукт какой-то одной культуры, а транскультурная истина Божья. В этом случае следовало бы ожидать, что она будет в какой-то момент противоречить каждой существующей культуре и казаться оскорбительной ее носителям, так как человеческой культуре свойственно постоянно меняться и оставаться далекой от совершенства. Если бы христианство было такой истиной, оно оскорбляло бы наше мышление и в то же время корректировало его. Возможно, такое же положение занимает христианское учение о высшем суде.

Бог Судия не может быть любящим Богом

В христианстве Бог и любит, и судит. Многим трудно понять это. Люди считают, что любящий Бог не может быть Богом Судией. Как и большинству других христианских священников в нашем обществе, мне тысячи раз задавали вопрос: «Как может любящий Бог быть вместе с тем Богом, полным гнева и ярости? Если Он любит, если Он совершенен, Он должен все прощать и принимать каждого. Он не должен гневаться».

Свой ответ я всегда начинаю с замечания о том, что все любящие люди порой сердятся, и не только несмотря на свою любовь, но и по причине этой любви. Если вы кого-то любите и видите, как этого человека губят – пусть даже он сам губит себя, – то не сможете не разозлиться. Как указывает Бекки Пип-перт в своей книге «У надежды свои резоны» (*Hope Has Its Reasons*),

подумайте о том, как мы почувствуем себя, если увидим, что человека, которого мы любим, губят неразумные поступки или отношения. Неужели мыотреагируем на увиденное с доброжелательной терпимостью, как если бы речь шла о незнакомце? Отнюдь... Противоположность любви – не гнев, а ненависть, а крайнее проявление ненависти – безразличие... Гнев Божий – не яростная вспышка, а неуклонное сопротивление раку... съедающему изнутри род человеческий, который Бог любит всем существом⁶.

Библия гласит, что гнев Бога проистекает из Его любви и восхищения творением. Он гневается на зло и несправедливость, поскольку они разрушают мир и целостность этого творения.

Праведен Господь во всех путях Своих и благ во всех делах Своих... Хранит Господь всех любящих Его, а всех нечестивых истребит (Пс 144:17–20).

Выслушав все это, многие сетуют, что те, кто верит в Бога как Судию, не проявляют желания примириться с врагами. Если веришь в Бога, Который истребляет нечестивцев, можно прийти к выводу, что вполне оправдано истребление некоторых из них собственными руками. Мирослав Вольф, хорват, который своими глазами видел конфликт на Балканах, иначе рассматривает учение о Божьем суде. Он пишет:

Если бы Бог не гневался на несправедливость и обман И не прекращал насилие раз и навсегда, такой Бог был бы недостоин поклонения... Единственный способ запретить любое обращение самих людей к насилию – утверждать, что насилие законно лишь в том случае, когда оно исходит от Бога... Мой тезис о том, что отказ от насилия требует веры в божественное правосудие, не понравится многим... на Западе... [Однако] чтобы заявлять, будто бы отказ людей от насилия [проистекает из веры в] нежелание Бога вершить суд, нужно жить в своем доме в тихом пригороде. На опаленной солнцем земле, пропитанной кровью невинных жертв, такая идея неизбежно погибнет... [вместе] с другими симпатичными пленниками либерального разума⁷.

В этом любопытном отрывке Вольф рассуждает, что именн**о** недостаток веры в мстящего Бога «тайно питает насилие»⁸. Стремление человека заставить поплатиться за преступления тех, кто совершил насилие, почти непреодолимо. Его не перебороть банальностями вроде «ну

неужели вы не понимаете, что насилием ничего не добьешься?» Тому, кто увидел, как его дом сожгли, а родных изнасиловали и перебили, такие разговоры покажутся смешными и не имеющими никакого отношения к справедливости. Однако жертвы насилия склонны не просто восстанавливать справедливость с помощью мести под девизом: «Ты выбил мне один глаз, за это я выбью тебе оба». Они неизбежно втягиваются в бесконечную цепь мщения, в которой удары и контрудары питает и оправдывает память о чудовищных злодеяниях.

Если я не верю в то, что рано или поздно Бог все расставит по местам, я непременно возьмусь за оружие и буду втянут в нескончаемый вихрь возмездия

Можно ли отдать должное нашему стремлению к справедливости, и при этом не раздувать жажду кровавой мести? Вольф считает, что лучший способ – вера в концепцию божественного правосудия. Если я не верю в то, что рано или поздно Бог все расставит по местам, я непременно возьмусь за оружие и буду втянут в нескончаемый вихрь возмездия. Только если я уверен, что есть Бог, который исправит все ошибки и уладит все так, как надо, мне хватит сил, чтобы сдержаться.

Польский поэт Чеслав Милош, лауреат Нобелевской премии, написал примечательное эссе «Скромное обаяние нигилизма». В нем автор вспоминает, как Маркс называет религию «опиумом для народа» – потому что, по словам Маркса, обещание жизни после смерти побуждает бедняков и рабочий класс мириться с несправедливым устройством общества. Однако Милош продолжает:

А теперь мы стали свидетелями метаморфозы. На самом деле опиум для народа – это вера в то, что после смерти ничего нет, невероятно утешительная мысль о том, что все наше предательство, алчность, трусость, убийства никто не будет судить... [но] все религии признают, что наши поступки вечны⁹.

Многие жалуются, что вера в Бога как Судию может привести к возникновению жестокости в обществе. Милош своими глазами видел во времена нацизма и коммунизма, что к жестокости способна привести как раз потеря веры в Бога как Судию. Если мы вольны строить жизнь и формировать мораль так, как пожелаем, ни перед кем не отчитываясь, результатом может стать насилие. Вольф и Милош утверждают, что учение о высшем суде Бога – необходимое подкрепление для стремления человека к любви и миру.

Любящий Бог не допустил бы существование ада

Возможно, вы скажете: «Бороться со злом и несправедливостью в мире – одно дело, а отправлять людей в ад – совсем другое. В Библии говорится о вечных муках. Как же это согласуется с любовью Божьей? Я не могу примирить с Божьей любовью даже *мысли* существования ада». Как быть с этим вполне понятным отторжением?

Наши современники неизбежно считают, что ад устроен следующим образом: Бог дает нам время, но если мы не сделаем верный выбор к концу жизни, навсегда отправляет наши души в ад. Падая в бездну, несчастные души взывают о милосердии, но Бог заявляет: «Слишком поздно! Вы упустили свой шанс! Теперь мучайтесь!» Эта карикатурная картина свидетельствует о превратном понимании самой природы зла. Согласно Библии, грех отдаляет нас от Бога, присутствие которого – источник всей радости, и кроме того, всей любви, мудрости и любых благ. Поскольку изначально мы созданы для того, чтобы находиться в присутствии Божьем,

только рядом с Богом мы процветаем, развиваемся, реализуем весь свой потенциал. Если же мы полностью лишимся Его присутствия, это будет ад – мы утратим способность дарить или принимать любовь или радость.

Ад – это траектория движения души, поглощенной собой

Библейский образ ада – огонь¹⁰. Огонь разрушает. Даже в земной жизни мы видим подобное разрушение души, вызванное эгоистичностью. Мы знаем, как эгоизм и поглощенность собой порождают пронзительную горечь, тошнотворную зависть, парализующую тревогу, параноидальные мысли, ментальное отрицание и деформации, сопровождающие их. А теперь зададимся вопросом: «Что, если после смерти мы не исчезнем, если в духовном смысле наша жизнь будет длиться вечно?» В таком случае ад – это траектория движения души, поглощенной собой, ведущей эгоистичную жизнь, которая продолжается во веки веков.

Притча Иисуса о Лазаре и богатом человеке из Лк 16 подтверждает изложенные здесь представления об аде. Лазарь – нищий, который просил подаяния у ворот жестокого богача. Оба умерли, и Лазарь попал на небеса, а богач – в ад. Подняв глаза, он увидел Лазаря на лоне Авраамовом:

И возопив сказал: отче Аврааме! умилосердись надо мною и пошли Лазаря, чтобы омочил конец перста своего в воде и прохладил язык мой, ибо я мучусь в пламени сем. Но Авраам сказал: чадо! вспомни, что ты получил уже доброе твое в жизни твоей, а Лазарь злое; ныне же он здесь утешается, а ты страдаешь; и сверх всего того между вами утверждена великая пропасть, так что хотящие перейти отсюда к вам не могут, также и оттуда к нам не переходят. Тогда сказал он: так прошу тебя, отче, пошли его в дом отца моего, ибо у меня пять братьев: пусть он засвидетельствует им, чтоб и они не пришли в это место мучения. Авраам сказал ему: у них есть Моисей и пророки; пусть слушают их. Он же сказал: нет, отче Аврааме! но если кто из мертвых придет к ним, покаются. Тогда Авраам сказал ему: если Моисея и пророков не слушают, то если бы кто и из мертвых воскрес, не поверят (Лк 16:24–31).

Поразительно: хотя герои этой притчи поменялись местами, богач по-прежнему слеп и глух к происходящему. Он все еще ждет, что Лазарь будет служить ему и носить воду. Он не просит выволить его из ада, но недвусмысленно намекает, что Бог не дал ему и его близким достаточно информации о жизни после смерти. Комментаторы отмечали невероятную степень отрицания, склонность к обвинениям и духовную слепоту этой души, оказавшейся в аду. Кроме того, они указывали, что богачу, в отличие от Лазаря, так и не было дано имя в притче. Он назван просто «богачом», и это намек: поскольку основой его идентичности служил не Бог, а богатство, вместе с богатством он утратил всякое ощущение своего «Я».

Короче говоря, ад – просто добровольно выбранная идентичность, удаление от Бога по траектории, уходящей в бесконечность. Мы видим, как этот процесс «начинается с малого» – с пристрастия к наркотикам, алкоголю, азартным играм и порнографии. Во-первых, наблюдается распад, поскольку со временем для достижения привычных ощущений требуется все больше наркотика, а удовольствия он доставляет все меньше. Во-вторых, возникает изоляция, поскольку человек все усерднее винит других людей и обстоятельства, лишь бы оправдать собственное поведение. «Никто меня не понимает! Все ополчились против меня!» – бормочет он, постепенно наполняясь жалостью к себе и эгоцентризмом. Когда мы строим жизнь на чем угодно, кроме Бога, то, что служит нам опорой, даже если она сама по себе неплоха, порабощает нас, вызывает

зависимость; превращается в *внеобходимое* условие нашего счастья. Распад личности происходит в более широких масштабах. В вечности этот распад продолжается всегда. Усиливается изоляция, отрицание, иллюзии, эгоцентризм. Утратив все смирение, мы теряем связь с реальностью. Никто и никогда не просит выволочить их из ада: сама идея рая выглядит обманом.

В своей фантазии «Расторжение брака» К. С. Льюис описывает, как автобус, полный людей из ада, приблизился к окраинам рая. Пассажиров призывают отречься от грехов, которые удерживают их в аду, но они отказываются. Льюис изображает этих людей поразительно точно: мы распознаем в них самообольщение и самовлюбленность, которые стали первыми шагами на пути к нашей зависимости¹¹.

Ад начинается с того, что сперва ты злишься, вечно жалуешься, всегда винишь других... но ты все еще остаешься собой. Возможно, ты даже осуждаешь себя за это и хочешь остановиться. А потом наступает день, когда ты не выдержишь. В тебе уже не остается тебя, чтобы осудить это настроение или даже порадоваться ему – нет ничего, кроме самой сварливости, а она продолжается, словно заведенная. Дело не в том, что Бог «посылает нас» в ад. В каждом из нас растет то, что СТАНЕТ адом, если не уничтожить его в зародыше¹².

Люди в аду несчастны, и Льюис показывает нам, почему. Мы видим, как в них беспрепятственно разгорается пламя гордыни, паранойи, жалости к себе, уверенности, что все вокруг ошибаются, что все остальные ничего не смыслят! Исчезает смирение, а вместе с ним и душевное здоровье. Они всецело и окончательно заперты в темнице собственного эгоцентризма, их гордыня неуклонно разрастается, словно облако-гриб после взрыва. А они между тем продолжают распадаться на части и винить всех, кроме себя. Это и есть настоящий ад.

Вот почему карикатурным выглядит изображение Бога, ввергающего в бездну людей, которые зывают: «Простите! Отпустите меня!» Пассажиры из адского автобуса в притче Льюиса предпочитают спасению «свободу», как они ее называют. В своем заблуждении они считают, что, прославляя Бога, они каким-то образом утратят власть и свободу, и высший, трагический парадокс заключается в том, что своим выбором они лишают себя возможности достичь величия. По словам Льюиса, ад – это «величайший памятник человеческой свободе». Как сказано в Рим 1:24, Бог «предал их... в похотях». В итоге, Бог только исполняет самые заветные желания людей, в том числе дарит им свободу от Него самого. Что может быть справедливее? Льюис пишет:

Есть только два вида людей – те, кто говорит Богу: «Да будет воля Твоя», и те, кому Бог говорит: «Да будет твоя воля». Все, кто в аду, сами его выбрали. Без этого личного выбора не было бы и ада. Ни одна душа, которая всерьез и постоянно жаждет радости, никогда не лишится ее¹³.

Ад и равенство людей

Вернемся к сомневающимся журналистам на форуме фонда Пью и Рикку Уоррену. Их беспокоило, что любой христианин, который верит, что некоторые люди обречены на адские муки, неизбежно считает таких людей ниже его самого, менее достойными гражданских прав. Это беспокойство выдает неверное понимание библейского учения о сущности спасения и вечных мук.

Как указывает К. С. Льюис, путешествие в ад – это процесс, который может начаться с такой безобидной мелочи, как сварливость. Невозможно взглянуть на прихожан церкви воскресным утром, зрителей на стадионе «Янки» или в зале «Метрополитен-опера» и угадать, кто из них в конце концов попадет в рай, а кто в ад. Сегодняшний пылкий верующий может завтра стать вероотступником, а тот, кто не верует сегодня, завтра обратится в веру. Не следует принимать категоричных, окончательных решений насчет духовного состояния или участи кого бы то ни было.

Однажды после беседы о христианской вере на собрании в манхэттенской церкви ко мне подошли две женщины, слушавшие меня. Обе сообщили, что вера в вечный суд делает меня крайне ограниченным человеком. Я отозвался: «Вы считаете, что в этих религиозных вопросах я ошибаюсь, а я считаю, что ошибаетесь вы. Разве это не значит, что вы так же ограничены, как я?» Одна из женщин возразила:

«Это разные вещи. С вашей точки зрения, мы навсегда погибли! А мы про вас так не думаем. Значит, вы более ограничены, нежели мы». Я не согласился. Вот как я объяснил свою позицию.

И христианин, и секулярист верят, что эгоцентризм и жестокость имеют весьма плачевные последствия. Поскольку христиане верят в бессмертие души, они также убеждены, что нравственные и духовные ошибки наносят душе вечный вред. Либеральные миряне также верят в существование страшных нравственных и духовных ошибок, таких, как эксплуатация и угнетение. Но поскольку они не верят в жизнь после смерти, то и не считают последствия злодеяний вечными. И если христиане, в отличие от нерелигиозных людей, думают, что злодеяния имеют бесконечно более длительные последствия, значит ли это, что христиане более ограничены?

Представим себе двух человек, спорящих о природе печенья. Джек считает, что печенье – яд, а Джилл не разделяет это мнение. Джек думает, что из-за своих ошибочных представлений о печенье Джилл попадет прямоком в больницу или с ней случится что-нибудь еще похуже. А Джилл полагает, что ошибочные представления Джека о печенье не дадут ему попробовать прекрасный десерт. Является ли Джек более ограниченным человеком, чем Джилл, только потому, что он считает последствия ее ошибки более плачевными? Вряд ли с этим кто-нибудь согласится. Следовательно, христиане не могут быть более ограниченными только потому, что считают вечными последствия неверных мыслей и поступков.

«Я верю в любящего Бога»

Во время учебы в колледже, когда мне только перевалило за двадцать, я, подобно многим другим, сомневался в христианской вере, в которой был воспитан. У моих сомнений были субъективные причины. Христианство просто не казалось мне реальным с точки зрения опыта. Я не проводил время в молитве и никогда лично не общался с Богом. Кроме того, у меня возникали интеллектуальные проблемы, связанные с христианством, – все они рассматриваются по ходу рассуждений в этой книге. Одну из них мы затронем здесь.

Мне внушали беспокойство христиане, постоянно напоминающие о геенне огненной и вечных муках. Подобно многим представителям моего поколения, я верил, что если у всех религий и есть что-то общее, так это любящий Бог. Мне хотелось верить в Бога любви, который принимает людей независимо от их убеждений и привычек. Я занялся изучением других мировых религий – буддизма, индуизма, ислама, конфуцианства и иудаизма. Эти уроки до сих

пор приносят мне пользу. Однако изучение других верований показало, что насчет центрального положения, которое занимает в них любящий Бог, я ошибался.

Я не нашел никаких религиозных текстов, кроме Библии, где говорилось бы, что Бог сотворил мир в любви и радости. Большинство древних языческих верований содержали идею, будто мир создан в яростных битвах между противоборствующими божествами и сверхъестественными силами. Я решил повнимательнее присмотреться к буддизму, который в то время считал лучшей религией. Но несмотря на важную роль бескорыстия и отстраненного служения другим, буддизм не подразумевал веры в Бога как личность, а любовь – действие личности.

Мне хотелось верить в Бога любви, который принимает людей независимо от их убеждений и привычек

Позднее, после того как я стал священником, в течение нескольких лет в Филадельфии я участвовал в ежемесячных дискуссиях между христианами и мусульманами. Каждый месяц представитель церкви и представитель мечети излагали точку зрения Библии и Корана по тому или иному вопросу. Когда речь зашла о Божьей любви, разница в представлениях поразила нас. Я неоднократно слышал от приверженцев ислама, что Бог действительно любит нас, что Он милосерден и добр. Но стоило христианам заговорить о Господе как нашем супруге, о близком и личном знакомстве с Богом, о мощных излияниях Его любви в наши сердца Святым Духом, как наши друзья-мусульмане возмутились. Они заявили, что, с их точки зрения, непочтительно говорить, что ты знаком с Богом лично.

Сегодня многие скептики, с которыми мне случалось общаться, утверждают, как я когда-то, что не могут поверить в библейского Бога, который карает и судит людей, – ведь они «верят в Бога любви». И я спрашиваю: что побудило их считать, что Бог есть Любовь? Могут ли они взглянуть на жизнь в современном мире и согласиться: «Да, все это доказывает, что Бог этого мира – любящий Бог»? Могут ли они обратиться к истории и подтвердить: «Все это – свидетельства того, что Бог истории есть Бог любви»? Могут ли они обратиться к религиозным текстам всего мира и прийти к выводу, что Бог – это любящий Бог, Бог любви? Это свойство Бога никоим образом не является преобладающим в понимании основных религий. Остается признать, что источником идеи любящего Бога является сама Библия. А Библия учит нас, что Бог любви есть также Бог суда, который в конце времен приведет все сущее в мире к порядку.

Убежденность в существовании исключительно любящего Бога, который принимает всех и никого не осуждает, – впечатляющий акт веры. Доказательств этому нет не только в естественном порядке: за пределами христианства почти не существует подобных подтверждений в исторических и религиозных текстах. Чем дольше ищешь эти доказательства, тем менее оправданной выглядит сама идея.

Примечания

¹23 мая 2005 года, конференция по вопросам религии, политики и общественной жизни, которую проводит раз в два года фонд Пью в Ки-Уэст, Флорида. 5 сентября 2005 года эту стенограмму можно было найти по адресу <http://pewforum.org/events/index.php?EventID=80>

²Роберт Белла и др., *Привычки сердца: индивидуализм и обязательства в американской жизни* (Robert Bellah et al., *Habits of the Heart: Individualism and Commitment in American Life*, 1st ed., University of California Press, 1985), с. 228.

³Из К. С. Льюис, *Человек отменяется*. (Перевод Н. Трауберг. – Прим. пер.) По этому вопросу

см. также: К. С. Льюис, «Английская литература в XVI веке, за исключением драмы» (“English Literature in the Sixteenth Century, Excluding Drama,” *Oxford History of English Literature series*, Oxford University Press, 1953), с. 13–14.

⁴К. С. Льюис, *Человек отменяется*.

⁵Алан Джейкобс в биографии Льюиса отмечает, что тот прилагает все усилия, доказывая, что ничего не имеет против научной методике как таковой. Как правило, эта методика подразумевает единообразие природы, и многие ученые уже указывали, что это вклад христианского мировоззрения. Но Льюис утверждает, что современная наука родилась с «мечтами о власти». См.: А. Джейкобс, *Нарниец: жизнь и фантазия К.С. Льюиса* (Alan Jacobs, *The Narnian: The Life and Imagination of C.S. Lewis*, Harper San Francisco, 2005), с. 184–187.

⁶Ребекка Пипперт, *Унадежды свои резоны* (Rebecca Pippert, *Hope Has Its Reasons*, Harper, 1990), глава 4, «Какой Бог гневается?»

⁷Мирослав Вольф, *Отторжение и принятие: богословское исследование идентичности, инакости и примирения* (Miroslav Volf, *Exclusion and Embrace: A Theological Exploration of Identity, Otherness and Reconciliation*, Abingdon, 1996), с. 303–304.

⁸Там же, с. 303.

⁹Чеслав Милош, «Скромное обаяние нигилизма» (Czeslaw Milosz, “The Discreet Charm of Nihilism,” *New York Review of Books*, November 19, 1998).

¹⁰Все описания и изображения небес и ада в Библии символичны и метафоричны. Каждая метафора указывает на один из аспектов опыта, связанного с адом. (Например, «огонь» говорит нам о распаде, «тьма» – об изоляции.) Но это вовсе не значит, что сами небеса или рай – «метафоры». Они совершенно реальны. Иисус возносится (причем в физическом теле) на небеса. Библия недвусмысленно говорит о том, что небеса и ад существуют в действительности, и вместе с тем дает понять, что весь связанный с ними язык – это язык аллюзий, метафор, частных истин.

¹¹Более подробное сравнение греха с зависимостью см.: Корнелиус Плантинга [брат Элвина Плантинги], *Не такой, каким его считают: краткое описание греха* (Cornelius Plantinga, *Not the Way It's Supposed to Be: A Breviary of Sin*, Eerdmans, 1995), глава 8, «Трагедия зависимости».

¹²Это собрание цитат из трех трудов К. С. Льюиса *Просто христианство, Расторжение брака* и «Проблемы с Х», в: *Богна скамье подсудимых: эссе о теологии и этике* (“The Trouble with X,” *God in the Dock: Essays on Theology and Ethics*, Eerdmans, 1970), с. 155.

¹³Из К. С. Льюиса, *Большая Расторжение брака*.

6. Наука опровергла христианство

«При моей научной подготовке трудно, если вообще возможно, принять христианские идеи, – объяснял Томас, молодой врач-стажер азиатского происхождения. – Веря в эволюцию, я не могу примириться с библейскими донаучными представлениями о происхождении жизни».

«В Библии полно описаний чудес, – добавляет Мишель, студентка медицинского факультета. – Их просто не могло быть».

Бестселлеры Ричарда Докинза, Дэниела Деннета и Сэма Харриса наводят на мысли, что наука в целом и теория эволюции в частности сделали веру в Бога необязательной и устарелой. Широко известны слова Докинза: «Хотя атеизм мог быть логически здоровым и до Дарвина, но именно Дарвин дал атеизму возможность быть рационально убедительным»^[4]¹. В книге «Бог как иллюзия» Докинз заходит еще дальше. Он утверждает, что нельзя быть и обладателем развитого научного мышления, и при этом придерживаться религиозных убеждений: или одно, или другое. В подтверждение он указывает: в исследовании 1998 года выяснилось, что всего 7 % американских ученых из Национальной академии наук верят в персонифицированного Бога². Это доказывает, что чем человек интеллектуальнее, рациональнее, ближе к научному складу ума, тем меньше он способен верить в Бога.

Прав ли Докинз? Действительно ли наука опровергла христианские убеждения? Должны ли мы выбирать между научным мышлением и верой в Бога?

Разве с научной точки зрения чудеса возможны?

Первая причина, по которой многие считают, что наука опровергла традиционную религию, заключается в том, что большинство религий подразумевают веру в чудеса, вмешательство Бога в естественный порядок вещей. Вера в чудотворное вмешательство занимает особенно важное место в христианстве. Ежегодно христиане празднуют чудо воплощения, каждое Рождество отмечают рождение Иисуса, каждую Пасху – удивительное воскресение Иисуса из мертвых. Новый Завет полон описаниями чудес, которые Иисус творил во время своего служения. Недоверие науки к Библии начинается с характерной для эпохи Просвещения убежденности в том, что чудеса невозможно примирить с современными, рациональными представлениями о мире. Вооружившись этими предпосылками, ученые обращались к Библии и заявляли: «Библейским повествованиям нельзя верить, поскольку в них содержатся описания чудес». Подразумевается, что «наука доказала: чудес не бывает»³. Но в этом заявлении содержится подвиг веры.

Недоверие науки к Библии начинается с эпохи Просвещения

Одно дело – заявить, что наука обеспечена всем необходимым только для того, чтобы исследовать естественные причины, и не в состоянии говорить о каких-либо других. И совсем другое – утверждать, будто наука доказала, что никаких других причин существовать не может. Джон Маккуарри пишет:

«Наука исходит из допущения, что все события, происходящие в мире, можно объяснить другими событиями... вот так имманентно и приземленно. [Следовательно]... чудеса непримиримы с нашими нынешними представлениями о науке и истории»⁴.

Маккуарри совершенно справедливо утверждает, что ученый, изучающий какое-либо явление, всегда должен полагать, что у этого явления есть естественная причина, потому что с помощью подобных методов можно исследовать только естественные причины. Но совсем другое дело – утверждать, будто бы наука доказала, что причин другого рода и *быть* не может. Не существует экспериментальной модели, чтобы проверить утверждение: «У природного явления не может быть никаких сверхъестественных причин». Значит, это философская предпосылка, а не научное открытие. В конечном счете аргумент Маккуарри оказывается косвенным. Он утверждает, что наука по своей природе не может выявить или установить сверхъестественные причины, из чего следует, что эти причины не могут существовать.

Философ Элвин Плантинга отвечает:

Возможно, Маккуарри полагает, что само занятие наукой требует отрицания идеи (например) о Боге, воскрешающем кого-либо из мертвых... [Этот] аргумент... подобен тому, который выдвигает пьяница, ищущий потерянные ключи от машины только под уличным фонарем – на том основании, что под ним лучше видно. В сущности, пьянице можно подсказать и довод получше: поскольку ключи трудно найти в темноте, они непременно должны лежать под фонарем⁵.

В утверждении «чудес не бывает» скрыта еще одна предпосылка – «Бога, который творит чудеса, быть не может». Если есть Бог Творец, в возможности чудес нет ничего нелогичного. В конце концов, если Он создал все сущее из ничего, разве Ему трудно изменить в сотворенном мире все, что Он хочет и когда хочет? Но чтобы твердо верить в то, что чудес не бывает, мы должны быть так же твердо убеждены, что и Бога нет, и это догмат веры. Существование Бога не может быть ни наглядно доказано, ни опровергнуто.

Разве наука не вступает в конфликт с христианством?

В наше время распространено мнение о том, что наука и религия ведут непрекращающуюся войну. Одна из причин этого – подача новостей в СМИ в виде сюжетов с героями и их противниками. При этом придается широкая огласка конфликтам между светскими и религиозными людьми по поводу преподавания теории эволюции в школе, исследований стволовых клеток, экстракорпорального оплодотворения, многих других сфер медицины и прочих наук. Эти битвы придают убедительность утверждениям Докинза, Харриса и всех прочих: можно либо мыслить научно и рационально, либо быть религиозным человеком.

Тонкая настройка, красота и порядок природы указывают на существование высшего Творца

За годы служения в церкви Искупителя мне довелось общаться с множеством ученых, в том числе и биологов, которые весьма настороженно относились к ортодоксальному христианству. Один молодой студент-медик сказал мне: «Библия отрицает эволюцию, которую признают наиболее образованные люди. Меня всерьез беспокоит то, что такое множество христиан из-за своей веры в Библию придерживаются такого ненаучного мышления». Его беспокойство вполне можно понять. Вот как я ему ответил.

Согласно теории эволюции, более сложные формы жизни развились из менее сложных в ходе процесса естественного отбора. Многие христиане верят, что именно так Бог и устроил жизнь. Например, самая большая в мире Католическая церковь сделала официальные заявления

в поддержку теории эволюции, а также о ее совместимости с христианской верой⁶. Однако христиане могут верить в эволюцию как процесс и при этом не верить в «философский натурализм», согласно которому все в мире имеет естественную причину, а органическая жизнь – это исключительно продукт действия произвольных, никем не направляемых сил. Если же теория эволюции превращается во всеобъемлющую теорию, которая объясняет абсолютно все, во что мы верим, что чувствуем и делаем, как продукт естественного отбора, тогда мы переходим из научной в философскую сферу. Теория эволюции как всеобъемлющая теория сталкивается с непреодолимыми трудностями при попытке обрести статус мировоззрения. Эти трудности мы рассмотрим в девятой главе. Докинз утверждает: если мы верим в эволюцию как биологический механизм, значит, мы должны верить и в философский натурализм. Но почему? В том же году, когда Докинз опубликовал труд «Бог как иллюзия», Фрэнсис Коллинз выпустил в свет книгу *The Language of God* [на русском языке вышла под названием «Доказательство Бога. Аргументы ученого»]. Коллинз – выдающийся ученый-исследователь, возглавляющий проект по расшифровке генома человека (*Human Genome Project*). Он верит в теорию эволюции и критикует концепцию «разумного замысла», отрицающую межвидовую эволюцию. Вместе с тем Коллинз убежден, что тонкая настройка, красота и порядок природы указывают на существование высшего Творца; он рассказывает о своем переходе от атеизма к христианству. Вот то, что, по мнению Докинза, не может существовать: твердая вера в эволюцию как биологический механизм, уживающаяся в одном человеке с полным отрицанием философского натурализма. И разумеется, Коллинз не единственный в своем роде⁷.

Упрощенной схеме Докинза противопоставлено множество различных моделей, объясняющих связь Бога с развитием многочисленных форм жизни, которые известны нам сегодня. Иен Барбур рассказывает о четырех потенциальных способах, которыми наука и религия могут быть связаны друг с другом: конфликт, диалог, интеграция и независимость. На одном конце спектра, в точке «конфликт» находятся и сторонники «креационизма», и, как это ни парадоксально, сторонники Докинза. Каждая сторона вооружена в военных действиях моделью отношений науки с верой. Представления многих креационистов о первой главе Книги Бытия несовместимы с каким бы то ни было эволюционным процессом, в то время как философский натурализм Докинза придает полную несостоятельность религиозной вере. На другом конце спектра находятся те, кто считает веру частным и субъективным делом, следовательно, вообще не обращаются к эмпирической сфере. Здесь науке и религии совершенно нечего сказать друг другу. Сам Барбур считает, что потери при подобных взглядах слишком велики, и предпочитает более умеренный и сложный подход, при котором наука и религиозная вера признают, что у каждой есть свои сферы компетенции⁸.

Но наибольшую огласку приобретает модель конфликта. К счастью, эти взгляды теряют убедительность для все большего числа ученых. История секуляризации американских институтов рассматривается в авторитетном и значимом труде под редакцией Кристиана Смита⁹. В нем Смит утверждает, что конфликтная модель отношений между наукой и религией представляла собой умышленное преувеличение, которым пользовались и ученые, и лидеры просвещения в конце XIX века, чтобы ослабить контроль церкви над их учреждениями и усилить собственную культурную власть¹⁰. Эта абсолютная боевая модель науки и разума была порождена не столько интеллектуальной необходимостью, сколько конкретной культурной стратегией. Многие ученые не видят никакой несовместимости между верой в Бога и своей работой.

Два известных исследования, поддерживающих эту точку зрения, были проведены в 1916 и 1997 годах. Американский психолог Джеймс Леуба (James Leuba) провел первый опрос ученых,

спрашивая, верят ли они в Бога, который активно общается с человечеством, по крайней мере, посредством молитв. 40 % опрошенных сказали, что верят, 40 % – что не верят и 20 % затруднились с выбором ответа. В 1997 году Эдвард Ларсон и Ларри Уитхем повторили исследование, задавая ученым тот же вопрос. В журнале *Nature* они опубликовали статью, в которой сообщили, что за восемьдесят лет результаты опроса почти не изменились¹¹.

Тогда что же представляет собой утверждение Докинза, согласно которому почти все видные ученые не верят в Бога? В книге «Бог как иллюзия» он ссылается на публикацию Ларсона и Уитхема в *Nature* через год после предыдущей. В ней ученые отмечали, что когда они задавали те же вопросы о вере в Бога членам Национальной академии наук, всего 7 % ответили утвердительно¹². Докинз приводит эту статистику, доказывая: интеллект и научное мышление почти всегда приходят к выводу, что Бога не существует. Но способ истолкования данных этих исследований, к которому прибегли Докинз и даже Ларсон с Уитхемом, представляет серьезную проблему.

Подавляющее большинство неверующих ученых являются атеистами по причинам, среди которых не значится наука

Во-первых, обратимся к вопросу, который ставили перед учеными в обоих исследованиях. Ученых спрашивали, верят ли они в Бога, который лично общается с человечеством. Одной веры в высшего Бога, сотворившего вселенную, недостаточно, чтобы попасть в список «верующих». Каждый ученый из Национальной академии наук, который считал, что Бог не общается с человечеством напрямую, автоматически заносился в категорию неверующих. Эти опросы предназначались лишь для выявления ученых, придерживающихся консервативных, традиционных убеждений. Сторонники более общей веры в Бога отсеивались благодаря особой формулировке вопроса. Во-вторых, Докинз решил, что собранные данные показывают причинно-следственную связь между научным мышлением и атеизмом. Он предположил, что ученые из Национальной академии наук не веруют потому, что у них научный склад ума. Однако исследование не выявило и не могло выявить истинную причину неверия членов Национальной академии наук в Бога. Алистер Макграт, богослов с полученной в Оксфорде докторской степенью в области биофизики, пишет, что подавляющее большинство знакомых ему неверующих ученых являются атеистами по причинам, среди которых не значится наука. Человек верит или не верит в Бога благодаря влиянию сложной совокупности факторов, в том числе личного опыта, интеллектуальных и социальных причин. Такие сведущие социологи, как Питер Бергер, доказали, что наши группы сверстников и первичные взаимоотношения формируют наши религиозные убеждения в значительно большей степени, чем мы готовы признать. И на ученых, и на людей, далеких от науки, оказывают заметное влияние убеждения и взгляды людей, уважения которых они хотят добиться. Макграт на своем опыте убедился, что большинство его коллег-атеистов привносит свои представления о Боге в науку, а не принимают науку за основание для этих представлений¹³.

Кроме того, при чтении Докинза создается впечатление, будто все ученые-атеисты согласятся, что, имея рациональный, научный склад ума, невозможно верить в Бога. Но не все так просто. Ныне покойный Стивен Джей Гулд, ученый и эволюционист из Гарварда, сам был атеистом, знал про эти исследования, но не соглашался с Докинзом в том, что наука неизбежно конфликтует с христианской верой. Он писал:

Либо половина моих коллег чудовищно глупа, либо дарвинизм полностью совместим с традиционными религиозными убеждениями, как и с атеизмом¹⁴.

Говоря о половине своих коллег, Гулд, вероятно, имел в виду не только данные опроса. Он просто знал, что множество его уважаемых коллег-ученых придерживаются традиционной веры в Бога. Гулд не соглашался с Докинзом в том числе и по той причине, что был готов гораздо охотнее признать, что наука не в состоянии объяснить все детали существования человека так, чтобы удовлетворить каждого мыслителя.

Еще один ученый, высказывающий то же мнение, – философ Томас Найджел (Нагель), критиковавший подход Докинза в рецензии на книгу «Бог как иллюзия» в журнале *The New Republic*. Найджел тоже атеист, но он убежден, что Докинз ошибается, настаивая на том, что при желании заниматься наукой мы обязаны придерживаться «физикалистского» натурализма... согласно которому окончательное объяснение всему должны дать физика частиц, теория струн и пространственные законы, управляющие элементами, из которых состоит материальный мир». В частности, он спрашивает, действительно ли мы верим, что наши нравственные интуитивные убеждения (например, что геноцид ошибочен в нравственном отношении) – не реальность, а всего лишь результат нейрохимических процессов в нашем организме. Может ли физика дать исчерпывающее объяснение действительности, какой воспринимают ее люди? Найджел сомневается в этом. Он пишет:

Для редуccionистских проектов характерно стремление вновь включить ранее исключенные аспекты мира, проанализировать их с физической – то есть с поведенческой И нейрофизиологической – точки зрения, и вместе с тем отрицать реальность как то, что не поддается упрощению. Лично я считаю, что этот проект обречен, что осознанный опыт, мысли, ценности И так далее – не иллюзии, даже если их нельзя отождествить с физическими фактами¹⁵.

Вот почему даже среди атеистов есть немало тех, кто считает, что Докинз ошибается, что наука не может объяснить абсолютно все и что научная мысль вполне совместима с религиозными убеждениями.

Науку вовсе незачем отделять от искренней веры

Несмотря на то, что представления о войне между наукой и религией до сих пор пользуются популярностью, нам следует разубедить себя в том, что мы вынуждены выбирать одно из двух, иначе, желая оставаться христианами, мы неизбежно вступим в конфликт с наукой. Подавляющее большинство ученых считают себя глубоко или умеренно религиозными людьми, и в последние десятилетия численность таковых растет¹⁶. Науку вовсе незачем отделять от искренней веры.

Разве теория эволюции не опровергает Библию?

А как же быть с более конкретной проблемой: совместимость теории эволюции и ее библейского описания творения в главах 1 и 2 Книги Бытия? Ведь здесь нас непременно ожидает жесткий конфликт! На самом деле, это вовсе не так.

Разные христианские мыслители пользуются всеми моделями связи науки с верой, предложенными Барбуром (конфликт, диалог, интеграция и независимость). Некоторые из них, сторонники получившего широкую огласку движения креационистов, избрали модель конфликта и стали утверждать, что в главе 1 Книги

Бытия Бог сотворил все формы жизни за шесть 24-часовых суток всего несколько тысяч лет

назад. Противоположную им позицию занимают христиане, которые выбрали модель независимости и просто утверждают, что Бог был первичной причиной в начале существования мира, а затем на первое место вышли естественные причины. Кое-кто предпочел золотую середину. Одни мыслители считают, что Бог сотворил жизнь, а затем руководил естественным отбором, чтобы из более простых форм жизни развились более сложные. Согласно этой точке зрения, Бог действует как высшая первопричина, не нарушающая процесса эволюции. Некоторые, считая, что в истории археологических раскопок есть пробелы, и заявляя, что виды просто «возникали», а не развивались из более простых форм, верят, что Бог совершал широкомасштабные акты сотворения в разные моменты на протяжении длительного периода.

Связь науки с Библией обусловлена не только тем, как мы читаем научные труды, но и нашим истолкованием некоторых ключевых библейских отрывков, например, главы 1 Книги Бытия. Христиане, признающие авторитет Библии, соглашаются с тем, что основная цель толкования Библии – выяснить изначальный замысел ее автора, который должны стремиться понять его читатели. Как правило, это означает истолкование текста в соответствии с его литературным жанром. Например, Псалтирь христиане читают как поэтическое произведение. Читая Евангелие от Луки, претендующее на статус рассказа очевидца (см. Лк 1:1–4), христиане воспринимают его как исторические материалы.

Любому читателю понятно, что историческое повествование следует читать как историю, а поэтические образы воспринимать как метафоры.

Трудности возникают в некоторых местах Библии, жанр которых определить нелегко, поэтому мы не можем в полной мере быть уверенными в том, как их следует читать по замыслу автора. Быт 1 – отрывок, толкования которого вызывают бурные споры среди христиан, даже тех, кто придерживается «возвышенных» представлений о богодухновенности Священного Писания¹⁷. Лично я считаю, что Быт 1 и Быт 2 взаимосвязаны так же, как Суд 4 и 5 и Исх 14 и 15. В первой главе каждой пары описано историческое событие, а во второй содержатся песни или поэтические повествования о богословском смысле этих событий. Читая Суд 4, мы видим, что это сухой отчет о том, что произошло в бою, но в Суд 5 мы видим песнь Деворы об этой битве, написанную поэтическим языком метафор. Когда Девора поет, что звезды спустились с небес, чтобы сражаться за израильтян, мы понимаем, что она обращается к метафоре. Мне кажется, что в Быт 1 есть признаки поэтического языка, следовательно, это «песнь» о чудесах и смысле творения Божьего. А Быт 2 – это отчет о произошедшем. О толковании некоторых фрагментов велись споры во все времена, к таким фрагментам относится и Быт 1. Однако не следует прибегать к ложной логике и утверждать, что если одну часть Писания нельзя понимать буквально, то это относится и ко всем остальным частям. При любом человеческом способе коммуникации такой подход ошибочен.

Какие выводы мы можем сделать? Поскольку христиане стоят на разных позициях по отношению к смыслу Быт 1 и природе эволюции, тем, кто рассматривает христианство как единое целое, не следует отвлекаться на эти междоусобные споры. Вопрошающему скептику незачем признавать какую-либо из этих позиций, чтобы приобщиться к христианской вере. Скорее, ему следует сосредоточить внимание на основных притязаниях христианства и обдумать их. Только придя к определенным выводам насчет личности Христа, воскресения и основополагающих христианских догматов, следует задуматься о возможном отношении к сотворению и эволюции.

Сторонники различных взглядов часто дают понять, что их подход – единственно верная христианская позиция по проблеме эволюции¹⁸. В сущности, я не сомневаюсь, что многие читатели будут раздосадованы тем, что здесь я не отдал предпочтение какой-либо из конкурирующих точек зрения. Хочу заметить, что, по моему мнению, Бог в некоторой степени

руководил процессом естественного отбора, но вместе с тем я отрицаю эволюционизм как всеобъемлющую теорию. Один из ученых, комментирующих Бытие, удачно находит баланс:

Если «эволюция» приобретает статус мировоззрения, общего представления о положении вещей, тогда она вступает в прямой конфликт с библейской верой. Но если «эволюция» остается на уровне научной биологической гипотезы, тогда почти не возникает причин для конфликта между смыслом христианской веры в

Творца и научными исследованиями пути, которым (на биологическом уровне) шел Бог в процессе творения¹⁹.

Исцеление мира

Мне не хотелось бы проявлять чрезмерную строгость по отношению к людям, которые сопротивляются идее вмешательства Бога в естественный порядок. В чудеса верится с трудом, а это так и должно быть. В Мф 28 мы читаем о том, как апостолы встретили воскресшего Иисуса на склоне горы в Галилее. «И, увидевши Его, поклонились Ему; а иные усумнились» (Мф 28:17). Это поразительное признание. Здесь автор раннехристианского документа сообщает нам, что некоторые из основателей христианства не сумели поверить в чудо воскресения, несмотря на то, что видели Иисуса своими глазами и прикасались к Нему. Для этого упоминания нет других причин, кроме одной: так было на самом деле.

Этот отрывок примечателен сразу несколькими моментами. Он предостерегает нас, советует не думать, что только нам, современным образованным людям, трудно примириться с мыслью о чуде, а нашим более примитивным предкам вера в него далась легко. Апостолы отреагировали на случившееся, как сделала бы любая группа наших современников: одни поверили своим глазам, другие нет. Это также призыв к терпению. Все апостолы со временем стали великими лидерами церкви, но некоторым из них вера далась труднее, чем остальным.

Некоторые из основателей христианства не сумели поверить в чудо воскресения, несмотря на то, что видели Иисуса своими глазами и прикасались к Нему

Однако поучительным этот текст является в первую очередь потому, что он говорит о цели библейских чудес. Они порождают не просто когнитивную веру, *апреклонение*, благоговение и удивление. В особенности чудеса Иисуса никогда не были просто фокусами, предназначенными для того, чтобы производить впечатление и к чему-либо принуждать. Нигде мы не видим, чтобы Он говорил:

«Видите вон там дерево? Сейчас оно загорится!» Вместо этого Он пользуется чудодейственной силой, чтобы исцелять больных, кормить голодных, воскрешать мертвых. Зачем? Мы, современные люди, воспринимаем чудеса как сбои в естественном порядке, а для Иисуса они были восстановлением этого порядка. Библия учит нас, что когда Бог создал этот мир, в нем не было болезней, голода и смерти. Иисус явился в мир, чтобы искупить все ошибки и исцелить раны мира. Его чудеса – не просто доказательства Его силы, а удивительное предвкушение того, как Он намерен распорядиться этой силой. Чудеса Иисуса – не просто вызов, брошенный нашему разуму, а данное нашему сердцу обещание, что мир, о котором мы мечтаем, уже грядет.

Примечания

¹Ричард Докинз, *Слепой часовщик* (Richard Dawkins, *The Blind Watchmaker*, W.W. Norton, 1986), с. 6.

²Ричард Докинз, *Бог как иллюзия*, М.: 2010, с. 145–146.

³Например, Ван Харви говорит, что критически настроенным историкам ни в коем случае не следует принимать всерьез голоса в защиту чудес, поскольку такое мышление идет вразрез с «тем, что мы теперь называем разумным взглядом на мир». Ван Харви, *Историк и верующий* (Van Harvey, *The Historian and Believer*, Macmillan, 1966), с. 68. См. также его очерк «Изучение Нового Завета и христианской веры» (“New Testament Scholarship and Christian Belief,” in *Jesus in History and Myth*, R. Joseph Hoffman and Gerald A. Larue, eds. Prometheus, 1986).

⁴Джон Маккуарри, *Основы христианского богословия* (John Macquarrie, *Principles of Christian Theology*, Scribner, 1977), с. 248, процитировано у Плантинги в «Обоснованной христианской вере», с. 394.

⁵Плантинга, *Обоснованная христианская вера*, с. 406. Плантинга цитирует важную статью философа Уильяма Олстона, который утверждает, что наукой можно прекрасно заниматься, даже будучи уверенным, что Бог совершал и порой продолжает совершать чудеса. См.: Уильям Олстон, «Божественное деяние: тень или сущность?» (William Alston, “Divine Action: Shadow or Substance?” in *The God Who Acts: Philosophical and Theological Explorations*, Thomas F. Tracy, ed. Pennsylvania State University Press, 1994), с. 49–50.

⁶См. послание Иоанна Павла II к Папской академии наук, 22 октября 1996 года. «Магистерииум озабочен проблемой эволюции, ибо к ней относится зарождение человека».

⁷Фрэнсис Коллинз, *Доказательство Бога. Аргументы ученого* (Francis Collins, *The Language of God: A Scientist Presents Evidence for Belief*, Free Press, 2006). Еще один видный ученый, который верит в сотворенную Богом вселенную, но отвергает и разумный замысел, и эволюцию как философию материализма, – гарвардский астроном Оуэн Гингерих, написавший книгу «Вселенная Бога» (Owen Gingerich, *God’s Universe*, Belknap Press, 2006).

⁸Иен Барбур, *Когда наука встречается с религией: враги, чужаки или партнеры?* (Ian Barbour, *When Science Meets Religion: Enemies, Strangers, or Partners?* Harper, 2000). Барбур утверждает, что христиане пользуются всеми этими моделями, однако он считает лучшей модель интеграции. См. главу 4 об эволюции и непрекращающемся сотворении.

⁹Кристиан Смит, под ред. «Секулярная революция: власть, интересы и конфликт в секуляризации американской общественной жизни» (Christian Smith, ed. *The Secular Revolution: Power, Interests and Conflict in the Secularization of American Public Life*, University of California Press, 2003).

¹⁰Там же, с. 1–12. См. также книгу Алистера Макграта, главу «Военные действия: естественные науки и прогресс атеизма» в *Сумерках атеизма* (Alister McGrath, *The Twilight of Atheism*, Oxford University Press, 2002), а также Родни Старка, главу «Рукоделие Бога: религиозные истоки науки» в *Вославу Господа*.

¹¹Эдвард Ларсон и Ларри Уитхем, «Ученые по-прежнему веруют» (Edward Larson, Larry Witham, “Scientists Are Still Keeping the Faith,” *Nature*, April 3, 1997). См. также: Старк, *Вославу Господа*, с. 192–197.

¹²Эдвард Ларсон и Ларри Уитхем, «Ведущие ученые по-прежнему отвергают Бога» (Edward Larson, Larry Witham, “Leading Scientists Still Reject God,” *Nature* 394, no. 6691. 1998:313).

¹³Алистер Макграт, *Иллюзия Докинза?* с. 44.

¹⁴Стивен Джей Гулд, «Отставка самозванного судьи» (Stephen Jay Gould, “Impeaching a Self-Appointed Judge,” *Scientific American* 267, no. 1, 1992). Процитирован Алистером Макгратом в *Иллюзия Докинза?* (Alister McGrath, *The Dawkins Delusion?* Inter-Varsity, 2007), с. 34.

¹⁵Томас Найджел, «Боязнь религии» (Thomas Nagel, "The Fear of Religion," *The New Republic*, October 23, 2006).

¹⁶Старк, *Вославу Господа*, с. 192–197.

¹⁷См. Гордон Венхэм, *Бытие 1-15* (Gordon Wenham, *Genesis 1-15*, Word, 1987).

¹⁸Несмотря на распространенное впечатление обратного как в церкви, так и за ее пределами, современный креационизм не был традиционным ответом консервативных евангелических протестантов на первое появление теории Дарвина в XIX веке. Принято считать, что в Быт 1 говорится скорее о целых веках, нежели о сутках в буквальном смысле слова. Р. А. Торри, редактор-фундаменталист «Основ» (R.A. Torrey, *The Fundamentals*, 1910–1915), которые породили сам термин «фундаментализм», говорил, что вполне возможно «свято верить в непогрешимость Библии и при этом быть эволюционистом определенного толка» (протитировал Марк Нолл в труде *Евангелбское американское христианство: введение*, Mark Noll, *Evangelical American Christianity: An Introduction*, Blackwell, 2001, с. 171). Человек, который дал определение учению о непогрешимости Библии, Б. Б. Уорфилд из Принстона (ум. 1921), верил, что Бог прибег к процессу, напоминающему эволюцию, чтобы создать различные формы жизни. Лучший рассказ о возвышении современного креационизма – Рональд Л. Намберс, *Креационисты: эволюция научного креационизма* (Ronald L. Numbers, *The Creationists: the Evolution of Scientific Creationism*, Knopf, 1992). См. также: Марк Нолл, *Скандал евангелического разума* (Mark Noll, *The Scandal of the Evangelical Mind*, Eerdmans, 1994), *Размышления о науке*, а также: Марк Нолл и Дэвид Ливингстон, *Б.Б. Уорфилд об эволюции, Священном Писании и науке* (Mark Noll, David Livingstone, *B.B. Warfield on Evolution, Scripture and Science*, Baker, 2000).

¹⁹Дэвид Аткинсон, *Содержание Бытия 1-11* (David Atkinson, *The Message of Genesis 1-11*, IVP, 1990), с. 31.

7. Библию нельзя понимать буквально

«Я считаю многие библейские учения исторически недостоверными, – сказал Чарльз из инвестиционного банка. – Мы не можем с уверенностью сказать, что описанные в Библии события действительно имели место».

«Вы правы, Чарльз, – подхватила Жаклин, работающая в сфере финансов. – А для меня основную проблему представляет то, что Библия устарела в культурном отношении. Многие библейские взгляды, касающиеся общества (например, положение женщин), социально регрессивны. Поэтому Библию невозможно воспринимать как авторитетный текст, каким его считают христиане».

В конце 60-х годов XX века я учился в колледже, изучал Библию в рамках курса литературы и познакомился с мнениями о ней, преобладающими в то время. Мои преподаватели объясняли, что новозаветные Евангелия берут начало в устных традициях церковных общин Средиземноморья. Рассказы об Иисусе составляли в этих сообществах, чтобы отвечать на вопросы прихожан и удовлетворять конкретные потребности каждой церкви. Главы этих церквей следили за тем, чтобы в рассказах Иисус поддерживал политику и убеждения того или иного сообщества. Рассказы годами передавались из уст в уста, обрастая подробностями и превращаясь в подобие легенд. И наконец, спустя долгое время после того, как произошли все эти события, Благая весть появилась в письменном виде. К тому времени было уже почти невозможно определить, в какой мере она отражает реальные исторические события и отражает ли их вообще.

В таком случае кем же был настоящий Иисус? Ученые, с трудами которых я знаком, предполагали, что реально существовавший, «исторический» Иисус был харизматическим учителем справедливости и мудрости, который подстрекал оппозицию и по этой причине был казнен. Есть мнение, что после Его смерти появились группы Его последователей, придерживающихся разных точек зрения на то, кем был Иисус. Одни верили в Его божественную природу и воскресение из мертвых, другие считали, что Он был просто человеком, наставником, духовная жизнь которого продолжалась в сердцах Его учеников. После борьбы за власть сторонники «божественного Иисуса» победили и составили тексты, в которых изложили свои взгляды. По-видимому, они пресекли распространение других взглядов и уничтожили все альтернативные тексты, в которых Иисус представал совсем в ином свете. Но в последнее время некоторые из этих запрещенных альтернативных представлений об Иисусе всплыли вновь – подобно «гностицистическим» Евангелию от Фомы и Евангелию Иуды. Это свидетельствует о том, что раннее христианство представляло собой весьма разнообразный набор учений.

Если такой взгляд на происхождение и развитие Нового Завета верен, он может радикально изменить наши представления о содержании и значении самого христианства. Он означает, что никто не может знать, что именно говорил и делал Иисус, следовательно, Библия не может служить авторитетным источником наших норм, правил и убеждений. Отсюда следует, что большинство классических христианских идей – о божественности Иисуса, искуплении грехов человечества и воскресении – ошибочно и опирается на предания.

Меня, студента, эта мысль поначалу потрясла. Неужели столько выдающихся ученых могут ошибаться? Но когда я сам взялся за исследования, то удивился, как мало было оснований для подобной исторической реконструкции. На мое счастье, подтверждения более давних, скептических представлений о Библии неуклонно рушились на протяжении последних тридцати

лет, несмотря на поддержку популярными СМИ таких книг и фильмов, как «Код да Винчи».

В числе тех, кто с удивлением обнаружил, насколько неубедительны доказательства существования простого человека, «исторического Иисуса», была Энн Райс. Она известна как автор романа «Интервью с вампиром» и других книг, жанр которых можно было бы назвать «ужасами с примесью эротики». Воспитанная в традициях католичества, Энн Райс утратила веру в светском колледже, вышла замуж за атеиста и приобрела состояние как автор романов о Лестате – вампире и рок-звезде. Литературное и медиа-сообщество было потрясено, когда Райс объявила, что возвращается к христианству^[5].

Зачем ей это понадобилось? В послесловии к своему новому роману «Иисус. Возвращение из Египта» Энн Райс объяснила, что занялась подробными исследованиями, посвященными историческому Иисусу, и начала с чтения трудов ученых из самых уважаемых академических учреждений. Оказалось, их основной тезис заключается в том, что библейские документы, которыми мы располагаем, исторически недостоверны. Энн Райс поразились тому, насколько малоубедительны их доводы.

Некоторые книги представляли собой нагромождения одних предположений поверх других... Выводы делались либо на основании ничтожных данных, либо при полном их отсутствии... Доказательства, подтверждающие, что Иисус, лишенный какой бы то ни было божественности, забрел в Иерусалим и был распят... всей этой картины, описания которой витали в либеральных кругах, которые я часто посещала за тридцать лет моего атеизма, – все эти доказательства так и не были приведены. Мало того, в этой сфере я обнаружила худшую предубежденность, с какой когда-либо сталкивалась в научных трудах¹.

Христианство требует веры в Библию². Для многих она становится серьезным камнем преткновения. Мне случалось знакомиться с жителями Нью-Йорка после того, как они присутствовали на службе в церкви Искупителя. Центральный элемент каждой службы – проповедь по библейскому тексту. Как правило, посетители бывают удивлены и даже шокированы, обнаружив, как внимательно мы слушаем Библию. Большинство говорит, что им известно немало прекрасных притчей и высказываний из Библии, но сегодня «ее нельзя воспринимать *буквально*». Они имеют в виду, что Библия не заслуживает полного доверия, поскольку некоторые, а возможно, и почти все ее фрагменты невозможны с научной точки зрения, исторически недостоверны, регрессивны в культурном отношении. Первый из этих вопросов, о Библии и науке, мы рассмотрели в предыдущей главе. Теперь перейдем к двум другим.

Христианство требует веры в Библию. Для многих она становится серьезным камнем преткновения

«Библии как историческому источнику нельзя доверять»

Широко распространено убеждение, будто Библия – исторически недостоверное собрание легенд. Разрекламированный форум ученых «Семинар по Иисусу» объявил, что найти историческое подтверждение можно не более чем 20 % высказываний Иисуса и описаний Его деяний из Библии³. Как реагировать на такое утверждение? В этой книге мы не ставим перед собой задачу исследовать историческую точность всех фрагментов Библии. Вместо этого зададимся вопросом, можем ли мы доверять Евангелиям, новозаветным описаниям жизни

Иисуса⁴ как достоверным источникам исторической информации. Я говорю о канонических Евангелиях – от Матфея, от Марка, от Луки и от Иоанна, которые церковь еще в давние времена признала подлинными и авторитетными.

В качестве аргумента нередко вспоминают, что новозаветные Евангелия были написаны через много лет после того, как произошли описанные в них события, значит, этим повествованиям о жизни Иисуса нельзя доверять – они сильно приукрашены, если не полностью вымышлены. Многие верят, что канонические Евангелия – всего четыре из множества подобных текстов и что они были написаны для поддержания иерархической власти церкви, в то время как все остальные (в том числе так называемые гностические Евангелия) оказались под запретом. Это убеждение подкрепляет в представлении общественности бестселлер «Код да Винчи». В этом романе исторический Иисус изображен как великий, но, несомненно, земной учитель, которого через много лет после смерти главы церкви превратили в воскресшего Бога, чтобы повысить свой статус в Римской империи⁵. Существует несколько веских причин, по которым евангельские повествования следует считать не легендами, а исторически достоверными источниками сведений⁶.

Евангелия относятся к слишком раннему периоду, чтобы быть выдумкой.

Канонические Евангелия были написаны самое большее через 40–60 лет после смерти Иисуса⁷. Письма Павла, написанные всего через 15–25 лет после смерти Иисуса, содержат краткое изложение всех событий Его жизни, вошедших в Евангелия, – Его чудеса, призывы, распятие, воскресение. Это означает, что библейские подробности жизни Иисуса передавались из уст в уста при жизни сотен человек, своими глазами видевших Его служение. Евангелист Лука утверждает, что написал историю жизни Иисуса со слов еще живых в то время свидетелей Его деяний (Лк 1:1–4).

Ричард Бокэм в своем значимом труде «Иисус глазами очевидцев» приводит множество исторических свидетельств, доказывающих, что во время написания Евангелий было еще живо немало очевидцев служения и жизни Иисуса. Свидетели хранили память об этих событиях и принимали активное участие в жизни Церкви, служили источниками рассказов об Иисусе и гарантировали их подлинность. Бокэм пользуется доказательствами из самих Евангелий, показывая, что их авторы называют в тексте источники своих сведений, убеждая читателей в их подлинности.

Свидетели хранили память об Иисусе и принимали активное участие в жизни церкви, служили источниками рассказов о нем и гарантировали их подлинность

Так, Марк говорит, что помогать Иисусу нести крест на Голгофу заставили «отца Александра и Руфова» (Мк 15:21). Автор приводит эти имена по единственной причине: потому, что читатели знают указанных людей и могут обратиться к ним за подтверждением. Марк словно поясняет: «Александр и Руф подтвердят, что я говорю вам правду, если вы спросите у них». Павел также призывает читателей обращаться к еще живым свидетелям, чтобы убедиться в правдивости его рассказов о событиях жизни Иисуса (1 Кор 15:1–6)⁸. Речь идет о пятистах свидетелях, которые в одно время видели воскресшего Христа. Нельзя писать такое в документе, предназначенном для публичного чтения, если на самом деле не существует свидетелей, которые единодушно могут подтвердить слова автора. Все это решительно опровергает предположение о том, что Евангелия написаны неизвестными авторами, являются плодом коллективного творчества и проистекают из устных традиций. На самом деле это

записанные рассказы свидетелей, которые своими глазами видели события, о которых рассказывали, и запомнили слова и поступки Иисуса во всех подробностях.

В то время были еще живы не только сторонники Христа, но и многочисленные независимые наблюдатели, представители власти, противники, которые слышали Его выступления, видели поступки, смотрели, как Он умирает. Все они в первую очередь были бы готовы оспорить любой вымысел. Чтобы измененный до неузнаваемости, приукрашенный отчет о каком-либо событии поразил воображение общественности, необходимо, чтобы все очевидцы, а также их дети и внуки были давно мертвы. Их следовало устранить, чтобы они не могли опротестовать или развенчать подробности, не соответствующие действительности. Но для этого Евангелия были написаны слишком рано.

Значит, новая вера не смогла бы получить такое распространение, если бы Иисус никогда не говорил или не делал того, о чем написано в Евангелиях. Павел мог с уверенностью заявлять властям, что события жизни Иисуса общеизвестны: «Это не в углу происходило», – говорил он царю Агриппе (Деян 26:26). Жители Иерусалима присутствовали при этих событиях, стояли в толпе, которая слышала и видела Иисуса. Тексты Нового Завета не могли заявлять, что Иисуса не распяли, пока были живы тысячи людей, которые точно знали, был Он распят или нет. Если бы Он не появлялся после смерти, если бы гробница не оказалась пустой, если бы Он ни о чем не говорил, а тексты уверяли бы в обратном, христианство осталось бы там, где зародилось.

Новая вера не смогла бы получить такое распространение, если бы Иисус никогда не говорил или не делал того, о чем написано в Евангелиях

Слушатели просто посмеялись бы над выдумками.

Четыре канонических Евангелия были написаны гораздо раньше так называемых гностических Евангелий. Наиболее известный документ из последних,

Евангелие от Фомы, – перевод с сирийского; ученые доказали, что сирийские традиции в нем можно датировать самое раннее 175 годом н. э., более чем на сотню лет позднее, чем период широкого распространения канонических Евангелий⁹. Адам Гопник в журнале *The New Yorker* писал, что гностические Евангелия появились настолько поздно, что они «...пошатнули устои христианской веры не более, чем обнаружение документа, составленного в XIX веке в Огайо и защищающего короля Георга, пошатнуло бы устои американской демократии»¹⁰. Но Евангелия от Матфея, Марка, Луки и Иоанна признаны авторитетными свидетельствами очевидцев почти сразу, и мы располагаем сделанным в 160 году н. э. заявлением Иринея Лионского о том, что Евангелий четыре и только четыре. Получившее широкую известность благодаря «Коду да Винчи» предположение, что император Константин сам определил, каким должен быть канонический Новый Завет и отверг более ранние и, предположительно, более подлинные гностические Евангелия, просто не может быть истинным¹¹.

Вера в божественность Христа с самого начала была неотъемлемой частью развития раннехристианской церкви

Что касается «Кода да Винчи», люди знают, что сюжет книги и фильма – вымысел, и все-таки многие находят правдоподобным исторический контекст, на истинности которого настаивает автор Дэн Браун. В этом бестселлере показано, как в 325 году н. э. Константин провозглашает божественность Иисуса и приказывает уничтожить все свидетельства того, что Он был просто человеком и учителем веры. Но даже в таком документе, как Послание к Филиппийцам апостола Павла, который все историки относят к периоду, наступившему не

позднее 20 лет после смерти Христа, мы видим, что христиане поклоняются Иисусу как Богу (Флп 2). Вера в божественность Христа с самого начала была неотъемлемой частью развития раннехристианской церкви. Один историк отмечает:

[Дэн Браун утверждает, что] император Константин навязал верующим совершенно новую интерпретацию христианства на Никейском соборе в 325 году. Он провозгласил божественность Иисуса и запретил любые свидетельства Его человечности. Это означало бы, что христианство выиграло религиозную конкуренцию в Римской империи исключительно за счет силы, а не за счет своей притягательности. Но согласно подлинному историческому факту, церковь победила в этом соперничестве задолго до того, прежде, чем обрела власть и силу, еще во время спорадических гонений. Циничный историк мог бы заявить, что Константин выбрал христианство только потому, что оно уже победило, и он пожелал встать на сторону победителя¹².

Евангелия содержат слишком много горькой правды, чтобы быть выдумкой.

В настоящее время многие придерживаются теории, согласно которой Евангелия были написаны главами ранней церкви в поддержку собственной политики, ради укрепления своей власти и развития религиозного движения. Эта теория совершенно не согласуется с содержанием Евангелий.

Если популярное мнение справедливо, следовало бы ожидать, что в Евангелиях обнаружится множество мест, где Иисус принимает ту или иную сторону в спорах, происходивших в ранней церкви. Таким образом главы церкви обеспечивали бы поддержку себе и своим сторонникам. Но ничего подобного мы не находим. Например, нам известно, что одним из самых спорных в ранней церкви считался вопрос о том, должны ли быть обрезанными новообращенные христиане из числа язычников. В контексте этого конфликта поразительно то, что нигде в Евангелиях Иисус ни словом не упоминает об обрезании. Самая вероятная причина этого умалчивания заключается в том, что ранняя церковь считала себя *не вправе* подтасовывать факты и вкладывать в уста Иисуса слова, которых Он никогда не произносил.

Зачем главам ранней церкви могло понадобиться выдумывать историю о распятии, если бы на самом деле его не было? Любой слушатель Евангелия, выросший в условиях греческой или иудейской культуры, сразу заподозрил бы в Распятом преступника, что бы там о Нем ни говорили. Зачем христианам могло понадобиться выдумывать эпизод, где Иисус в Гефсиманском саду спрашивает Бога, нельзя ли избавить Его от предстоящей миссии? Зачем было добавлять фрагмент, где Иисус на кресте взывает к Богу, спрашивая, зачем Тот Его оставил? Все эти подробности могли лишь показаться оскорбительными потенциальным новообращенным I века и вызвать у них глубокое замешательство. Они могли прийти к выводу, что Иисус был слаб духом и обманул ожидания своего Бога. Зачем понадобилось выдумывать, что первыми очевидцами воскресения стали женщины – в обществе, где женщины занимали столь низкое положение, что их показания даже не принимались во внимание на суде?¹³ Гораздо логичнее было бы (с точки зрения того, кто выдумал эту историю) сделать свидетелями выхода Иисуса из гробницы мужчин, столпы общества. Объяснить все эти неувязки можно лишь одним правдоподобным способом: прийти к выводу, что именно так все и было на самом деле.

Кроме того, с какой стати постоянно изображать апостолов, будущих глав ранней церкви, мелочными и завистливыми, на редкость несообразительными и вдобавок трусливыми, активно или пассивно предавшими Того, кому они подчинялись? Ричард Бокэм выдвигает подобные

аргументы по поводу отречения Петра, который клялся и божился, что не знает Иисуса (Мк 14:71). Зачем приверженцам ранней церкви понадобилось наделять своих самых выдающихся лидеров непростительными изъятиями? Никто не стал бы выдумывать подобную историю, и хотя в ней говорится сущая правда, Бокэм рассудил, что никто, кроме самого Петра, не осмелился бы рассказать ее – значит, сам Петр был ее источником, согласившись, чтобы его историю записали ради последующего сохранения и распространения¹⁴.

Многие евангельские пассажи могли показаться оскорбительными потенциальным новообращенным I века и вызвать у них глубокое замешательство. То, что они остались в священных текстах, свидетельствует, что их авторы не искажали события и факты, а передавали все, как им было известно

Многое проясняет и сравнение с «гностическими» Евангелиями. В Евангелии от Фомы и подобных ему документах изложена философия гностицизма, согласно которой материальный мир – мрачная обитель зла, откуда наш дух должно спасти тайное знание, или гнозис. Это объяснение прекрасно согласуется с мировоззрением греков и римлян, но разительно отличается от мировоззрения, принятого в иудейском мире I века, к которому относился Иисус¹⁵. Следовательно, вопреки «Коду да Винчи» и другим подобным источникам, перед властями древнего мира «заискивают» не канонические Евангелия, а гностические. Именно канонические Евангелия с их позитивными представлениями о сотворении материального мира и вниманием к бедным и угнетенным, выглядели оскорбительно для преобладающих в греко-римском мире взглядов. Канонические Евангелия не только дают нам гораздо более правдоподобное с исторической точки зрения представление о том, каким на самом деле был Иисус, но и смело бросают вызов читателям, придерживающимся традиционного греческого и римского мировоззрения.

Евангелия слишком подробны, чтобы быть выдумкой.

К. С. Льюис был признанным во всем мире литературным критиком. О чтении Евангелий он писал:

Всю свою жизнь я читал стихи, романы, мировоззренческую литературу, легенды и мифы. Я знаю, каковы они. И знаю, что среди них нет текстов, похожих на эти [Евангелия]. Расценить их можно лишь двумя способами: либо как репортаж... или же некий неизвестный [древний] автор... независимо от предшественников и последователей вдруг целиком предвосхитил технику современного романизованного, реалистического повествования...¹⁶

Льюис имел в виду, что древняя беллетристика не имела ничего общего с современной. Нынешняя беллетристика реалистична. Она содержит подробности и диалоги, она читается, как рассказ очевидца. Однако этот жанр развился лишь в последние триста лет. В древности романы, эпосы и легенды были возвышенными и отстраненными, со скудными подробностями, которые вводили в текст, только если они способствовали развитию характера или сюжета. Вот почему, читая «Беовульфа» или «Илиаду», мы не увидим, как герои отмечали, что идет дождь, или засыпали со вздохом. В современных романах детали создают ореол реализма, которого не имела древняя беллетристика.

Повествования Евангелий – не беллетристика. В Мк 4 нам сообщают, что Иисус спал на

корме лодки. В Ин 21 – что Петр находился на расстоянии двухсот локтей от берега, когда увидел Иисуса. Тогда он выскочил из лодки и вместе с другими поймал 153 рыбыны. В Ин 8 мы читаем, что Иисус, слушая мужчин, которые обвиняли женщину в прелюбодеянии, писал перстом на земле. Мы так и не узнали, что Он писал и зачем. Ни одна из этих подробностей не имеет отношения к сюжету или развитию характера. Если бы мы с вами писали увлекательную историю жизни Иисуса, мы ввели бы в нее подобные фразы для пущей реалистичности. Но в I веке такой литературный жанр был неизвестен. Объяснить, почему древний автор упомянул корму лодки, 153 рыбыны или писание пальцем на земле, можно лишь одним способом: все эти подробности сохранились в памяти очевидцев.

Ричард Бокэм обобщил многочисленные исследования психологов об особенностях памяти, связанных с воспоминаниями. Он рассматривал подробности в рассказах очевидцев событий и отмечал, как они отличаются от рассказов, построенных на умозаключениях или вымысле, а также от сложных исторических реконструкций. Память избирательна: она фиксируется на единичных и последовательных событиях, сохраняет несущественные детали (как отмечает Льюис), пользуется ограниченным полем зрения участника событий, а не широким обзором вездесущего рассказчика, заикливается на часто повторяющихся моментах¹⁷. Бокэм выявляет те же особенности в повествованиях Евангелий. Яркие и важные события можно помнить десятилетиями, если они часто повторялись или о них часто рассказывали. В данном случае одним из решающих факторов стало стремление учеников запомнить наставления Учителя, многие высказывания Иисуса представлены в форме, предназначенной для лучшего запоминания, следовательно, у нас есть все основания доверять этим рассказам.

Бокэм также обращается к антропологии за доказательствами, что авторы Евангелий не смели приукрашивать или присочинять наставления Иисуса или события из Его жизни. Критики начала XX века полагали, что ранние христиане пользовались достаточно гибким процессом передачи популярных устных преданий и не стеснялись вносить в них изменения, чтобы приспособить к реалиям и обстоятельствам того времени. Однако Бокэм ссылается на проведенное Яном Венсайном исследование устных традиций в первобытных африканских культурах, где четко разграничены вымышленные легенды и рассказы об исторических событиях, при этом прилагаются старания, чтобы в точности сохранить все детали исторических отчетов. Эти результаты опровергают утверждения, которых критически настроенные исследователи Евангелий придерживались на протяжении сотни лет.

Различие между сказками и историческими сообщениями опровергает все построения ученых-новозавет-ников, начиная с критиков форм, возведенные на идее, что ранние христиане при передаче преданий об Иисусе якобы не делали разницы между прошлым истории Иисуса и собственным настоящим, *поскольку в устных обществах и Их преданиях такой разницы вообще нет.* Это не так¹⁸.

Сегодня, когда я пишу эти строки, наблюдается, по словам Дэвида Ван Бьема из журнала *Time*, всплеск «библейского ревизионизма», сторонники которого идут по стопам Дэна Брауна и «Кода да Винчи». Имеется в виду недавнее сообщение об обнаруженной могиле Иисуса, а также о том, что Он был женат на Марии Магдалине и имел от нее детей. Рядом ученых опубликованы книги, в которых изложены подобные сведения, почерпнутые из

гностических Евангелий. По-видимому, этот поток будет только нарастать. Ван Бьема приводит слова старшего редактора отдела религии *Publishers Weekly* Линн Гаррет о том, что она называет «эффектом «Кода да Винчи»»: «Спекуляции на истории существовали и до Дэна Брауна. Но они никогда не попадали в списки бестселлеров, а их авторы – в передачу *The Daily Show*»¹⁹.

Слишком много очевидцев жизни Иисуса прожили достаточно долго, чтобы оставить ко времени написания Евангелий достоверные свидетельства о Нем

Все эти историки-ревизионисты полностью игнорируют вдумчивые исследования, которых становится все больше и которые доказывают, что слишком много очевидцев жизни Иисуса прожило довольно долго. По известному замечанию британского ученого Винсента Тейлора, если скептики правы насчет Библии, «это означало бы, что все ученики отправились на небеса немедленно после воскресения»²⁰. Только в этом случае элементы легенды могли попасть в жизнеописания Иисуса к тому моменту, как Евангелия появились в письменной форме, но ничего подобного не случилось. Парадокс, но пока популярные СМИ трубят о подробностях биографии Иисуса, составленной весьма скептической библеистикой, которая зародилась примерно столетие назад, фундамент ее исследований стремительно разрушается²¹.

«Мы не можем полагаться на Библию *в культурном отношении*».

Когда я впервые приехал в Нью-Йорк почти двадцать лет назад, основные проблемы с Библией у людей возникали в сферах, которые лишь начинали обсуждать, – в истории и науке. Сегодня ситуация несколько изменилась. Теперь я вижу, что многих людей тревожит в первую очередь то, что они называют устаревшим и регрессивным учением Библии. Им кажется, что оно поддерживает рабство в целом и порабощение женщин в частности.

Слишком много очевидцев жизни Иисуса прожили достаточно долго, чтобы оставить ко времени написания Евангелий достоверные свидетельства о Нем

Такую позицию современные люди считают настолько возмутительной, что с трудом воспринимают и все остальные компоненты библейских идей.

В начале своей работы в церкви Искупителя я подолгу общался с людьми, которые читали Библию впервые. Чаще всего мне приходилось отвечать на вопросы тех, кто поперхнулся каким-нибудь особенно неудобоваримым библейским стихом. Помню, однажды после службы ко мне подошел молодой художник, одетый во все черное. Он только что впервые прочитал строки, начинающиеся словами «рабы, повинуйтесь господам своим» (Еф 6:5), и его чуть не хватил удар. Вот как я посоветовал ему и остальным обращаться с текстами Писания, если те вызывают у них внутренние протесты или кажутся оскорбительными.

Многие библейские отрывки вызывают у современных людей физическое отторжение

Такие отрывки, найденные в Библии, вызывают у многих людей физическое отторжение от нее. В этих случаях я советую сбавить темп и попробовать взглянуть на проблему, которая их тревожит, под другими углами. Благодаря этому можно продолжать читать, учиться, получать пользу от Библии, даже если с какой-то из ее концепций невозможно примириться.

Например, я рекомендую задуматься о том, что учение отрывка, встревожившего их, может быть совсем не таким, как им представляется. Многие тексты, которые люди находят

оскорбительными, можно прояснить соответствующим комментарием, помещающим проблему в исторический контекст. Возьмем слова «рабы, повинуйтесь господам своим». Типичный современный читатель сразу же подумает о торговле рабами-африканцами в XVIII и XIX веках, или, что вполне понятно, об эксплуатации или сексуальном рабстве, которые довольно широко практикуются и по сей день. И мы приходим к выводу, что эти тексты учат, что такое рабство не только позволительно, но и желательно.

Это классический случай пренебрежения культурной и исторической дистанцией между нами, и автором и читателями исходного текста. В Римской империи I века во времена написания Нового Завета разница между рабами и простыми свободными гражданами была невелика. Рабы не отличались ни цветом кожи, ни речью, ни одеждой. Они выглядели и жили почти как все и не были ни в коей мере отделены от остального общества. Что касается финансов, рабы получали плату так же, как свободные работники, значит, как правило, не были нищими. Вдобавок раб мог накопить денег и выкупить свою свободу. И самое важное: лишь некоторые рабы оставались в рабстве всю жизнь. Практически все не без оснований надеялись выйти на свободу через 10–15 лет или, самое позднее, к сорока годам²².

С другой стороны, рабство в Новом Свете было гораздо более систематическим, суровым и необратимым. При этом раб считался собственностью своего хозяина, по воле которого раба могли подвергнуть насилию, искалечить, убить. Более древние формы рабства и службы по договоренности подразумевали, что хозяину принадлежат только плоды труда, время и умение раба, да и то временно. Но африканцы попадали в рабство по расовому признаку, их рабство по умолчанию было пожизненным. Кроме того, торговля рабами-африканцами началась с похищений и поддерживалась за счет них. Библия безоговорочно осуждает «человекохищников» и торговлю рабами (1 Тим 1:9-11; ср. Втор 24:7). Если ранние христиане не пытались добиться полной отмены рабства в I веке, то этим занялись христиане в более поздние века, столкнувшись в Новом Свете с рабством, которое не шло ни в какое сравнение с описанным в Библии²³.

Некоторые тексты учат не совсем тому, что мы видим в них на первый взгляд. Тем не менее люди тщательно изучают отдельные библейские тексты, пытаются понять, чему они учат, и *все-таки* находят их возмутительными и регрессивными. Как же быть в этом случае?

Я советую им подумать: может быть, в основе их проблем с некоторыми текстами лежит неосознанная убежденность в превосходстве нынешнего исторического момента, в котором они живут, над всеми прочими. Нам не следует придавать универсальный характер нашему времени и нашей культуре. Задумайтесь о том, что подразумевает сам термин «регрессивный». Отвергать Библию по причине ее регрессивности – значит, полагать, что мы достигли некоего абсолютного исторического момента, поэтому получили возможность судить, что является регрессивным, а что – прогрессивным. Безусловно, это такое же исключаящее и ограниченное убеждение, как и взгляды из Библии, которые были признаны оскорбительными.

Обратимся к представлениям современных британцев и к различиям между ними и представлениями их предков, англосаксов, живших тысячу лет назад. Представим, как те и другие читают Библию и доходят до главы 14 Евангелия от Марка. Сначала они узнают, как Иисус говорит, что Сын Человеческий грядет вместе с ангелами в конце времен, чтобы судить весь мир по праведности его (стих 62). Затем читают о Петре, приближенном апостоле, который трижды отрекается от Иисуса и в конце концов предаёт Его, чтобы спастись самому (стих 71). Но потом Петр получает прощение и снова занимает такое же положение, как прежде (Мк 16:7, Ин 21:15 и далее). Первый эпизод заставит содрогнуться современных британцев – столько в нем претензий на исключительность и нетерпимости. Зато им понравится рассказ о том, что даже Петр был прощен и удостоился прежнего положения. Англосаксов вообще не встревожит первый эпизод: все они знают о Судном дне и будут только рады получить дополнительные

сведения о нем! Но вторая история их шокирует. С их точки зрения, трусости и предательству Петра нет прощения. Он не заслуживает не только положения приближенного апостола, но и жизни. Отвращение англосаксов наверняка будет настолько велико, что они отшвырнут Библию и больше никогда не захотят читать ее.

Когда-нибудь наши потомки назовут наши взгляды примитивными

Конечно, мы считаем англосаксов примитивными, но когда-нибудь наши потомки назовут примитивными взгляды, преобладающие в нашей культуре. Разве можно пользоваться понятием «прогрессивности» по меркам нашего времени, чтобы оценивать обоснованность тех или иных фрагментов Библии? Многие убеждения наших дедов и прадедов в настоящее время кажутся нелепыми и даже вызывают стыд. Развитие на нас не остановится. Наши внуки наверняка сочтут многие наши взгляды устаревшими.

Разве не досадно будет забросить Библию из-за убеждения, которое в ближайшем времени покажется кому-то необоснованным или ошибочным? Избегать христианства только потому, что некий фрагмент Библии кажется нам оскорбительным, – значит, полагать, что у Бога не может быть никаких взглядов, не соответствующих нашим. А разве это убеждение имеет смысл?

У меня есть еще один совет для тех, кто не может принять некоторые учения Библии. Следует отделять основные учения и наставления Библии от второстепенных. В Библии говорится и о личности и служении

Христа, и о том, как в церкви следует относиться к вдовам. Первый из этих вопросов более фундаментален. Без него второй, а также прочие второстепенные учения не имеют смысла. Следовательно, рассматривать учения Библии надлежит в определенном порядке. Рассмотрим в качестве примера один из злободневных вопросов современности. Заявляя: «Я не могу принять то, что говорит Библия о гендерных ролях», – следует помнить, что сами христиане расходятся во взглядах не только на разные тексты, но и на многие другие вопросы. Тем не менее все они признают слова Апостольского символа веры о том, что на третий день Иисус воскрес из мертвых. Не беспокойтесь о гендерных ролях, пока не определитесь с отношением к главным учениям веры.

Следует отделять основные учения и наставления Библии от второстепенных

Возможно, вы возразите: «Но я не могу принять Библию, если то, что она говорит о гендерных ролях, давно устарело». На это я отвечу вопросом: вы хотите сказать, если вам не нравится то, что в Библии говорится о сексе, значит и Иисус не мог воскреснуть из мертвых? Уверен, вы не станете настаивать на этой явной нелогичности. Если Иисус действительно Сын Божий, тогда мы должны принимать Его учение всерьез, вместе с Его уверенностью в авторитетности Библии в целом. Но если Он не тот, за кого себя выдает, какое нам дело до слов Библии по всем прочим вопросам?

Попробуйте задуматься об этом так: если вы нырнете в библейский бассейн с мелкого края, изобилующего противоречиями в толкованиях, то можете удариться о дно. Если же вы нырнете ближе к центру библейского бассейна, где единодушие достигнуто по многим вопросам – о божественности Христа, о Его смерти и воскресении, – то не пострадаете. Следовательно, важно обдумать стержневые мысли Библии о том, кто такой Иисус и действительно ли Он воскрес из мертвых, прежде чем отвергать ее целиком из-за менее важных и более противоречивых идей.

Библия, заслуживающая доверия, или «степфордский Бог»?

Если мы позволим убеждениям, которых толком не понимаем, подорвать нашу веру в Библию, это может обойтись нам дороже, чем кажется.

Как мы можем вступить *личные* взаимоотношения с Богом, если не доверяем Библии настолько, чтобы позволить ей бросить вызов нашему мышлению и внести в него поправки? В любых по-настоящему близких отношениях наш избранник должен иметь право противоречить нам. Например, если жене запрещено противоречить мужу, это уже не близкие отношения. Вспомним целых два фильма под названием «Степфордские жены» (1975 и 2004). Мужья из Степфорда, штат Коннектикут, решили превратить своих жен в роботов, которые никогда не перечат своим супругам. Степфордская жена безупречно покладиста и красива, но никто бы не назвал брак с ней близкими или супружескими отношениями.

Только если Бог может говорить то, что вас возмущает, и побуждать вас вступать в спор – это настоящий Бог, а не плод вашего воображения

А если вычеркнуть из Библии все, что оскорбляет наши чувства и не соответствует нашим желаниям? Если мы будем придирчиво выбирать, во что хотим верить, и отвергать остальное, разве может у нас быть Бог, способный противоречить нам? Ни в коем случае! Это будет «степфордский Бог»! По сути дела, Бог, Которого вы сами себе сотворили, а не тот, с которым можно вступить в подлинно близкие отношения. Только если Бог может говорить то, что вас возмущает, и побуждать вас вступать в спор (как в настоящей дружбе или в браке!), вы поймете, что это настоящий Бог, а не плод вашего воображения. Следовательно, авторитетная Библия вовсе не препятствует личным отношениям с Богом: она является неременным условием для них.

Примечания

¹Процитировано в рецензии Джорджа Сима Джонстона «Иисус. Возвращение из Египта» в *The Wall Street Journal*, November 12–13, 2005.

²Например, известный довод в пользу божественности Христа – «лжец, сумасшедший или Господь?» – не действует, если нельзя показать, что Иисус действительно претендовал на божественность. К. С. Льюис облек его в классическую форму: «Простой смертный, который утверждал бы то, что говорил Иисус, был бы не великим учителем нравственности, а либо сумасшедшим вроде тех, кто считает себя Наполеоном или чайником, либо самим дьяволом. Другой альтернативы быть не может: либо этот человек – Сын Божий, либо сумасшедший или что-то еще похуже. И вы должны сделать выбор: можете отвернуться от Него как от ненормального и не обращать на Него никакого внимания; можете убить Его как дьявола; иначе вам остается пасть перед Ним и признать Его Господом и Богом. Только отрешитесь, пожалуйста, от этой покровительственной бессмыслицы, будто Он был великим учителем-гуманистом. Он не оставил нам возможности думать так». (*Просто христианство*, книга 2, глава 3.) Проблема этого аргумента заключается в допущении, что в Библии точно переданы слова Иисуса. Для этого требуется установить, что Библия исторически достоверна, по крайней мере, в целом. Было бы лучше сформулировать тот же аргумент иначе: Иисус – «лжец, сумасшедший, легенда или Господь». Если мы не докажем, что изображенный в Библии Христос не является полностью вымышленным персонажем легенд, этот знаменитый аргумент не будет эффективным.

³Семинар по Иисусу пользуется «двойными критериями несходства» как способом оценки исторической достоверности библейского текста. То есть его участники утверждают, что быть

уверенными в исторической подлинности отрывка из Библии мы можем лишь в том случае, если его учения не могут исходить из иудаизма I века или ранней церкви. Следовательно, они должны противоречить тому, что нам известно о преобладающих убеждениях иудаизма или христианства I века. (В противном случае нельзя быть уверенными, что этот отрывок не был вставлен в подкрепление преобладающих убеждений.) Но эти критерии подразумевают, что на Иисуса не могло повлиять его иудейское наследие и что Он не мог наложить отпечаток на своих последователей. Так как это маловероятно, все больше библеистов подвергают резкой критике работу Семинара по Иисусу как неизбежно негативную и предубежденную против Евангелий.

⁴Я пытаюсь настаивать не на том, что Библия всецело заслуживает доверия, а лишь на том, что жизнь и учения Иисуса изображены в ней с исторической точностью. В таком случае мы можем делать выводы о том, кем был Иисус, на основании прочитанной в ней информации. Если мы в конце концов уверуем в Иисуса, тогда Его представления о Библии станут нашими. Лично я считаю достоверной всю Библию не потому, что я каким-то образом «доказал» ее фактическую точность. Я принимаю ее потому, что верю в Иисуса, а Он верил в Библию.

⁵Научный, но легко читающийся ответ на «Код да Винчи» – Бен Уитерингтон, *Код Евангелия* (Ben Witherington, *The Gospel Code*, IVP, 2004). Опровержение Уитерингтоном исторических допущений в «Коде да Винчи» ошеломляет.

⁶Существует большая и постоянно растущая группа самых видных ученых, которые настаивают на исторической достоверности Евангелий. Подробнее об этом см. в следующих примечательных книгах: Ричард Бокэм, *Иисус глазами очевидцев*, М.: 2011; Н.Т. Райт, *Иисус и победа Бога*, М.: 2004 и *Воскресение Сына Божьего*, М.: 2011, К. Бломберг, *Историческая достоверность Евангелий* (C. Blomberg, *The Historical Reliability of the Gospels*, IVP, 1987) и *Историческая достоверность Евангелия от Иоанна* (*The Historical Reliability of John's Gospel*, IVP, 2002), а также более популярного и давнего автора Ф. Ф. Брюса *Новозаветные документы: достоверны ли они?* (F.F. Bruce, *The New Testament Documents: Are They Reliable?* Eerdmans, переиздано в 2003 году с предисловием Н. Т. Райта). Наиболее скептическая критика Библии предполагает такую опору, как скрупулезные исторические исследования, однако на нее в значительной мере влияют философские допущения (то есть альтернативные убеждения). Анализ этих философских обоснований см. в книгах: К. Стивен Эванс, *Исторический Христос и Иисус веры* (C. Stephen Evans, *The Historical Christ and the Jesus of Faith*, Oxford University Press, 1996) и Элвин Плантинга, «Два (или более) видов изучения Писаний» (Alvin Plantinga, “Two (or More) Kinds of Scripture Scholarship,” *Warranted Christian Belief*, Oxford University Press, 2002).

⁷С этим в настоящее время соглашаются буквально все историки. В XVIII и в начале XIX века европейские ученые находились под сильным влиянием рационализма, свойственного эпохе Просвещения, поэтому подходили к библейским текстам с предположением о том, что элементы чудесного в Евангелиях наверняка были добавлены гораздо позднее, спустя долгое время после составления первоначальных «фактических» повествований. Поскольку они знали, что описания исторических событий как легенды зачастую создавали спустя долгое время после самих событий, то постановили, что и Евангелия были написаны не ранее, чем через столетие после смерти Иисуса. Но за последний век найденные рукописи заставили даже закоренелых скептиков признать, что все эти Евангелия были написаны значительно раньше. Доступный отчет о том, как датируются различные новозаветные документы, в том числе Евангелия, см. в книге Ф. Ф. Брюса «Новозаветные документы: достоверны ли они?», изданной с новым предисловием видного ученого Н. Т. Райта. См. также: Пол Барнетт, *Новый Завет* (Paul Barnett, *The New Testament*). Многие утверждают, что Евангелие от Марка написано в 70-х годах, от Матфея и Луки – в 80-х, от Иоанна – в 90-х. Это разумно: Евангелия должны были писать в то

время, когда апостолы и другие свидетели уже начинали умирать, но очевидцев, способных подтвердить сведения, оставалось еще много (см. утверждение Луки в Лк 1:1–4).

⁸Ричард Бокэм, *Иисус глазами очевидцев*, главы 2, 3 и 6. Более того, в четвертой главе Бокэм приводит исчерпывающий анализ имен персонажей, фигурирующих в сюжетах Евангелий. Он приходит к выводу, что эти имена типичны для палестинских иудеев до разрушения Иерусалима в 70 году н. э., и незначительно отличаются от типичных имен в иудейской диаспоре после 70 года. Следовательно, весьма маловероятно, что евангельские сюжеты происходили из более поздних христианских сообществ, находящихся за пределами Палестины.

⁹Том Райт, *Настоящее христианство*, М.: 2010, с. 137–138.

¹⁰Гопник добавляет: «Не существует новых убеждений, новых аргументов и, конечно, новых свидетельств на папирусе, которые заставили бы усомниться того, кто прежде не сомневался». Он говорит о гностическом тексте Евангелия Иуды. См. “Jesus Laughed,” *The New Yorker*, April 17, 2006.

¹¹Подробнее о новозаветном каноне см. книгу Брюса Мецгера «Канон Нового Завета: возникновение, развитие, значение», М.: 1998, 2006. Более краткий обзор см. у Дэвида Дж. Данбара, «Библейский канон», в *Герменевтика, авторитетность и канон*, под ред. Д. Карсона и Дж. Вудбриджа, (D. Carson, J. Woodbridge, *Hermeneutic, Authority and Canon*, Zondervan, 1986).

¹²С. Джон Соммервилл, *Упадок светского университета* (C. John Sommerville, *The Decline of the Secular University*, Oxford University Press, 2006), с. 105–106.

¹³Этой особенности евангельских повествований мы уделим более пристальное внимание в главе 12.

¹⁴Бокэм, *Иисус глазами очевидцев*, с. 195–203 русского издания.

¹⁵Райт, *Настоящее христианство*, с. 138 русского издания.

¹⁶К. С. Льюис, *Христианские размышления* (C. S. Lewis, *Christian Reflections*, Walter Hooper, ed., Eerdmans, 1967), с. 155.

¹⁷Бокэм, *Иисус глазами очевидцев*, с. 346–369 русского издания.

¹⁸Там же, с. 298–299 русского издания.

¹⁹Дэвид Ван Бьема, «Переписывая Евангелия» (David Van Bie-ma, “Rewriting the Gospels,” *Time*, March 7, 2007).

²⁰Винсент Тейлор, *Формирование евангельской традиции* (Vincent Taylor, *The Formation of the Gospel Tradition*, 2nd ed., Macmillan, 1935), с. 41. Цитируется и комментируется у Бокэма, с. 27 русского издания.

²¹В своей книге Бокэм призывает к изучению Нового Завета, чтобы навсегда покончить с давним, крайне скептическим подходом к Библии, который называется «критикой форм» и ассоциируется в первую очередь с именем Рудольфа Бультмана. Произойдет это в ближайшее время или нет – спорный вопрос. Но такие книги, как труды Бокэма и Райта, прокладывают путь для многих молодых ученых, более восприимчивых к доказательствам того, что Библии можно доверять. Интересный обзор исторических истоков библейской критики см. у Ханса Фрая в «Упадке библейского нарратива» (Hans Frei, *The Eclipse of Biblical Narrative*, Yale University Press, 1974). Чтобы узнать, каким образом современная наука утратила большую часть скепсиса по отношению к исторической достоверности Евангелий, см.: Крэйг Бломберг, «С чего начать исследование Иисуса?» (Craig Blomberg, “Where Do We Start Studying Jesus?” in *Jesus Under Fire: Modern Scholarship Reinvents the Historical Jesus*, M.J. Wilkins and J. P. Moreland, eds., Zondervan, 1995). Лучшее однотомное издание, посвященное изучению Иисуса, – Б. Уитерингтон, *В поисках Иисуса* (B. Witherington, *The Jesus Quest*, 2nd ed., IVP, 1997). Интересный пример более почтительной библеистики – Джон П. Мейер, автор обширной трилогии «Маргинальный иудей:

переосмысление исторического Иисуса» (John P.Meier, *A Marginal Jew: Rethinking the Historical Jesus*). Этот ученый из группы умеренных, занимающих средние позиции, отвергает ряд библейских текстов, называя их сомнительными с исторической точки зрения. Вместе с тем он выступает с сокрушительной критикой давнего скептицизма и на основании скрупулезных исторических исследований доказывает, что традиционным представлениям о словах и поступках Иисуса можно верить.

²²См. Мюррей Дж. Харрис, *Раб Христов: новозаветная метафора беззаветной преданности Христу* (Murray J. Harris, *Slave of Christ: A New Testament Metaphor for Total Devotion to Christ*, IVP, 1999), с. 44, 70. См. также: Эндрю Линкольн, *Ефесяне*, (Andrew Lincoln, *Ephesians*, Word Bible Commentary, 1990), с. 416–417: «Современным читателям [Библии] следует избавиться от ряда представлений о рабстве I века, в том числе от тех, которые подразумевают значительный разрыв в положении раба и свободного человека... и стремление всех, кто оказался в рабстве, сбросить его узы... Раб и свободный человек в греческом и римском обществе имели статусы, образующие непрерывный ряд. Рабы греческих хозяев могли иметь собственность, в том числе своих рабов, получать разрешение заниматься другой работой, помимо выполнения обязанностей раба... Зачастую в интересах хозяина было отпускать их на свободу, поскольку труд свободных людей обходился дешевле... Несомненно, имелись многочисленные случаи грубого и жестокого обращения, а также несправедливости, но в целом настроения в среде рабов не были беспокойными».

²³«Хотя это было принято отрицать, учения, отвергающие рабство, начали появляться в христианском богословии вскоре после упадка Рима и сопровождались постепенным исчезновением рабства повсюду, кроме отдаленных окраин христианской Европы. Когда же впоследствии европейцы ввели рабство в Новом Свете, они сделали это вопреки решительному сопротивлению папы, и этот факт тоже удобно «упускали» из истории вплоть до недавнего времени. И наконец, отмена рабства в Новом Свете была инициирована и достигнута христианскими деятелями... Рабство некогда было почти повсеместным в обществах, которые могли себе его позволить, и лишь на Западе возникла значительная нравственная оппозиция, которая добилась его отмены» (Родни Старк, *Вославу Господа*, с.291).

«Тогда придите, и рассудим». Ис 1:18

«Интермедия» – дословно: «то, что происходит между какими-то событиями и действиями». Именно это нам предстоит сейчас. Все сомнения насчет христианства опираются на альтернативные убеждения, ничем не подкрепленные предположения о природе вещей. До сих пор мы рассматривали убеждения, служащие фундаментом для семи наиболее распространенных возражений или сомнений, которые представители нашей культуры высказывают в связи с христианской верой. Я с уважением отношусь к их доводам, но не считаю, что эти доводы делают истину христианства невозможной или даже невероятной. Но приготовимся двигаться дальше. Утверждать, что не существует достаточно веских причин не верить в истинность христианства, – это одно. Доказать же, что есть достаточно веские причины верить в нее, – совсем другое. Это я попытаюсь сделать в последней части книги.

«Постойте, – наверняка прервет кто-нибудь. – Вы хотите предоставить нам достаточно веские основания для христианской веры? И как же вы определите христианскую веру? Какие основания назовете достаточно вескими?» Рассмотрим эти вопросы по порядку.

Какое христианство?

Стороннему наблюдателю христианские церкви и традиции могут показаться совершенно разными, почти как отдельные религии. Отчасти это объясняется тем, что публичные богослужения не похожи одно на другое. И кроме того, как уже было сказано в главе 3, христианство – вера, получившая наибольшее распространение среди мировых культур и регионов. Следовательно, она приобрела великое множество различных культурных форм. Еще одна причина многообразия форм христианства – гигантские богословские пропасти, возникшие между ними за столетия. Первый серьезный раскол между восточной Греческой и западной Римской церквями произошел в XI веке. Сегодня эти Церкви известны как Православная церковь (Восточная) и Католическая церковь (Западная). При втором великом расколе от Католической церкви отделились протестанты.

Все христиане, принимающие истину и учение всерьез, согласятся, что различия между церквями в высшей степени значительны. От них во многом зависит, как исповедуют веру. Тем не менее все православные, католики и протестанты признают Символы веры первого тысячелетия церковной истории – такие, как Апостольский, Никейский (Никео-Константинопольский), Халкидонский и Афанасьевский. В них изложены фундаментальные представления христианства о действительности. Это классическое выражение христианского понимания Бога как Святой Троицы. Вера в Троицу создает мировоззрение, существенно отличающееся от того, которого придерживаются политеисты, монотеисты, не верующие в Троицу, и атеисты, о чем мы подробнее поговорим в главе 13. Кроме того, в Символах веры недвусмысленно заявлено о полной божественности и человечности Иисуса Христа. Следовательно, христиане воспринимают Иисуса не как еще одного учителя или пророка, а как Спасителя мира. Все это скорее объединяет христиан, чем подчеркивает различия между ними.

Не существует поистине «нейтральных», внеконфессиональных христиан, несмотря на то, что многие причисляют себя к таковым

Что такое христианство? Для наших целей я дам христианству определение как сообществу верующих, признающих великие Символы веры. Они верят, что мир сотворен триединым Богом, что человечество впало в грех и скверну, что Бог вернулся спасти нас во Иисусе Христе, что своей смертью и воскресением Иисус осуществил наше спасение, чтобы мы были приняты благодатью, что Он основал церковь, сообщество своих людей, как средство, чтобы и впредь избавлять, примирять и спасать, и что в конце времен Иисус вернется, чтобы обновить небеса и землю, уничтожить все зло, несправедливость, грех и смерть, какие есть в мире.

Все христиане верят во все это, но вера ни одного из них этим не исчерпывается. Если спросить, каким образом церковь служит средством для продолжения дела Иисуса в мире, как смерть Иисуса осуществила наше спасение или как нас принимает благодать, католики, православные и протестанты дадут разные ответы. Не существует поистине «нейтральных», внеконфессиональных христиан, несмотря на то, что многие причисляют себя к таковым. Каждому приходится самому отвечать на перечисленные вопросы, чтобы вести христианскую жизнь, и эти ответы немедленно относят нас к той или иной конфессии или традиции.

Важно, чтобы читатели поняли это. В данной книге я веду речь об истинности христианства в целом, а не какой-то одной из его ветвей. Внимательные читатели-пресвитериане наверняка заметят, что я умалчиваю о некоторых особенностях своих богословских убеждений, чтобы сказанное мной относилось ко всем христианам. Но когда дело дойдет до описания христианских представлений о грехе и благодати, я неизбежно приступлю к ним с позиций пресвитерианина, а не так, как это сделал бы католический автор.

Какая рациональность?

Моя цель – показать, что существуют достаточно веские причины исповедовать христианство. Наши известные современники, не придерживающиеся христианской веры – Ричард Докинз, Дэниел Деннет, Сэм Харрис и Кристофер Хитченс, – утверждают, что для существования Бога нет достаточно веских причин. Например, Докинз говорит, что заявление о существовании Бога – научная гипотеза, которую следовало бы подкрепить разумными доказательствами¹. Вместе со своими сторонниками, скептиками, он ждет логических или эмпирических аргументов в пользу Бога, которые были бы неоспоримы и, следовательно, убедительны почти для всех. Пока эти аргументы не будут предъявлены, в Бога они не поверят.

Многие христиане утверждают, что их аргументы в пользу веры настолько сильны, что всякий отвергающий их просто преграждает путь истине к своему разуму

Ошибочен ли такой подход? Думаю, да. Эти авторы оценивают аргументы в пользу христианства с помощью так называемого «строгого рационализма»². Его сторонники сформулировали «принцип верификации», а именно: никто не должен верить предположению до тех пор, пока оно рационально не доказано с помощью логики или эмпирически, посредством чувственного опыта³. Что подразумевается под словом «доказано»? В рамках этого подхода доказательство – настолько веский аргумент, что у человека, в полной мере обладающего логическими способностями, не найдется причин ему не верить. Атеисты и агностики требуют именно таких «доказательств» существования Бога, но не они одни придерживаются строгого рационализма. Многие христиане утверждают, что их аргументы в пользу веры настолько сильны, что всякий отвергающий их просто преграждает путь истине к своему разуму из страха или упрямства⁴.

Несмотря на то, что множество книг призывает христиан предъявить доказательства их

веры, даже среди закоренелых атеистов не встретить философов, выдвигающих подобные требования. Подавляющее большинство убеждено, что отстаивать строгие рационалистические взгляды почти невозможно⁵. Прежде всего они не выдерживают собственных высоких стандартов. Как можно эмпирически доказать, что никто не должен верить в то, чему нет эмпирических доказательств? Это невозможно, и в итоге оказывается, что для этого нужна вера⁶. Строгий рационализм также подразумевает, что можно достичь «взгляда из ниоткуда», положения почти полной объективности, но практически все современные философы соглашались с тем, что это невозможно. Мы вплотную подходим к индивидуальной оценке со всевозможным опытом, предпосылками и убеждениями, которые оказывают несомненное влияние на наше мышление и на работу нашего разума. Значит, несправедливо требовать аргумент, который будут вынуждены принять все рационально мыслящие люди.

Философ Томас Найджел – атеист, но в своей книге «Последнее слово» (*The Last Word*) он пишет, что не может отстраненно подходить к вопросам о Боге. Он признается, что испытывает «боязнь религии» и сомневается, что кто-либо способен обращаться к этому вопросу, не имея существенных мотивов для рассмотрения аргументов той или иной стороны.

Я имею в виду... боязнь самой религии. Я говорю об этом на основании опыта, поскольку сам испытываю этот страх: я хочу, чтобы атеизм был истинным... Дело не только в том, что я не верю в Бога, и, естественно, надеюсь, что я прав в своих убеждениях. Дело в том, что я надеюсь, что Бога не существует! Я не хочу, чтобы Бог существовал, не хочу, чтобы вселенная была такой... Мне любопытно, найдется ли хоть кто-нибудь по-настоящему равнодушный к проблеме существования Бога – тот, кому, независимо от его подлинного отношения к этому вопросу, все равно, окажется ли верным один из ответов⁷.

Представьте себе судью, рассматривающего дело, где одна из сторон – компания, в которую судья вложил немалые средства. Поскольку он лично заинтересован в том, чтобы события развивались определенным образом, он возьмет отвод, чтобы не заниматься этим делом. Найджел говорит, что когда речь заходит о Боге, все мы уподобляемся этому судье. В зависимости от нашего опыта, связанного с религией, от других убеждений и обязательств, от нашего образа жизни все мы глубоко заинтересованы в том, чтобы «дело» Бога развивалось определенным образом. Беда в том, что взять отвод мы не можем. Найджел отвергает строгий рационализм, поэтому, несмотря на весь свой скепсис, с поразительным уважением относится к убеждениям и религии. Его текст заметно отличается по тону и позиции от текстов таких авторов, как Докинз и Харрис.

Философская недоказуемость «строгости рационализма» – причина, по которой книги Докинза и Деннета удостоились крайне резких отзывов в научных журналах. Всего один пример: ученый-марксист Терри Иглтон опубликовал едкую рецензию на книгу Ричарда Докинза «Бог как иллюзия» в *London Review of Books*. Иглтон ополчился на обе наивные идеи Докинза, а именно – на то, что вера не содержит рационального компонента, и на то, что разум не опирается на религию в значительной степени.

Докинз считает любую веру слепой верой, И полагает, что христианских и мусульманских детей приучают верить и не задавать вопросов. Даже недалекие клирики, которые шпыняли меня в средней школе, так не думали. В основных христианских конфессиях разум, аргументы и честные сомнения всегда играли неотъемлемую роль в вопросах веры... Само собой, верующие не всегда и не во всем

пользовались разумом, но это справедливо И для большинства восприимчивых и культурных людей, далеких от религии. Даже Ричард Докинз живет скорее верой, нежели разумом. Мы придерживаемся множества убеждений, не имеющих безупречно рациональных оправданий, И тем не менее достаточно разумных, чтобы принимать их во внимание...⁸.

Если мы отвергаем строгий рационализм, не значит ли это, что мы верны релятивизму – и при этом ни в коем случае не сравниваем одни убеждения с другими и не судим их? Отнюдь. В главах 2 и 3 я утверждал, что удержаться на исключительно релятивистских позициях невозможно⁹. До конца этой книги я буду придерживаться подхода, который называется «критической рациональностью»¹⁰. Согласно ему, существует ряд аргументов, которые найдут убедительными многие здравомыслящие люди или даже большинство таковых, несмотря на то, что никакой аргумент не будет убедительным для всех независимо от точки зрения. Предполагается также, что некоторые системы убеждений разумнее прочих, но, в конце концов, все аргументы можно рационально отклонить. Иными словами, всегда можно найти причину уклониться от того, что не является предубеждением или упрямством в чистом виде. Тем не менее, это не значит, что мы не можем оценивать убеждения, – это лишь означает, что нам не следует ждать неоспоримых доказательств, и требовать их несправедливо. Так не поступают даже ученые.

Ученые крайне неохотно говорят, что та или иная теория «доказана». Даже Ричард Докинз признает, что теория Дарвина не может получить полного и окончательного подтверждения, что «могут всплыть новые факты, которые вынудят наших потомков... отказаться от дарвинизма или до неузнаваемости изменить его»¹¹. Но это не значит, что наука не в состоянии проверять теории и убеждаться, что некоторые из них гораздо более доказуемы эмпирически, нежели прочие. Теория считается эмпирически доказуемой, если она упорядочивает доказательства и объясняет феномены лучше любой возможной альтернативной теории. Иными словами, если в процессе проверки теория позволяет нам с большей вероятностью предсказывать многочисленные и разнообразные события, чем любое конкурирующее описание тех же данных, тогда первая принимается, хотя и не считается «доказанной» в строго рационалистском смысле.

В труде «Есть ли Бог?» (*Is There a God?*) философ из Оксфорда Ричард Суинберн настойчиво утверждает, что веру в Бога можно проверить и подтвердить (но не доказать) тем же способом¹². Представления о существовании Бога, говорит он, побуждают нас ожидать того, что мы наблюдаем – что существует вселенная, что в ней выполняются научные законы, что в ней есть человеческие существа, наделенные сознанием и непреходящим нравственным чувством. А теория, согласно которой Бога нет, продолжает он, не побуждает нас ожидать того же самого. Следовательно, вера в Бога эмпирически более уместна, она объясняет и описывает то, что мы видим, лучше, чем альтернативные теории. Никакие представления о Боге не могут быть доказаны, но это не значит, что мы не в состоянии отсеять и взвесить основания для различных религиозных убеждений и найти из них те или даже то, которое окажется самым разумным.

Бог-драматург

Однако я никого не пытаюсь убедить в том, что обращаюсь к «критической рациональности» за неимением лучшего. Если библейский Бог действительно существует, «критическая рациональность» – именно тот путь, которым мы должны подойти к вопросу Его бытия и существования.

Когда русский космонавт вернулся из космоса и сообщил, что не видел там Бога, К. С. Льюис сказал, что с таким же успехом Гамлет мог бы искать Шекспира на чердаке собственного замка. Если Бог есть, Он не является одним из объектов вселенной, который можно поместить в лабораторию и проанализировать эмпирическими методами. Он должен поддерживать с нами такие же отношения, как драматург – с персонажами своей пьесы. Мы, персонажи, вполне можем многое знать о драматурге, но лишь в том случае, если он предпочтет вставить сведения о себе в пьесу, и только в той степени, в какой он сделает это. Следовательно, мы никоим образом не можем «доказать» существование Бога так, как если бы Он был объектом, целиком и полностью находящимся в нашей вселенной, подобно кислороду и водороду или же острову в Тихом океане.

Мы не можем «доказать» существование Бога так, как если бы Он был объектом, целиком и полностью находящимся в нашей вселенной, подобно кислороду и водороду, или же острову в Тихом океане

Льюис дает нам еще одну метафору познания истины о Боге, когда пишет, что верит в Бога, «как я верю в восход солнца – не только потому, что вижу его, но и потому, что благодаря ему я вижу все остальное»¹³. Представьте себе попытку рассмотреть солнце в упор, чтобы побольше узнать о нем. Это невозможно. Оно сожжет сетчатку и лишит ее способности воспринимать свет. Гораздо более удобный способ узнать о существовании, силе и свойствах солнца – посмотреть на мир, который оно озаряет, разобраться в том, как солнце поддерживает жизнь всего, что окружает вас, и позволяет видеть все это.

Следовательно, у нас есть возможность двигаться вперед. Нам не следует пытаться «смотреть на солнце», требуя неопровержимых доказательств существования Бога. Вместо этого нам надо «посмотреть на то, что освещает для нас солнце». Какой из рассказов о мире обладает наибольшей «пояснительной силой» и позволяет понять, что мы видим в мире и в самих себе? Нас не покидает ощущение, что мир не такой, каким он должен быть. Самим себе мы кажемся и донельзя порочными, и в то же время – весьма великими. Нашу тягу к любви и красоте не может утолить ничто в этом мире. Мы наделены глубокой потребностью знать смысл и предназначение. Какое мировоззрение наилучшим образом объясняет все это?

Христиане не претендуют на то, что их вера дает безграничное или абсолютное знание о действительности. Таковым обладает лишь Бог

Христиане не претендуют на то, что их вера дает безграничное или абсолютное знание о действительности. Таковым обладает лишь Бог. Однако они верят, что христианские представления о природе вещей – о сотворении, грехопадении, искуплении и возрождении – придают миру максимум смысла. Я прошу вас воспользоваться христианством словно очками, и посмотреть через них на мир. И вы увидите, какой оно обладает способностью объяснять то, что мы знаем и видим.

Если библейский Бог существует, то не как человек на чердаке, а как Драматург. Это означает, что мы не сумеем найти Его так, как с помощью эмпирических исследований нашли бы пассивный предмет. Скорее, для понимания реальности Его существования нам следует поискать подсказки, которые Он внес во вселенную, в том числе, и в нас. Вот почему, если Бог существует, можно рассчитывать на то, что Он будет взывать к нашим мыслительным способностям. Если мы были сотворены «по Его образу» как рациональные личности, значит, должен наблюдаться некий резонанс между Его разумом и нашим. Кроме того, это означает, что

одних доводов будет недостаточно. Познать Драматурга можно только благодаря личному откровению. Вот почему нам следует обратить особое внимание на то, что говорится в Библии о Боге и состоянии человека.

Но с христианской точки зрения, абсолютным свидетельством существования Бога является сам Иисус Христос. Если Бог есть, мы, персонажи Его пьесы, должны надеяться, что Он включил в нее некие сведения о себе. Однако христиане верят, что Он не только предоставил нам информацию. Он вписал в пьесу *Самого себя*, как главного персонажа истории, когда Иисус родился в яслях и воскрес из мертвых. Именно к Нему нам следует обратиться.

Примечания

¹Докинз, Бог как иллюзия, с. 49 русского издания и далее.

²Доступное для понимания объяснение разницы между строгим и критическим рационализмом см.: Виктор Репперт, *Опасная идея* К.С.Льюиса (Victor Reppert, *C.S. Lewis's Dangerous Idea*, Inter-Varsity, 2003), с. 30–44.

³Известный очерк У. К. Клиффорда по этому вопросу – «Этика веры» (W. K. Clifford, *The Ethics of Belief*), где сказано: «Всегда, везде и для каждого ошибочной является вера во что-либо на основании недостаточных [эмпирических] доказательств». Наиболее известный текст А. Дж. Айера – «Язык, истина и логика» (A.J. Ayer, *Language, Truth and Logic*).

⁴См. примеры у Репперта.

⁵Аласдэр Макинтайр в работе «Чья справедливость? Какой рассудок?» (Alasdair MacIntyre, *Whose justice, Which Rationality?* Notre Dame University Press, 1988) провокационно и убедительно показывает, что на одном только Западе существуют несколько различных «традиций» рациональности: аристотелевская, Августина и Фомы, разумного реализма. У каждой есть логика и обоснование, действующие в пределах различных фундаментальных допущений – о природе человека, о связи разума с эмоциями и волей, о личности и ее отношении к социальному контексту и традициям, и так далее. «Рациональным» аргументом считается последовательность и постоянство в рамках целого набора убеждений конкретной традиции. У этих рациональностей может быть немало общего, некоторые доводы могут считаться убедительными не только в одной из них. Однако сомнительно (а с точки зрения Макинтайра – невозможно), что найдется хоть один аргумент, касающийся бытия Божьего, который оказался бы абсолютно убедительным для всех приверженцев каждой рациональной традиции.

⁶Один из лучших критических трудов по строгому рационализму с точки зрения Просвещения – «Вера и рациональность: о разуме и вере в Бога» (A. Plantinga, N. Wolterstorff, eds. *Faith and Rationality: On Reason and Belief in God*, Notre Dame University Press, 1983). Взгляд, характерный для эпохи Просвещения, назван картезианской «базисностью» (foundationalism), этот подход почти повсеместно отвергнут философами. См. также: Николас Вольтершторфф, *Разум в рамках религии* (Nicholas Wolterstorff, *Reason Within the Bounds of Religion*, Eerdmans, 1984).

⁷Томас Найджел, *Последнее слово* (Thomas Nagel, *The Last Word*, Oxford University Press, 1997), с. 130.

⁸Терри Иглтон, «Выпад, удар, промах», рецензия на книгу Ричарда Докинза «Бог как иллюзия» (Terry Eagleton, «Lunging, Flailing, Mispunching,» *London Review of Books*, vol. 28, no 20, October 19, 2006).

⁹Более сложный случай см.: Х. Зигель, *Опровергнутый релятивизм: критика современного*

эпистемологического релятивизма (Н. Siegel, *Relativism Refuted: A Critique of Contemporary Epistemological Relativism*, Dordrecht: D. Reidel, 1987). Релятивисты утверждают, что «истина» верна только в рамках убеждений того же человека и что все эти рамки имеют равную значимость. Релятивисты утверждают, что не существует критерия оценки, занимающего более высокое положение по сравнению с рамками, который позволил бы вынести решение по всем притязаниям на истину. Но как указывает Зигель, заявления релятивистов о равенстве всех рамок (не только их собственной) – само по себе высший, занимающий более высокое по сравнению с рамками критерий оценки истинности. С таким заявлением они исходят из собственных рамок и оценивают по ним других, то есть делают именно то, в чем отказывают остальным. «Таким образом... релятивизм не в состоянии провозгласить или даже признать себя, не нанеся себе поражения» (с. 43).

¹⁰Легким языком изложена трактовка критического рационализма у Репперта, *Опасная идея К.Сле, юиса*, с. 36 и далее.

¹¹Из «Служителя дьявола» (*A Devil's Chaplain*, Wiedenfield and Nicolson, 2003), с. 81. Цитировано в А. Макграт, *Иллюзия Докин за?* с.100, п16.

¹²«Суть моей аргументации такова. Ученые, историки и юристы собирают данные, а затем на их основе выдвигают какую-то теорию, которая наилучшим образом объясняет наличие этих данных. Мы можем подвергнуть анализу те критерии, на основании которых они приходят к заключению, что одна определенная теория лучше подтверждается собранными данными, чем какая-либо другая. Используя эти же критерии, мы обнаруживаем, что утверждение о существовании Бога объясняет все, что мы наблюдаем, а не только какой-то ограниченный набор данных». Ричард Суинберн, «Есть ли Бог?», М.: 2006, с. 11–12.

¹³К. С. Льюис, «Богословие – поэзия?» (C. S. Lewis, “Is Theology Poetry?” *The Weight of Glory and Other Addresses*, HarperCollins, 1980), с. 140.

Часть 2

Доводы в пользу веры

8. Подсказки Бога

«Отвергнув, таким образом, существование бога и возможность жизни после смерти как гипотезы слишком сомнительные, чтобы ими руководствоваться, нужно решать, в чем же смысл и назначение жизни. Если со смертью все кончается, если нечего надеяться на загробные блага и бояться загробного зла, я должен спросить себя, зачем я здесь и как мне в таком случае себя вести. На один из этих вопросов ответить легко, но ответ так неприятен, что большинство людей предпочитает от него уклоняться. Ни цели, ни смысла в жизни нет». Сомерсет Моэм, *«Подводя итоги»*^[6] «И он был прав, я всегда это сознавал: я не имел права на существование. Я появился на свет случайно, я существовал как камень, как растение, как микроб. Моя жизнь развивалась стихийно, в самых разных направлениях... Я думаю... что все мы, какие ни есть, едим и пьем, чтобы сохранить свое драгоценное существование, а между тем в существовании нет никакого, ну ни малейшего смысла». Жан-Поль Сартр, *«Тошнота»*^[7]

Как мы можем верить в христианство, если мы не знаем даже, есть Бог или нет? Неопровержимых доказательств существования Бога быть не может, но тем не менее многие люди находят повсюду явные подсказки, говорящие о Его реальности, – божественные отпечатки пальцев.

Одно время я регулярно встречался с блестящим молодым ученым, которого не покидало ощущение, что Бог существует. В этой и следующей главе я пишу и о том, что выяснил в ходе разговоров с ним. Он обращался то к одному, то к другому доводу в пользу существования Бога, и хотя достоинства многих были несомненны, мой собеседник обнаруживал, что в итоге каждому из них можно найти рациональное опровержение. Это не на шутку тревожило его. «Я не смогу верить, если не найду по меньшей мере одно абсолютно безупречное доказательство существования Бога», – говорил он мне. Я указал, что он стоит на позициях «строгого рационализма», и он вздохнул с облегчением, вместе со мной убедившись, что для этой позиции абсолютно безупречного доказательства также не существует. Затем мы вернулись к началу разговора и принялись рассматривать цепочки рассуждений, которые он называл «доказательствами». Вместо этого мы начали воспринимать их как намеки. Взглянув на них под таким углом, мой собеседник понял, что в намеках Бога заключена немалая сила.

Неопровержимых доказательств существования Бога быть не может

Философ Элвин Плантинга считает, что не существует доказательств существования Бога, которые убедят всех рационально мыслящих людей. Вместе с тем он уверен, что насчитывается по меньшей мере две-три дюжины весьма логичных аргументов в пользу существования Бога¹. Читатели, которые не пожалеют времени и ознакомятся со списком Плантинги, найдут убедительными далеко не все. Но совокупный вес убедительных доводов может оказаться очень внушительным. Я расскажу о некоторых из них.

Таинственный взрыв

Обладателям рационального склада мышления не дает покоя вопрос: «Почему вместо пустоты что-то существует?» Этот вопрос еще более интересен в связи с теорией Большого

взрыва. Имеются доказательства, что вселенная расширяется в результате взрыва, расходится из единственной точки. Стивен Хокинг писал: «Сейчас почти все верят, что и вселенная, и само время начались с Большого взрыва»². Ученый Фрэнсис Коллинз выразил этот намек языком, понятным простому человеку, в книге «Доказательство Бога»:

Мы располагаем довольно основательным выводом о том, что вселенная имела свой исток, Большой взрыв. Пятнадцать миллиардов лет назад она возникла из невообразимо яркой вспышки энергии, которая вначале представляла собой бесконечно малую точку. Подразумевается, что до этого не существовало ничего. Я не могу вообразить, как природа, в данном случае вселенная, могла бы создать сама себя. Сам факт наличия начала у вселенной предполагает, что кто-то должен был положить это начало. И по-моему, это был кто-то, находящийся вне природы³.

Все, что нам известно в мире, чем-нибудь да обусловлено, имеет причину вне себя. Значит, вселенная, представляющая собой неисчислимое множество таких обусловленных сущностей, должна зависеть от какой-то причины, которая находится за ее пределами. Что-то должно было вызвать Большой взрыв – но что? Чем еще могло быть это что-то, кроме как сверхъестественной, ничем не обусловленной сущностью, которая находится вне природы и существует сама по себе?

Сэм Харрис в рецензии на книгу Фрэнсиса Коллинза выдвигает классическое возражение против подобной цепочки рассуждений. «В любом случае, – пишет он, – даже если мы примем как данность, что нашу вселенную просто должна была создать сущность, наделенная интеллектом, это еще не значит, что такой сущностью является библейский Бог»⁴. Это совершенно справедливо. Если мы обратимся к этим аргументам как к доказательствам существования Бога как личности, они ни к чему не приведут нас. Но если мы ищем намек на существование чего-то помимо естественного мира, эти рассуждения окажутся провокационными для многих людей.

Космическая ковровая дорожка

Для существования органической жизни необходимо, чтобы фундаментальные закономерности и физические постоянные – скорость света, постоянная силы тяжести, величины слабого и сильного ядерного взаимодействия – имели значения, попадающие в чрезвычайно узкий диапазон. Вероятность случайного появления таких идеальных характеристик настолько мала, что относится к статистически пренебрежимым⁵. Коллинз удачно выразил и эту мысль:

Если взглянуть на вселенную с научной точки зрения, можно подумать, что она знала о нашем появлении. Есть 15 констант – гравитационная, различные константы сильного или слабого ядерного взаимодействия и т. д., – которые имеют точную величину. Если бы величина хотя бы одной из них изменилась пусть даже на одну миллионную, а в некоторых случаях – на одну долю от миллиона миллионов, вселенная не смогла бы достичь момента, в который мы видим ее. Материя не смогла бы образоваться, не было бы галактики, звезд, планет и людей⁶.

Кое-кто сказал, что все выглядит так, как будто большое количество дисковых регуляторов со шкалами требовалось повернуть в строго ограниченных пределах – и их повернули. Крайне маловероятно, что это произошло случайно. Стивен Хокинг заключает: «Вероятность того, что

вселенная, подобная нашей, не смогла бы возникнуть в результате Большого взрыва, огромна. Думаю, в этом есть явный религиозный смысл». В другом месте он пишет: «Было бы чрезвычайно трудно объяснить, почему вселенная зародилась именно так, если не упоминать о деянии Бога, который вознамерился создать таких существ, как мы»⁷.

Вселенная была приготовлена специально для людей

Этот довод получил название «аргумента точной настройки» или «антропного принципа», суть которого состоит в том, что вселенная была приготовлена специально для людей. По-видимому, как аргумент, он обладает значительной силой, поскольку уже вызвал публикацию массы опровержений. Самое популярное из них приводит Ричард Докинз в книге «Бог как иллюзия» – возражение о том, что таких вселенных могут быть триллионы. Поскольку на всей неизмеримой протяженности пространства и времени существует огромное количество вселенных, какие-нибудь из них неизбежно окажутся «точно настроенными» на нашу форму жизни. Одна из них – та, в которой мы находимся, потому мы и здесь⁸.

Опять-таки, как «доказательство», аргумент точной настройки не является неопровержимым с рациональной точки зрения. Хотя у нас нет равным счетом никаких доказательств существования множества вселенных, в равной мере у нас нет доказательств того, что таких вселенных не существует.

Однако как намек этот ход рассуждений имеет смысл. Элвин Плантинга приводит следующий пример: он предлагает представить себе игрока, который за одну партию в покер двадцать раз подряд сдал себе четыре туза. Увидев, что его противники потянулись за своими шестизарядниками, этот игрок восклицает: «Да, понимаю, это выглядит подозрительно! Но если вселенных существует бесконечное множество, значит, в какой-нибудь одной распределение карт в покере может быть именно таким? Вот так и получилось, что мы находимся во вселенной, где я всякий раз сдаю себе четыре туза, не мошенничая!»⁹ Вряд ли этот аргумент подействует на остальных игроков. Строго говоря, вполне возможно, чтобы человек двадцать раз подряд сдал себе по четыре туза. Но даже если доказать, что он смошенничал, невозможно, неразумно делать вывод, что он не прибегал к мошенничеству.

Философ Джон Лесли приводит подобный пример: он предлагает представить себе, что человека, приговоренного к смертной казни, расстреливает команда, состоящая из пятидесяти опытных снайперов¹⁰. Все они стреляют с расстояния менее двух метров, но ни одна пуля не задевает приговоренного. Поскольку даже самый опытный снайпер может промахнуться, стреляя практически в упор, есть вероятность, что все пятьдесят промахнулись одновременно. Невозможно доказать, что снайперы сговорились промахнуться, однако было бы неразумно заключать, что они этого не делали.

Строго говоря, возможно, что мы по чистой случайности оказались именно в той вселенной, которая пригодна для органической жизни. У нас нет доказательств, что точная настройка этой вселенной – результат какого-либо замысла, и вместе с тем неразумно делать вывод, что она таковым не является. Хотя органическая жизнь вполне могла зародиться без участия Творца, разве имеет смысл жить так, словно эта бесконечно малая вероятность оправдалась?

Упорядоченность природы

Природа обладает еще более удивительным и необъяснимым свойством, нежели ее замысел. Все научные, индуктивные рассуждения опираются на предположение об упорядоченности

(«законах») природы, согласно которым завтра вода закипит при таких же условиях, при которых закипает сегодня. Индуктивный метод требует обобщения и распространения закономерностей наблюдаемых случаев на все случаи того же рода. Без индуктивного мышления мы не смогли бы учиться на своем опыте, пользоваться языком, полагаться на свою память.

Большинство людей считает упорядоченность природы нормальным явлением и не тревожится по этому поводу – в отличие от философов. Дэвида Юма и Бертрانا Рассела, как добрых мирян, встревожил тот факт, что мы не имеем ни малейшего представления, почему природа упорядочена сегодня, более того – у нас нет никаких рациональных объяснений того, что ее упорядоченность сохранится завтра. Если бы кто-нибудь напомнил, что «раньше будущее всегда было подобно прошлому», Юм и Рассел возразили бы, что этот человек вводит как допущение именно то, что пытается обосновать. Иначе говоря, наука не может доказать непрекращающуюся упорядоченность природы – может только принять ее на веру.

Упорядоченность вселенной – это не доказательство, а намек на существование Бога

В последние десятилетия появилось немало ученых, утверждающих, что современная наука в своей самой стабильной форме развилась из христианской цивилизации, благодаря ее вере во всемогущего, персонифицированного Бога, который сотворил и продолжает поддерживать порядок во вселенной¹¹. Упорядоченность как доказательство существования Бога легко опровергнуть. Всегда можно заявить: «Мы не знаем, почему дело обстоит так, а не иначе». Но в качестве намека на существование Бога она способна пригодиться.

Красота как намек

Артур К.Данто, художественный критик из журнала *The Nation*, однажды сказал, что произведение искусства – то, что вызывает у него ощущение «смутного, но неизбежного смысла»¹². Иными словами, великое искусство не «бьет по голове» простой идеей, но неизменно вызывает ощущение, что жизнь – отнюдь не «повесть, которую пересказал дурак: в ней много слов и страсти, нет лишь смысла». Оно наполняет нас надеждой, дает силы, чтобы продолжать действовать, даже если мы не в состоянии определить, что именно подвигло нас на это.

Леонард Бернстайн восхищался влиянием, которое оказал на него Бетховен:

Бетховен... вел разработку пьес с потрясающей правильностью. «Правильность» – вот оно, это слово! Когда создается ощущение, что нота, следующая за предыдущей, – единственная, какая только возможна в этот момент и в этом контексте, значит, есть вероятность, что слушаешь Бетховена. Мелодии, фуги, ритмы – оставьте их Чайковским, Хиндемитам и Равелям. А у этого малого есть нечто по-настоящему ценное, небесный дар, власть, чтобы заставить нас почувствовать: есть в этом мире нечто правильное. Есть то, что выверено, что неуклонно следует собственному закону – то, чему можно доверять и что никогда не подведет нас¹³.

Если Бога нет и все в этом мире – результат «случайного расположения атомов», по известному выражению Бертрانا Рассела, значит, нет и цели, для которой мы созданы: мы – случайности. Если мы – продукт случайного действия сил природы, тогда то, что мы называем словом «красота» – не что иное, как стандартная неврологическая реакция на конкретные данные. Мы находим красивым некий пейзаж только потому, что наши предки знали, что в

таком месте наверняка найдется еда, они выжили благодаря этой неврологической реакции, и теперь эта реакция есть у нас. Точно так же можно считать, что даже если музыка кажется исполненной смысла, этот смысл – иллюзия. В таком же свете можно рассматривать и любовь. Если мы – результат действия слепых сил природы, значит, то, что мы называем «любовью» – всего-навсего биохимическая реакция, унаследованная от предков, которые выжили потому, что им помогла эта черта.

В присутствии великого искусства и красоты мы неизбежно чувствуем, что в жизни действительно есть смысл

Бернштейн и Данто подтверждают: несмотря на то, что мы, нерелигиозные люди, верим, что красота и любовь – просто биохимические реакции, в присутствии великого искусства и красоты мы неизбежно чувствуем, что в жизни действительно есть смысл, есть истина и справедливость, которые никогда не обманут наши ожидания, и любовь, которая значит для нас все. Отметим, что Бернштейн, никоим образом не принадлежащий к числу религиозных людей, не может удержаться от выражения «небесный», когда ведет речь о Бетховене. Следовательно, можно быть материалистами, считающими, что истина и справедливость, добро и зло – только иллюзии, и ничего более. Но когда мы видим искусство или даже красоту природы, сердца говорят нам совсем иное.

Еще один выдающийся художник, который объясняет нам то же самое, – Джон Апдайк. В его рассказе «Голубиные перья» подросток говорит матери: «Ты что, не понимаешь, что когда мы умрем, ничего не будет – ни солнца, ни полей, совсем ничего, ужас, да? Прямо океан ужаса». А потом, разглядев красоту голубиных перьев с их фактурой и цветом, он поражается определенности того, что за нашим миром стоит Бог, который позволит ему жить в вечности¹⁴. Кажется, будто Апдайк говорит: несмотря на всю веру нашего разума в случайность и бессмысленность жизни, при виде красоты мы понимаем, что не все так просто.

«Ну и что? – наверняка спросит кто-нибудь. – Если мы чувствуем, что в чем-то правы, это еще ничего не значит!» А разве сейчас мы говорим только о чувствах? Во время таких переживаний пробуждается скорее стремление или желание. Гете называл его *selige sehnsucht* – блаженным томлением. Мы ощущаем не только действительность, но и отсутствие того, к чему мы стремимся.

Блаженный Августин в своей «Исповеди» рассуждает о том, что эти неосуществимые желания – намеки на Божью действительность. Как это может быть? В самом деле, согласно только что прозвучавшему возражению, если мы *чувствуем* желание поужинать бифштексом, это еще не значит, что мы его получим. Но если голод не доказывает, что нам будет обеспечено конкретное желаемое блюдо, разве желание съесть его не означает, что это блюдо существует? Разве внутренние, присущие нам желания не соответствуют реальным объектам, которые могут удовлетворить их – например, сексуальное влечение (соответствует сексу), аппетит (соответствует еде), усталость (соответствует сну), стремление к общению (соответствует дружбе)?

Разве неосуществимое желание, вызванное красотой, нельзя назвать внутренне присущим нам? Мы жаждем радости, любви и красоты, и эту жажду не утолить никаким количеством или качеством еды, секса, дружбы или успеха. Мы испытываем такую жажду, которую в этом мире нам нечем утолить. Разве это не намек на то, что предмет нашего вожделения существует?¹⁵ В таком случае наше неосуществимое желание можно приравнять к другим глубинным, внутренне присущим человеку желаниям, и оно окажется важным намеком на то, что Бог существует¹⁶.

В нашей культуре действует весьма влиятельная школа мысли, утверждающая, что у нее есть ответы на все так называемые намеки. Это школа эволюционной биологии, которая утверждает, что все, касающееся нас, можно объяснить естественным отбором. Книга, которая стремится объяснить все намеки на существование Бога этим способом, написана Дэниелом Деннетом и называется «Разрушенные чары: религия как явление природы». Деннет считает, что если у нас есть религиозные чувства, то лишь потому, что когда-то давно подобные черты помогали массам людей выживать в те времена и в тех условиях и, следовательно, передались нам вместе с генетическим кодом. Подводя итог своим представлениям, он пишет:

Все, что мы ценим – от сахара, секса и денег до музыки, любви и религии, – мы ценим по неким причинам. За этими причинами стоят обособленные от них эволюционные причины, свободно развивающиеся логические обоснования, утвержденные и одобренные естественным отбором¹⁷.

Робин Маратнц Хениг опубликовала в *The New York Times Magazine* обзорную статью «Почему мы веруем? Как эволюционная наука объясняет веру в Бога»¹⁸, посвященную представлениям эволюционистов о религии. Нам известно, что «идея непогрешимого Бога удобна и знакома, дети с готовностью принимают ее»¹⁹. Почему? Такие сторонники теории эволюции, как Дэвид Слоан Уилсон, считают, что вера в Бога делала людей более счастливыми и менее эгоистичными, в результате их семьи и племена выживали, им доставались лучшие партнеры. Другие ученые, например Скотт

Атран и Ричард Докинз, выдвигают постулат, согласно которому вера в Бога – случайный побочный продукт других черт, обеспечивавших адаптивные преимущества. Наши выжившие предки были наиболее склонны усматривать опасность даже там, где ее не было, и, скорее всего, связывали некие нарративы и причинные осмысления со всем, что происходило вокруг них. Однако те же самые черты – умение видеть опасности, нарративы и связи – сделали более вероятной нашу веру в Бога²⁰. Несмотря на бурную полемику в этой сфере, все теоретики эволюционизма сходятся во мнении, что наша способность верить в Бога заложена в нашей физиологии, поскольку она была прямо или косвенно связана с чертами, которые помогли нашим предкам приспособиться к своему окружению. Вот почему доводы в пользу Бога у многих из нас вызывают интерес. И больше здесь нечего добавить. Намеки ни на что не намекают.

Вера в Бога делала людей более счастливыми и менее эгоистичными, в результате их семьи и племена выживали

Однако для многих верующих этот аргумент, нейтрализующий намеки, не только содержит роковое противоречие, но и указывает на еще один намек на существование Бога.

В последней части книги «Бог как иллюзия» Докинз признает: поскольку мы – результат естественного отбора, мы не можем всецело доверять своим чувствам. В конце концов, эволюция заинтересована только в сохранении адаптивного поведения, а не истинной веры²¹. В статье, опубликованной в *New York Times Magazine*, другой ученый отмечает: «В определенных обстоятельствах символическая вера, отделенная от фактической действительности, приносит более ценные результаты»²². Иными словами, параноидальные ложные убеждения зачастую помогают выжить эффективнее точных.

По-моему, Докинз и другие сторонники теории эволюции не осознают весь смысл этой ключевой догадки. Эволюции можно приписать только то, что она обеспечила нас когнитивными способностями, помогающими выживать, но не теми, которые давали бы нам достоверную и точную картину окружающего мира²³. Патрисия Черчленд излагает эту мысль так:

Основная задача [мозга] – управлять частями тела так, чтобы они способствовали выживанию организма. Усовершенствование сенсомоторного контроля дает эволюционное преимущество; усложненный способ представления [мира] имеет преимущества лишь при условии... что он повышает шансы организма на выживание. Истина, какой бы она ни была, отступает на самый дальний план²⁴.

Выдающийся философ и атеист Томас Найджел соглашается с этой мыслью в заключительной главе книги «Последнее слово». По его словам, чтобы убедиться, что мой разум сообщает мне истинные сведения о мире, я должен «следовать правилам логики, потому что они точны, а не просто потому, что я биологически запрограммирован на подобные поступки».

Но согласно эволюционной биологии, законы разума должны иметь для нас смысл только потому, что они помогают нам выжить, а не потому, что они неизменно сообщают нам истину. Найджел спрашивает:

[Разве мы можем] постоянно доверять разуму как источнику знаний о неочевидном характере мира? Я убежден, что сама эволюционная история [человеческого рода] препятствует такому доверию²⁵.

Эволюционисты считают, что если Бог имеет смысл для нас, то не потому, что Он действительно существует, а лишь по той причине, что эта вера помогает нам выживать и что она досталась нам с рождения. Но если мы не верим, что наши функции, формирующие убеждения, способны поведать нам правду о Боге, почему же мы верим, что они говорят нам правду обо всем остальном, в том числе и об эволюции? Если наши когнитивные функции сообщают нам лишь о том, что необходимо для выживания, а не что истинно, почему мы вообще доверяем им?

По-видимому, у сторонников теории эволюции остается два выхода. Они могут пойти на попятный и признать, что мы вправе доверять тому, что говорит нам разум о положении вещей, в том числе и о Боге. Если мы находим доводы и намеки на существование Бога, которые привлекают наше внимание, – возможно, Он действительно есть. Или же эволюционисты могут ринуться в атаку и признать, что нашему разуму нельзя доверять ни в чем. Но поступать так, как делают в настоящее время многие эволюционисты, некрасиво. Они применяют скальпель своего скептицизма по отношению к тому, что разум говорит нам о Боге, но не к тому, что он рассказывает нам о самой теории эволюции.

Это громадная ахиллесова пята эволюционной теории и биологии в целом. Элвин Плантинга указывает, что сам Чарльз Дарвин видел это существенное уязвимое место. Дарвин писал одному из друзей, что

всякий раз закрадывается страшное сомнение, имеют ли вообще хоть какую-нибудь ценность убеждения человеческого мозга, который развился из мозга низших животных, и заслуживает ли он доверия²⁶.

Затем Плантинга продолжает доказывать, что абсолютно иррациональным является такой поступок, как принятие эволюционного «натурализма», теории о том, что все в нас обусловлено исключительно естественным отбором. Если это правда, мы не вправе доверять методам, с помощью которых пришли к ней, равно как и к любой другой научной теории²⁷.

Подобно Докинзу, люди считают, что между наукой и религией существует конфликт... но на самом деле это конфликт между наукой и натурализмом, а не между наукой и верой в Бога... Учитывая неуправляемость эволюции, в равной степени вероятно и то, что мы живем в вымышленном мире, и то, что мы действительно кое-что знаем о своем мире и о себе²⁸.

Несмотря на огромное влияние популярных книг Деннета, Докинза, Харриса, авторы которых пытаются применить к религии эволюцию как нейтрализатор намеков, все больше мыслителей видит, что стоит за этими попытками, и это относится не только к ортодоксальным верующим, но и к таким, как Томас Найджел. Литературный редактор *The New Republic* Леон Визелтьер выявляет изъян этого нейтрализатора намеков в своей рецензии на книгу Деннета «Разрушенные чары»:

[Деннет] изображает разум состоящим на службе у естественного отбора, а не являющимся его результатом. Но если разум – результат естественного отбора, тогда насколько же мы можем верить в рациональность довода в пользу естественного отбора? Своей силой разум обязан собственной независимости, И ничему другому... Эволюционная биология не может обращаться к силе разума и в то же время уничтожать ее²⁹.

Напрашивается следующий вывод: если, как утверждают сторонники теории эволюции, то, что наш мозг говорит нам о нравственности, любви и красоте, неправда, если все это просто набор химических реакций, предназначенных для передачи вместе с нашим генетическим кодом, значит, это справедливо и в отношении того, что говорит о мире мозг *самих сторонников* теории эволюции. В таком случае почему мы должны верить им?

Нейтрализатор намеков на самом деле сам является намеком

Я считаю, что в итоге мнимый нейтрализатор намеков указывает нам на еще один намек на существование Бога, который можно прибавить к остальным.

Первый намек – само существование мира, Большой взрыв. Нерелигиозный человек справедливо заметит: «Но ведь он не доказывает, что Бог существует. Может, Большой взрыв получился сам собой». Второй намек – точная настройка вселенной, один шанс из триллиона триллионов на то, что наша вселенная окажется пригодной для органической жизни и человека. Нерелигиозный собеседник опять может резонно возразить: «Но это не доказывает существование Бога. Вселенная могла оказаться именно такой по чистейшему совпадению, по стечению обстоятельств». Еще один намек – упорядоченность природы. Все научные, индуктивные рассуждения основаны на этом допущении, хотя у нас нет ни малейшего рационального обоснования, чтобы полагать, что эта упорядоченность будет сохраняться и впредь. Если верующие согласятся, что это намек на существование Бога, неверующие справедливо возразят: «Мы не знаем, почему природа упорядочена – просто она так устроена. Это не доказывает существование Бога».

Еще один намек – красота и смысл. Если мы – продукт бессмысленных, стихийных сил природы, спросят верующие, то чем же объяснить, что мы чувствуем смысл красоты, любви и жизни? Нерелигиозный человек ответит: «Это не доказывает существование Бога. Все эти

«чувства» и убеждения может объяснить эволюционная биология. Религиозными, эстетическими и нравственными чувствами мы наделены лишь потому, что когда-то они помогли нашим предкам выжить». Но как указывают многие мыслители, если этот аргумент и доказывает что-то, то его доказательства слишком значительны. Если мы не вправе доверять в одной сфере нашим функциям, формирующим убеждения, то не следует доверять им и во всех прочих сферах. Если Бога нет, мы вообще не должны верить своим когнитивным функциям.

Теория о том, что есть Бог, сотворивший мир, объясняет то, что мы видим, лучше, чем теория, согласно которой Бога нет

Но мы-то верим им, и в этом заключается последний намек. Если мы верим в существование Бога, тогда наши представления о вселенной дают нам основания полагать, что наши когнитивные функции эффективны, поскольку Бог мог сотворить нас способными формировать убеждения и знания, соответствующие истине. Если мы верим в Бога, тогда Большой взрыв не представляет для нас загадки – как и точная настройка вселенной, как и упорядоченность природы. Все, что мы видим, наполняется идеальным смыслом. Кроме того, если Бог существует, нам следует ожидать от себя интуитивного понимания смысла красоты и любви.

Если мы не верим в Бога, не только все перечисленное становится совершенно необъяснимым: наши представления – о том, что Бога нет, – приводят к тому, что мы ничего подобного не ждем. Хотя у нас мало оснований верить в эффективность функций своего мышления, мы продолжаем пользоваться ими. У нас нет причин верить, что природа и впредь будет упорядоченной, тем не менее, мы продолжаем пользоваться индуктивными рассуждениями и понятиями. У нас нет веских оснований доверять своим чувствам и считать, что любовь и красота имеют смысл, тем не менее мы продолжаем делать это. К. С. Льюис наглядно показал это:

Кроме как в самом низменном животном смысле слова, невозможно любить девушку, если знаешь (и постоянно помнишь), что вся ее внешняя красота и достоинства характера – мимолетности, случайности, вызванные столкновением атомов, и что твоя собственная реакция на них – лишь подобие психической фосфоресценции, порожденной твоими генами. Невозможно получать по-настоящему серьезное удовольствие от музыки, если знаешь и помнишь, что ее значительность – чистейшая иллюзия и что тебе она нравится только потому, что твоей нервной системе свойственна иррациональная обусловленность, позволяющая любить музыку³⁰.

Разумеется, ни один из намеков, к которым мы обращались, на самом деле не доказывает существование Бога. Каждый можно опровергнуть с рациональной точки зрения. Но по-моему, все вместе они дают мощный и провокационный совокупный эффект. Хотя с рациональной точки зрения нерелигиозные представления о мире вполне возможны, они не имеют такого смысла, как взгляд на тот же мир сквозь призму убеждения в существовании Бога. Вот почему мы говорим о намеках. Теория о том, что есть Бог, сотворивший мир, объясняет то, что мы видим, лучше, чем теория, согласно которой Бога нет. Те, кто выступает против существования Бога, делают не что иное, как обращаются к индукции, языку и когнитивным функциям, а все они имеют гораздо больше смысла во вселенной, которую сотворил Бог, и которую Он продолжает поддерживать своей силой.

Представляю себе, как сейчас кто-нибудь из читателей воскликнет: «Нет, не убедили! В общем, вы пытаетесь объяснить, что Бог, вероятно, существует, но что никто не может неопровержимо изложить это убеждение. Значит, никто не знает, есть на самом деле Бог или нет». С этим я не согласен.

В следующей главе я хочу применить сугубо субъективный подход. Я не желаю доказывать, почему Бог может существовать: я хочу продемонстрировать, что вы уже знаете о Его существовании. Я хотел бы убедить читателя: какие бы интеллектуальные взгляды он ни признавал, вера в Бога остается неизбежным, «базовым» убеждением, которое мы не можем доказать, но вместе с тем не можем не знать. Нам известно, что Бог есть. Вот почему даже когда мы всей силой разума верим в бессмысленность жизни, мы просто не можем жить в соответствии с этой верой. Мы-то знаем правду.

Примечания

¹ Это исследование можно найти в лекциях Элвина Плантинги «Две дюжины (или около того) теистических доводов», размещенных по адресу <http://www.homestead.com/philofreligion/files/Theisticarguments.html> и на многих других сайтах. См. также краткие выводы по Уильяму К. Дэвису «Теистические аргументы» (William C. Davis, “Theistic Arguments,” in Murrey, *Reason for the Hope Within*).

² Стивен Хокинг, Роджер Пенроуз, «Природа пространства и времени» (Stephen Hawking, Roger Penrose, *The Nature of Time and Space*, Princeton University Press, 1996), с. 20.

³ В интервью на Salon.com, <http://www.salon.com/books/int/2006/08/07/collins/index2.html>, на 9 марта 2007 года.

⁴ На 9 марта 2007 года – по адресу http://www.truthdig.com/report/page2/20060815_sam_harris_language_ignorance/

⁵ Краткое содержание этого довода см.: Робин Коллинз, «Научный аргумент в пользу существования Бога: аргумент умышленной точной настройки» (Robin Collins, “A Scientific Argument for the Existence of God: The Fine-Tuning Design Argument,” *Reason for the Hope Within*, Michael J. Murray, ed. Eerdmans, 1999).

⁶ В интервью на Salon.com, <http://www.salon.com/books/int/2006/08/07/collins/index2.html>, на 9 марта 2007 года.

⁷ Цитировано у Фрэнсиса Коллинза, *Доказательство Бога. Аргументы ученого* (Francis Collins, *The Language of God: A Scientist Presents Evidence for Belief* Free Press, 2006), с. 75.

⁸ См.: Ричард Докинз, *Бог как иллюзия*, с. 199–200 русского издания.

⁹ Из Элвина Плантинги, «Опасная идея Деннета» (Alvin Plantinga, “Dennett's Dangerous Idea,” in *Books and Culture*, May-June 1996):35.

¹⁰ Упоминается у Коллинза в «Научном аргументе», с. 77.

¹¹ См.: «Наука становится странной» в книге: С. Джон Соммервилл, «Упадок светского университета» (S. John Sommerville, *The Decline of the Secular University*, Oxford University Press, 2006). См. также: Диоген Аллен, *Христианская вера в постмодернистском мире* (Diogenes Allen, *Christian Belief in a Post-Modern World*, John Knox, 1989).

¹² Артур Данто, “Pas de Deux, en Masse: Shirin Neshats’s Rapture” (Arthur Danto, “Pas de Deux,

en Masse: Shirin Neshat's Rapture," The Nation, June 28, 1999).

¹³Леонард Бернштейн, «Радость музыки» (Leonard Bernstein, *The Joy of Music*, Simon and Schuster, 2004), с. 105.

¹⁴Прочитировано Робинот Марантцем Хенигом в статье «Почему мы верим?» в *The New York Times Magazine*, March 4, 2007, с. 58.

¹⁵Классическое изложение этого аргумента содержится в главе о надежде у К. С. Льюиса, «Просто христианство».

¹⁶Н. Т. Райт указывает, что христианские представления о красоте не совпадают с платоновскими. Платон и греческие философы считали, что весь земной опыт красоты уводит нас из материального мира теней в вечный духовный мир абсолютной действительности. Но в библейском видении спасения говорится о новых небесах и новой земле. Наши неосуществленные стремления обращены не только к духовному вечному миру, но и к этому миру, который станет совершенным после того, как в нем будет наведен порядок (см.: Райт, *Настоящее христианство*, с. 71–72 русского издания). Это важный момент, поскольку знаменитый довод К. С. Льюиса, построенный на желании и изложенный в «Просто христианстве» слишком точно соответствует платоновской модели.

¹⁷Прочитировано у Леона Визелтьера в «Геноме Бога» (Leon Wieseltier, "The God Genome," *New York Times Book Review*, February 19, 2006).

¹⁸*The New York Times Magazine*, March 4, 2007.

¹⁹Хениг, *Почему мы веруем?* с. 43.

²⁰Там же, с. 58.

²¹Докинз, *Бог как иллюзия*, с. 512 русского издания и далее: «Наш мозг сам является продуктом эволюции... развившимся, чтобы помочь нам выжить в окружающем мире».

²²Хениг, с. 7.

²³В предисловии к «Эгоистичному гению» Ричарда Докинза Роберт Трайверс отмечает акцент, сделанный Докинзом на роли обмана в жизни животных, и добавляет, что если и вправду «обман играет фундаментальную роль в коммуникации животных, значит, отбор должен быть направлен на выявление обмана и, в свою очередь, на определенную степень самообмана, бессознательное толкование некоторых фактов и мотивов таким образом, чтобы едва уловимыми признаками знания не выдать свой обман». Следовательно, «традиционный взгляд, согласно которому при естественном отборе отдается предпочтение нервной системе, которая создает наиболее точный образ мира, должен быть крайне наивным представлением о ментальной эволюции». Цитируется по Роберту Райту, *Нравственное животное* (Robert Wright, *The Moral Animal*, Pantheon, 1994, с. 263–264). Специалист в области когнитивной психологии Джастин Барретт пишет: «В когнитивной науке кое-кто полагает, что поскольку наш мозг и его функции были "разработаны" путем естественного отбора, мы можем доверять им и считать, что они говорят нам истину; с эпистемологической точки зрения, это допущение сомнительно. Если мы успешно выживаем и воспроизводимся, это еще не значит, что наш разум сообщает нам истину хоть о чем-нибудь, особенно если речь идет о сложных мыслительных процессах... совершенно естественным было бы представление о человеческом разуме как органе, который верно служил нам для выживания в прошлом». Джастин Л. Барретт, «Зачем кому-то вообще верить в Бога?» (Justin L. Barrett, *Why Would Anyone Believe in God?* AltaMira Press, 2004), с. 19.

²⁴Патрисия С.Черчленд, «Эпистемология в век нейробиологии» (Patricia S.Churchland, "Epistemology in the Age of Neuroscience," *Journal of Philosophy*, October 1987), с. 548. Прочитировано в Плантинга, «Гарантия и собственная функция» (Alvin Plantinga, *Warrant and*

Proper Function, Oxford University Press, 2000), с. 218.

²⁵Найджел, «Последнее слово», с. 134–135.

²⁶Процитировано у Элвина Плантинги в главе «Иррационален ли натурализм?» (Alvin Plantinga, *Warrant and Proper Function*, Oxford University Press, 2000), с. 219.

²⁷Аргумент полностью см. у Плантинги в главах 11 и 12 (Alvin Plantinga, *Warrant and Proper Function*, Oxford University Press, 2000).

²⁸Из рецензии Элвина Плантинги «Бог и конфуз» (The God Confusion) на книгу Ричарда Докинза в *Books and Culture*, March/April 2007:24.

²⁹Рецензия Визелтьера «Геном Бога» опубликована в *New York Times* 19 февраля 2006 года.

³⁰К. С. Льюис, «О жизни в атомном веке» в «Проблемах настоящего» (C. S. Lewis, *Present Concerns*, Collins, 1986), с. 76.

9. Знание о Боге

Чарли: *Конечно, Бог есть! Все мы на самом деле знаем это.*

Синтия: *Ничего подобного. Я не знаю.*

Чарли: *Еще как знаешь! Когда ты размышляешь И ни с кем не делишься мыслями, а мы большую часть времени, пока бодрствуем, именно так и мыслим, у тебя наверняка возникает впечатление, что твои мысли не пропадают в пустую, что их каким-то образом слышат. По-моему, это ощущение, что нас слышат и понимают, говорит о присущей нам внутренней вере в высшую сущность, во всеобъемлющий разум. В этом просто проявляется некое убеждение, свойственное всем нам. В какой-то момент большинство людей теряет его, после чего может вернуть только спомощью сознательной веры.*

Синтия: *Ты уже вернул?*

Чарли: *Пока нет. Но надеюсь вернуть когда-нибудь.*

(фильм «Метрополитен», 1990, США, Уит Стиллмен)

Консервативные писатели и общественные деятели постоянно жалуются, что современная молодежь склонна к релятивизму и безнравственна. Будучи пастором из Манхэттена, я почти два десятилетия провел в тесном общении с людьми в возрасте чуть за двадцать и потому не разделяю это мнение. Знакомые мне нерелигиозные молодые люди обладают прекрасно отточенным пониманием, что хорошо и что плохо. Многие события, происходящие в мире, возмущают их до глубины души. Тем не менее их понимание о нравственности представляет проблему.

Мораль в свободном полете

Довольно часто мне приходится брать на себя роль профессора философии, чтобы оставаться добрым пастырем для своих прихожан. Однажды молодая пара пришла ко мне за духовными наставлениями. Оба признались, что «мало во что верят». Откуда им знать, существовал ли Бог хоть когда-нибудь? Я спросил, вызывает ли хоть что-нибудь у них чувство, что так быть ни в коем случае не должно. Моя собеседница сразу же заговорила о сложившейся в обществе практике маргинализации женщин. Я был полностью согласен с ней, поскольку, как и подобает христианину, верю, что все люди сотворены Богом, и все-таки любопытно, что именно моя собеседница находит неправильным. Она ответила: «Женщины – люди, а у людей есть права. Попирать чужие права нельзя». Я спросил, откуда ей это известно.

Озадачившись, она объяснила: «Всем известно, что нельзя нарушать чужие права». Я возразил: «Нет, это известно далеко не всем. Большинство людей в мире не разделяют западные представления о правах человека. Представьте, что вы слышали бы от кого-нибудь: «Всем известно, что женщины – низшие существа». Вы, естественно, ответили бы: «Это не аргумент, а просто суждение». И были бы правы. Поэтому начнем заново. Если, как вы убеждены, Бога нет, и все живое – результат эволюции животных, почему нельзя попить чужие права?» В разговор вступил муж моей собеседницы: «Да, мы действительно животные, только мозг у нас размером побольше, но ведь и у животных есть права. Их тоже нельзя нарушать». Я спросил, считает ли он животных виновными в нарушении прав других животных, если более сильные поедают более слабых. «Нет, не считаю». Значит, он считает виновными только людей, если они жестоко

обращаются со слабыми? «Да». Но к чему эти двойные стандарты? Я спросил, почему мои собеседники настаивают на том, что люди отличаются от животных, так что людям не позволено совершать поступки, естественные для мира животных. Почему они убеждены, что каждый человек обладает уникальной индивидуальностью, достоинством и ценностью? Почему верят в права человека? «Не знаю, – ответила женщина. – Наверное, просто потому, что они есть, вот и все».

Этот разговор в сжатом пересказе получился слишком сухим, однако мои собеседники смеялись над неубедительностью своих доводов, и я понял, что они готовы задуматься над вопросами, и потому изъяснялся резче, чем обычно. Вместе с тем наш разговор показал, насколько наша культура отличается от всех предшествующих. Люди по-прежнему твердо придерживаются нравственных убеждений, но в отличие от представителей других времен и культур, у наших современников для этого нет никакого зримого фундамента, они не могут объяснить, *почему* что-то считают злом, а что-то – благом. Может показаться, что их нравственные знания находятся в состоянии свободного полета высоко над землей.

Об этом говорил польский поэт Чеслав Милош:

Чем поражал период после холодной войны, так это обилием красивых и волнующих слов, которые почтительно произносились и в Праге, и в Варшаве – слов, относящихся к старому репертуару прав человека и достоинства личности. Этот феномен удивляет меня, возможно, потому, что под ним скрыта бездна. В конце концов, фундаментом всех этих идей является религия, а я не питаю чрезмерного оптимизма, думая о выживании религии в научно-технической цивилизации. Казалось бы, давно погребенные идеи вдруг были возрождены. Сколько они продержатся на плаву без надежной опоры?¹

Я не думаю, что Милош прав. Мне кажется, что люди будут придерживаться веры в человеческое достоинство даже после того, как исчезнет осознанная вера в Бога. Но по какой причине? На этот счет у меня есть радикальный тезис. Я считаю, что в нашей культуре людям присуще неизбежное знание о существовании Бога, однако они подавляют это знание.

Понятие морального долга

Часто можно услышать от людей: «Никому не следует навязывать другим свои нравственные взгляды, поскольку каждый имеет право искать истину в себе».

Людам присуще неизбежное знание о существовании Бога, однако они подавляют это знание

При таком убеждении неизменно возникает ряд очень неудобных вопросов. Разве нет в мире людей, совершающих поступки, которые вы считаете *ошибочными*, – поступки, которые следует прекратить независимо от того, что эти люди думают о своем поведении? А если вы и вправду так считаете (как считают все!), разве это не означает, что *выверите* существование некоего нравственного стандарта, которого следует придерживаться независимо от личной убежденности? Отсюда следует вопрос: почему на практике все люди не могут быть стойкими нравственными релятивистами, хотя и претендуют на этот статус? Ответ заключается в следующем: все мы глубоко, всецело и неизбежно верим не только в нравственные ценности, но и в моральный *долг*. Социолог Кристиан Смит выражает эту мысль так:

«Мораль»... это ориентир для понимания, что верно и что неверно, справедливо и несправедливо, что не заложено нашими желаниями И предпочтениями, а считается существующим обособленно от них и предоставляющим мерки, по которым можно оценивать наши желания и предпочтения².

У всех людей есть нравственные чувства. Мы называем их совестью. Задумав сделать то, что нам кажется неправильным, мы склонны сдерживаться. Но этим наше нравственное чувство не ограничивается. Мы также считаем, что есть критерии, «существующие обособленно от нас», по которым мы оцениваем нравственные чувства. Моральный долг – это убеждение, что некоторые поступки не следует совершать, независимо от внутреннего отношения самого человека к ним, независимо от отношения его общества и культуры, независимо от того, в интересах ли данного человека совершать эти поступки. Замечу, что молодая пара из недавнего примера даже не сомневалась, что представители других культур должны уважать права женщин.

Нас учат, что все нравственные ценности относительны и связаны с отдельными личностями и культурами, тем не менее мы не можем так жить. На практике мы неизбежно относимся к некоторым принципам как к эталонам, по которым судим о поведении тех, кто не разделяет наши ценности. Что дает нам такое право, если все нравственные убеждения относительны? Такого права нам не дает ничто. И все-таки мы не можем удержаться. Люди, которые смеются над утверждением, будто существует высший нравственный порядок, думают не о том, что расовый геноцид попросту нецелесообразен или обречен на провал, а о том, что это *неправильно*. Нацисты, уничтожавшие евреев, могли сколько угодно заявлять о том, что совершенно не считают свои действия безнравственными. Для нас это не имеет значения. Нам неважно, насколько искренне они считали, что оказывают услугу человечеству. В любом случае они не должны были так поступать.

У нас есть не только нравственные чувства, но и неискоренимая вера в то, что вне нас самих существуют нравственные мерки, критерии, по которым оцениваются наши внутренние нравственные чувства. Почему? Почему мы считаем, что такие мерки есть?

Эволюционная теория морального долга

Самый распространенный ответ дает то, что я назвал в предыдущей главе «нейтрализатором намеков» – социобиология, или эволюционная психология. Согласно ее представлениям, альтруисты, чуждые эгоизма и способные к сотрудничеству, выживали чаще эгоистичных и жестоких. Поэтому альтруистичные гены передались нам и теперь большинство людей считает «правильным» неэгоистичное поведение.

Эволюцией нельзя объяснить происхождение наших нравственных чувств

Однако в этой теории немало изъянов, она неоднократно подвергалась сокрушительной критике³. Самопожертвование, альтруистическое поведение отдельно взятого человека по отношению к его кровным родственникам могло привести к более высокому уровню выживания для семьи этого человека или для его клана, следовательно, к появлению большего количества потомков с генофондом этой семьи или клана. Но для целей эволюции противоположная реакция – враждебность по отношению ко всем людям, не входящим в данную группу, – должна была в той же мере считаться высоконравственной и правильной. Тем не менее сегодня мы считаем, что жертвовать временем, деньгами, эмоциями и даже жизнью – особенно ради тех, кто не принадлежит к нашим ближним, к нашему племени, – это *правильно*. Когда мы видим, что

незнакомый человек упал в реку, мы прыгаем следом за ним или чувствуем себя виноватыми потому, что не сделали этого. В сущности, большинство людей считают своим долгом прыгнуть в реку даже за врагом. Как мы могли приобрести такую черту в процессе естественного отбора? Ведь вероятность выживания ее носителей и передачи ими своих генов довольно низка. Если исходить из строгого эволюционного натурализма (убеждения, что всем, имеющимся в нас сейчас, мы обязаны процессу естественного отбора), человеческий род должен был давным-давно лишиться подобного альтруизма. Но сейчас он силен как никогда.

Сложности возникают и с другими аргументами, призванными продемонстрировать репродуктивные преимущества альтруизма. Есть мнение, что альтруистическое поведение приносит большую косвенную выгоду тому, кто придерживается его, но этим не объясняется наше стремление совершать акты альтруизма в тех случаях, когда о них никто не знает. Кое-кто убежден, что самопожертвование приносит пользу всей группе или сообществу, в результате эта группа или сообщество передает свой генетический код потомкам. Тем не менее все соглашались с тем, что естественный отбор не влияет на целые популяции⁴.

Таким образом, эволюцией нельзя объяснить происхождение наших нравственных чувств, а тем более тот факт, что все мы верим в существование внешних нравственных стандартов, по которым оцениваем любые нравственные чувства⁵.

Проблема морального долга

Чувство морального долга создает проблему для тех, кто придерживается секулярных представлений о мире. Кэролин Флюэр-Лоббан – антрополог, занимающаяся преимущественно тем, что она сама именует «культурным релятивизмом», теорией, согласно которой все нравственные убеждения порождены культурой (то есть мы верим в них потому, что являемся частью сообщества, придающего этим убеждениям правдоподобность), и нет объективных оснований ставить нравственность одной культуры выше нравственности другой. Вместе с тем ее приводит в ужас практика угнетения женщин в сообществах, которые она изучает. Она решила защищать интересы женщин в тех обществах, с которыми она работает как антрополог.

При этом сразу же возник парадокс. Кэролин Флюэр-Лоббан знала, что ее вера в женское равноправие уходит в корнями в принятый обществом (североевропейским, в XVIII веке) индивидуалистический образ мысли. Какое право она имела пропагандировать свои взгляды среди тех, кто не принадлежал к этому западному обществу? На это она отвечала так:

Антропологи продолжают оказывать активную поддержку культурному релятивизму. Одну из самых спорных проблем создает фундаментальный вопрос: какое имеем право мы, жители Запада, навязывать свои представления о всеобщих правах остальному человечеству... [Но] аргументом культурных релятивистов часто пользуются репрессивные правительства, возражая международному сообществу, которое критикует их за жестокое обращение со своими гражданами... Я убеждена, что релятивизм не должен мешать нам обращаться к помощи национальных и международных форумов с целью изучения способов защиты жизни и достоинства представителей любой культуры... Когда возникает выбор между защитой прав человека и защитой культурного релятивизма, антропологам следует отдавать предпочтение правам человека. Мы не можем оставаться просто безучастными наблюдателями⁶.

Автор задалась трудным вопросом: «Если любая культура относительна, значит, то же

самое справедливо и для всеобщих прав человека, так каким же образом я могу навязывать представителям той или иной культуры свои ценности?» Но на этот вопрос она так и не ответила. Она сказала только, что ее выпады против угнетения продиктованы западными представлениями о свободе личности, но решения самого парадокса у нее нет. Поэтому автор просто заявляет, что женщины подвергаются угнетению и что она считает своим долгом изменить эту ситуацию. Мы должны нести наши западные ценности в другие страны. Наши ценности лучше, чем у других народов. Точка.

Трудный вопрос прав человека

Флюэр-Лоббан борется с серьезным кризисом в сфере прав человека. Юрген Хабермас писал, что, несмотря на их европейское происхождение, «права человека» в Азии, Африке и Южной Америке в настоящее время являются «единственным языком, на котором противники и жертвы кровавых режимов и гражданских войн могут подать голос против насилия, репрессий и гонений»⁷. Это указывает на колоссальную значимость морали человеческих прав, которую Майкл Дж. Перри определяет как удвоенную убежденность в том, что каждому человеку присуще достоинство и что долг призывает нас строить жизнь в соответствии с этим фактом. Подвергать насилию других людей, в равной мере обладающих достоинством, неправильно⁸. Но почему мы должны этому верить? От чего зависит это достоинство?

В своем очерке «Откуда взялись права?»⁹ гарвардский преподаватель юриспруденции Алан Дершовитц рассматривает возможные варианты ответов на этот вопрос. Кто-то считает, что права человека определены Богом. Если все мы сотворены по образу и подобию Бога, тогда каждый человек должен быть священным и неприкосновенным. Дершовитц отвергает такой ответ на том основании, что среди людей насчитываются миллионы агностиков. Другие утверждают, что права человека – порождение природы, иначе говоря, ее законов. Они считают, что если изучить природу в целом и природу человека, обнаружится, что некоторые виды поведения вписываются в общий порядок вещей и являются правильными. Однако Дершовитц указывает, что в природе процветают насилие и хищничество, при которых выживает сильнейший. Вывести из законов природы концепцию достоинства отдельно взятого человека невозможно.

Согласно еще одной теории, права человека созданы нами, людьми, пишущими законы. Многие утверждают, что установить права человека – в интересах сообщества, поскольку от уважительного отношения к достоинству личности в итоге выигрывает все сообщество. А если большинство решает, что соблюдение прав человека не в его интересах? Если права человека введены большинством, значит, большинство с таким же успехом может и отменить их, перестав усматривать в них необходимость. Ссылаясь на Рональда Дворкина, Дершовитц называет этот третий взгляд на права человека несостоятельным:

Невозможно утверждать, что наличие у людей этих прав в итоге полезно всему сообществу... потому что когда мы говорим, что кто-то имеет право свободно высказывать свое мнение, мы подразумеваем, что этим правом он наделен даже в том случае, если оно не приносит пользу обществу в целом.

Если права человека учреждены большинством, для чего они нужны? Их ценность заключается в том, что на этом основании можно настаивать, чтобы большинство чтит права меньшинства и отдельных лиц, несмотря на представления о «большем благе». Права нельзя просто учредить – они должны быть *реализованы*, иначе они не имеют ценности. Как заключает

Дворкин, если мы хотим защищать права личности, мы должны попытаться найти что-нибудь *помимо практической выгоды*, говорящей в пользу этих прав¹⁰.

Что бы это могло быть? Ни Дворкин, ни Дершовитц не дают ответа. Дворкин в итоге обращается к одной из форм мажоритарной системы. В труде «Суверенитет жизни: спор по поводу абортов, эвтаназии и свободы личности» (1995) он пишет:

Жизнь единственного человека как организма пользуется уважением И защитой... потому что нас изумляют... процессы, в ходе которых из старой жизни возникает новая... Сила сакрального заключается в ценности, которую мы придаем процессу, предприятию или проекту, а не его результатам, рассматриваемым независимо от способа, которым они были достигнуты¹¹.

Преподаватель права Майкл Дж. Перри отвечает на это так:

Нерелигиозным источником нормативности по Дворкину является большая ценность, которую «мы» придаем каждому человеческому существу как венцу творения; это «наше» изумление перед процессами, в ходе которых из старой жизни возникает новая... Но кого Дворкин подразумевает, говоря «мы» и «наш»? Неужели нацисты на самом деле ценили евреев? Очевидная проблема светского аргумента Дворкина... [в пользу прав] заключается в том, что он предполагает между представителями человечества наличие консенсуса, который не существует и никогда не существовал¹².

Большое значение имеет новая книга Перри «К теории прав человека». Перри делает вывод, что несмотря на явное «наличие религиозных оснований для морали человеческих прав... далеко не ясно, есть ли у человеческих прав нерелигиозные¹³, светские основания»¹⁴. Перри излагает известное утверждение Ницше, согласно которому, если Бог мертв, любая мораль любви и прав человека беспочвенна. Если Бога нет, заявляют Ницше, Сартр и другие, значит, не может быть веских причин проявлять доброту, любить, стремиться к миру. Перри цитирует Филиппу Фут, которая говорит, что секулярные мыслители восприняли идею об отсутствии Бога и смысла в жизни человека, но «в действительности не присоединились к битве Ницше за мораль. В общем и целом мы как ни в чем не бывало продолжали принимать нравственные суждения как должное»¹⁵. Почему мы продолжаем так поступать?

Внушительное «Это кто сказал?»

Этот довод изложен в классическом эссе покойного профессора права из Йеля Артура Леффа. Большинству людей кажется, что права человека не созданы, а обретенны нами, что они существуют и что большинство должно относиться к ним с уважением, независимо от того, нравятся ему эти права или нет. Однако Лефф пишет:

Когда же станет недопустимо обращаться к официальному И интеллектуальному аналогу возгласа, который в барах и аудиториях известен под названием внушительного «Это кто сказал?» В отсутствие Бога... каждая... этическая и юридическая система... будет выделяться ответом на ключевой вопрос: кому из нас... следует позволить провозглашать «закон», которому надлежит подчиняться? Сформулированный настолько неудачно вопрос вызывает такое интеллектуальное

беспокойство, что неудивительно существенное количество мыслителей в сфере юриспруденции И этики, даже не пытающихся подступиться к нему... Бог либо есть, либо Его нет, и если все-таки нет, ничто другое и никто другой не может занять Его место...¹⁶.

Если Бога нет, не существует ровным счетом никаких причин называть один поступок «нравственным», а другой «безнравственным»: можно сказать только «это мне нравится». Если так, кто получает право облекать в форму закона свои субъективные, произвольные нравственные чувства? Можно сказать, что «право устанавливать законы принадлежит большинству», но означает ли это, что большинство имеет право проголосовать за уничтожение меньшинства? Если вы скажете: «Нет, это неверно», – значит, вернетесь к тому же, с чего начали. «Это кто сказал», что у большинства есть моральный долг не убивать меньшинство? Почему это ваши нравственные убеждения должны быть обязательными для ваших противников? С какой стати ваши взгляды должны превалировать над волей большинства? По сути дела, говорит Лефф, если Бога нет, тогда все нравственные заявления произвольны, все нравственные ценности субъективны и относятся к внутренним, и вдобавок не может быть внешних нравственных стандартов для оценки чувств и ценностей конкретного человека. Лефф завершает свое интеллектуальное эссе самым шокирующим образом:

В настоящее время правым оказывается тот, кто успел первым. Тем не менее, начинать детей напалмом плохо. Морить бедных голодом недопустимо. Покупать и продавать себе подобных – значит, поддаваться скверне... Существует такая штука, как зло. А теперь все хором: это кто сказал? Да поможет нам Бог.

Разумеется, Ницше понимал это. «Заморгав, массы скажут: «Все мы одинаковы, человек не что иное, как человек, перед Богом мы все равны». Перед Богом! Но теперь этот Бог мертв»¹⁷. Мыслитель и атеист Раймонд Гайта скрепя сердце пишет:

Только религиозный человек способен серьезно говорить о сакральном... Мы можем твердить, что людей невозможно оценить, что все они самоценны, имеют право на безоговорочное уважение, обладают неотъемлемыми правами И, конечно, таким же достоинством. На мой взгляд, все это способы заявить о том, что когда нас отчуждают от основных источников [то есть Бога], мы ощущаем потребность сообщить об этом... Ни одно из [этих заявлений о человеке] не обладает силой религиозных высказываний... мы священны, потому что Бог любит нас, своих детей¹⁸.

Лефф не просто приходит к выводу, что без Бога нет почвы для человеческих прав. Он также указывает (как указывали на свой лад Дершовитц и Дворкин): несмотря на то, что мы не можем оправдать права человека в мире, где нет Бога, или хотя бы найти для них основание, мы, тем не менее, знаем, что они существуют. Лефф высказывается не только абстрактно, но и вкладывает в слова личное отношение. В отсутствие Бога он не может оправдать моральный долг и все-таки не может *не знать* существования этого долга.

Жестокость природы как аргумент в пользу Бога

Зачем нам об этом знать? Чтобы лучше сосредоточиться на значении непреходящего знания о моральном долге, согласно замечаниям писателя Энни Диллард. Энни целый год прожила в

горах Виргинии у ручья, надеясь, что близость к природе вдохновит и освежит ее. Вместо этого она поняла, что природой всецело управляет единственный основной принцип: насилие сильного над слабым.

Во всем мире не сыщешь человека, который вел бы себя так же отвратительно, как богомолы. Но постойте, скажете вы, в природе нет «правильного» и «неправильного»: и то, и другое – человеческие понятия! Вот именно! Мы – нравственные существа в безнравственном мире... А можно рассудить иначе... это единственное человеческое чувство, которое можно назвать странным И ошибочным... В таком случае все в порядке: ошибочны наши эмоции. Мы чудачки, мир прекрасен, а всем нам срочно требуется лоботомия, чтобы восстановить свое природное состояние. После лоботомии... можно вновь удалиться к ручью и вести на берегу безмятежную жизнь, уподобившись ондатрам И камышам. Прошу, вы – первый¹⁹.

Энни Диллард убедилась, что все в природе построено на насилии. Но мы неизменно верим в то, что более сильным людям или группам людей нельзя убивать более слабых. Если насилие абсолютно естественно, почему сильным запрещено расправляться со слабыми? Оснований для морального долга нет, если не утверждать, что в какой-то части природа «неестественна». Невозможно узнать, что природа в каком-то смысле неоднородна, если не существует обособленного от неесверхъестественностандарта нормы, по которому мы можем судить, что верно и что неверно. А это означает, что должны быть небеса, или Бог, или некий божественный порядок за пределами природы, чтобы выносить подобные суждения.

Если мир сотворен Богом покоя, справедливости и любви, тогда мы именно поэтому знаем, что насилие, угнетение и ненависть неправильны

Это лишь один способ разрешить головоломку. Можно обратиться к библейским описаниям и проверить, объясняют ли они наше нравственное чувство лучше, чем нерелигиозные представления. Если мир сотворен Богом покоя, справедливости и любви, тогда мы именно поэтому знаем, что насилие, угнетение и ненависть неправильны. Если мир погряз в грехах, раздроблен, нуждается в искуплении, этим объясняется насилие и отсутствие порядка, которые мы видим.

Если вы верите в реальность прав человека, это придает существованию Бога больше смысла, нежели Его отсутствию. Если вы настаиваете на секулярных представлениях о мире и вместе с тем продолжаете утверждать, что в мире что-то идет правильно, а что-то нет, надеюсь, теперь вы увидите явную дисгармонию между миром, который выдумал ваш интеллект, и реальным миром (и Богом), о существовании которого знает ваше сердце. Отсюда следует важный вопрос. Если предпосылка («Бога нет») ведет к заключению, ошибочность которого вам известна («убийство детей напалмом относительно с культурной точки зрения»), тогда *почему бы не изменить предпосылку?*

Бесконечная и бессмысленная тяжба о существовании

Я не пытался доказать вам, что Бог существует. Моя цель – показать вам, что о существовании Бога вы уже знаете. В каком-то смысле к отсутствию Бога я отношусь как к интеллектуальной задаче, но этим мое отношение к ней не исчерпывается. Она делает бессмысленным не только любой нравственный выбор, но и всю жизнь. Драматург Артур

Миллер наглядно демонстрирует это в образе Квентина из пьесы «После грехопадения». Квентин говорит:

Много лет я воспринимал жизнь как предмет судебного разбирательства. Она представляла собой ряд доказательств. В молодости доказываешь, насколько ты смел или умен, затем – что ты хороший любовник, затем – что хороший отец, и наконец, что ты мудр, влиятелен и так далее. Но теперь-то я вижу, что за всем этим стоит. Предположение, что движешься вверх, к какому-то возвышению, где... Богвеств, что там... Меня или оправдают, или даже осудят. В любом случае вынесут вердикт. Теперь мне кажется, что мои беды начались в тот день, когда я поднял голову, смотрю – а за столом никого. Нигде ни одного судьи. И все, что остается – это вести бесконечный спор с самим собой, бессмысленную тяжбу существования перед пустым судебским местом... И это, само собой, можно назвать по-другому – «надежды нет»²⁰.

О чем он говорит? Все мы живем так, словно лучше стремиться к миру, а не к войне, говорить правду, а не ложь, заботиться, а не разрушать. Мы верим, что каждый такой выбор не является бессмысленным, что выбранный нами образ жизни имеет значение. Но если место космического Судьи на самом деле не занято, тогда «это кто сказал», что одно решение лучше остальных? Можно поспорить об этом, но получится лишь бессмысленная и бесконечная тяжба. Если за судебским столом и вправду пусто, тогда весь период человеческой цивилизации, даже если он продолжается несколько миллионов лет, покажется бесконечно малым, кратким мигом, по сравнению с океаном потерянного времени до и после него. Никто и ничего не запомнит об этом периоде. Какими бы мы ни оказались в конце, любящими или жестокими, это ничего не изменит²¹.

Когда мы осознаем это положение, у нас появятся два выхода. Один из них – просто не думать о том, что все это значит. Можно придерживаться интеллектуальной веры в то, что место Судьи пусто, и вместе с тем жить так, словно наш выбор исполнен смысла и что есть разница между любовью и жестокостью. Но зачем нам это? Циник мог бы сказать, что это способ убить одним выстрелом двух зайцев – иначе говоря, получить выгоду от существования Бога, не тратя сил на то, чтобы верить в Него. Но это просто нечестно.

Другой вариант – признать, что *нам действительно известно*, что Бог существует. Можно смириться с тем, что живешь так, словно красота и любовь имеют значение, словно в жизни есть смысл, словно всем людям присуще достоинство – и все это потому, что знаешь: Бог существует. Нечестно жить так, как будто Он есть, и вместе с тем не признавать, что все эти дары достались тебе от Него.

Примечания

¹Прочитировано у Майкла Дж. Перри, «К теории прав человека: религия, закон, суд» (Michael J. Perry, *Toward a Theory of Human Rights: Religion, Law, Courts*, Cambridge University Press, 2007), с. 28.

²Кристиан Смит, «Нравственные верующие животные: индивидуальность и культура человека» (Christian Smith, *Moral Believing Animals: Human Personhood and Culture*, Oxford University Press, 2003), с. 8.

³К работам, авторы которых пытаются объяснить наше чувство морального долга действием естественного отбора, относятся: Эдвард О. Уилсон, «О природе человека» (Edward O.

Wilson, *On Human Nature*, Harvard University Press, 1978) и «Биологическая основа морали» (“The Biological Basis for Morality,” in *Atlantic Monthly*, April 1998), Ричард Докинз, «Эгоистичный ген» (Richard Dawkins, *The Selfish Gene*, Oxford University Press, 1976), Роберт Райт, «Нравственное животное» (Robert Wright, *The Moral Animal*, Pantheon, 1994). Довольно язвительную критику подобного подхода можно найти у Филипа Китчера, «Взлет амбиций: социобиология и изучение человеческой природы» (Philip Kitcher, *Vaulting Ambition: Sociobiology and the Quest for Human Nature*, MIT Press, 1985), Хилари Роуз и Стивен Роуз, «Увы, бедный Дарвин: аргументы против эволюционной психологии» (Hilary Rose, Steven Rose, *Alas, Poor Darwin: Arguments Against Evolutionary Psychology*, Harmony 2000), Джон Дюпре, «Природа человека и пределы науки» (John Dupre, *Human Nature and the Limits of Science*, Oxford University Press, 2001).

⁴Фрэнсис Коллинз, «Доказательство Бога», с. 28, где он разоблачает применяющийся в некоторых случаях пример со стерильным рабочим муравьем, который самоотверженно трудится, создавая благоприятную обстановку, в которой матки могут принести больше потомства. «Однако “муравьиный альтруизм” объясняет с точки зрения эволюции тот факт, что гены, мотивирующие стерильных рабочих муравьев, – те же самые, которые будут переданы матками потомству, которое рабочие муравьи помогают создать. Эта необычная прямая связь ДНК нетипична для более сложных популяций, при изучении которых эволюционисты почти в один голос соглашались с тем, что эволюция действует на уровне отдельных особей, а не популяции в целом». См. также Джордж Уильямс, «Приспособляемость и естественный отбор» (George Williams, *Adaptation and Natural Selection*, reprint ed., Princeton University Press, 1996), где говорится, что группового отбора не происходит.

⁵«Если, как мы полагаем, природа... единственная во вселенной, то... мы задумываемся об этом не потому, что это правда, а потому, что нас побуждают к этому слепые силы природы. Мы совершаем поступки не потому, что они правильные, а только потому, что нас к этому принуждает природа... [Но] на самом деле это... заключение маловероятно. Во-первых, только доверяя собственному разуму, мы пришли к познанию самой природы... в таком случае сами науки – “случайное расположение атомов”, поэтому у нас нет никаких причин верить в них... это всего лишь одно из ощущений, возникающих у представителей нашего вида, когда атомы внутри черепа приходят в определенные состояния, вызванные иррациональными, не человеческими и не нравственными причинами... Есть лишь один способ сдвинуться с этой мертвой точки. Надо вернуться к более ранним представлениям, признать, что мы – свободный дух, свободные и разумные существа, в настоящее время находящиеся в иррациональной вселенной, и прийти к выводу, что мы произошли не от нее» (К. С. Льюис, «О жизни в атомном веке» в *Проблемах настоящего*).

⁶«Культурный релятивизм и всеобщие права человека» Кэролин Флюэр-Лоббан (Carolyn Fluehr-Lobban, “Cultural Relativism and Universal Human Rights,” *The Chronicle of Higher Education*, June 9, 1995). Эта статья была процитирована и использована в качестве подобного довода в работе Джорджа М. Марсдена «Возмутительная идея христианского образования» (George M. Marsden, *The Outrageous Idea of Christian Scholarship*, Oxford University Press, 1997), с. 86.

⁷Процитировано у Майкла Дж. Перри, «К теории прав человека: религия, закон, суд» (Michael J. Perry, *Towards a Theory of Human Rights: Religion, Law, Courts*, Cambridge University Press, 2007), с. 3.

⁸Там же, с. 6.

⁹Глава 1 в: Алан М. Дершовитц, «Пожар! Гражданские свободы в беспокойную эпоху» (Alan M. Dershowitz, *Shouting Fire: Civil Liberties in a Turbulent Age*, Little, Brown, 2002).

¹⁰Там же, с. 15.

¹¹Прочитировано у Перри, с. 20.

¹²Перри, с. 21.

¹³См. известное эссе Сартра «Экзистенциализм – это гуманизм»: «Вместе с Богом исчезает всякая возможность найти какие-либо ценности в умопостигаемом мире. Не может быть больше блага а priori, так как нет бесконечного и совершенного разума, который бы его мыслил. И нигде не записано, что благо существует, что нужно быть честным, что нельзя лгать; и это именно потому, что мы находимся на равнине, и на этой равнине живут одни только люди. Достоевский как-то писал, что «если Бога нет, то все дозволено»... В самом деле, все дозволено, если Бога не существует, а потому человек заброшен, ему не на что опереться ни в себе, ни вовне». Это эссе можно найти в труде «Экзистенциализм от Достоевского до Сартра» (*Existentialism from Dostoyevsky to Sartre*, ed. Walter Kaufman, Meridian, 1989). На 17 марта 2007 года оно находилось в Интернете по адресу <http://www.marxists.org/reference/archive/sartre/works/exist/sartre.htm>.

¹⁴Перри, *Теории прав человека*, с. xi.

¹⁵Там же, с. 23. Еще одна недавняя книга по этой же теме – Э. Букар и Б. Барнетт, под ред. «Нужен ли Бог правам человека?» (E. Bucar, B. Barnett, eds. *Does Human Rights Need God?* Eerdmans, 2005).

¹⁶Артур Аллен Лефф, *Невыразимая этика, неестественный закон* (Arthur Allen Leff, *Unspeakable Ethics, Unnatural Law*, Duke Law Journal, December 1979).

¹⁷Ф. Ницше, *Так говорил Заратустра*, часть IV, о высшем человеке ближе к концу первого раздела.

¹⁸Раймонд Гайта, *Человечество: размышления о любви, истине и справедливости* (Raimond Gaita, *A Common Humanity: Thinking About Love and Truth and Justice*). Прочитировано у Майкла Дж. Перри в «К теории прав человека», с. 7 и 17–18.

¹⁹Из главы 10, «Плодовитость», из книги Энни Диллард *Паломничество к ручью Тинкер* (Annie Dillard, *Pilgrim at Tinker Creek*, Harper Collins, 1974).

²⁰Прочитировано у Питера К. Мура, *Один Господе, одна вера* (Peter C. Moore, *One Lord, One Faith*, Thomas Nelson, 1994), с. 128.

²¹К. С. Льюис, «О жизни в атомном веке» (1948), перепечатано в сборнике «Проблемы настоящего», с. 73–80.

10. Проблема греха

«Так можем ли мы сомневаться в том, что человечество когда-нибудь осуществит наши самые смелые мечтания, что оно достигнет единства и покоя; можем ли мы сомневаться, что наши потомки будут жить в мире более великолепном и прелестном, чем самый прекрасный дворец или сад, что оно вознесется на более высокие ступени могущества в растущем круге стремлений и достигнутых целей? То, чего человек достиг, то, что он совершил, все те триумфы, что были ранее... всего лишь вступление к всему тому, что он еще должен свершить». Г. Дж. Уэллс, «Краткая история мира» (1937)

«Хладнокровная резня беззащитных, возврат к умышленным и упорядоченным попыткам, душевные муки и страх за мир, из которого, казалось бы, почти полностью изгнано все это, чуть не подорвали окончательно мой дух... *Homo sapiens*, как он предпочел называться, исчерпал себя». Г. Дж. Уэллс, «Разум на краю своей натянутой узды» (1946)

Вывода о том, что в этом мире происходит нечто в корне неправильное, трудно избежать. Согласно христианскому учению, наша самая серьезная проблема – грех. Однако само понятие греха многим кажется оскорбительным и смехотворным. Зачастую это происходит потому, что мы не понимаем, что именно подразумевают под ним христиане.

Грех и надежда человека

У многих складывается впечатление, что в христианском учении о грехе отражены безрадостные и пессимистичные представления о человеческой натуре. Однако это впечатление бесконечно далеко от истины. Когда я был еще совсем молодым священником, ко мне обратился мужчина, которого только что бросила жена. Он злился на нее за этот поступок, мучался угрызениями совести, считая, что сам вынудил ее уйти своими недостатками, и был подавлен из-за ситуации в целом. Я сказал, что больше всего ему в этот момент нужна надежда. Он сразу согласился и спросил, как ее обрести. Как можно мягче я объяснил, в чем заключается хорошая новость: мой собеседник был грешником. Поэтому его нельзя считать просто беспомощной жертвой психологических порывов или общественного уклада. Спустя много лет мне попался один отрывок в проповеди Барбары Браун Тейлор, которая выразила то же, что и я в тот день, но гораздо красноречивее:

Ни язык медицины, ни язык права не являются адекватной заменой для языка [греха]. Вопреки представлениям медиков, мы не брошены на милость наших недугов. Выход – приступить к процессу покаяния. Вопреки представлениям юристов, сущность греха заключается не в нарушении законов, а в пострадавших отношениях с Богом, друг с другом, со всем существующим порядком. «Все грехи – попытки заполнить пустоту», – писала Симона Вейль. Нам невыносимо осознавать, что внутри у нас – пустота в форме Бога, и мы пытаемся набить ее чем угодно, забыв, что это под силу только Богу¹.

Эндрю Дельбанко – преподаватель гуманитарных наук в Колумбийском университете. Несколько лет назад он проводил исследования в Ассоциации анонимных алкоголиков и

посещал ее собрания по всей стране. Однажды субботним утром в помещении нью-йоркской церкви он слушал «тщательно одетого молодого человека», который рассказывал о своих проблемах. По словам собеседника, его было абсолютно не в чем упрекнуть. Все свои ошибки он приписывал несправедливости и предательству со стороны окружающих. Он говорил о том, что собирается отомстить всем обидчикам. «Каждый его жест создавал впечатление скорби и уязвленного самолюбия», – писал Дельбанко. Было ясно, что молодой человек попал в ловушку своей потребности оправдаться и, не сознавая этого, рисковал осложнить свое положение. Пока он говорил, чернокожий лет сорока, с дредами и в темной одежде, наклонился к Дельбанко и признался: «И со мной раньше так было, пока не снизилась самооценка». Позднее Дельбанко писал в своей книге «Истинная американская мечта: медитация на надежде»:

Замечание оказалось не просто удачным. В этот момент я по-новому понял религию, о которой, по собственному утверждению, кое-что знал. Пока выступающий забрасывал нас фразами вроде «распоряжаться собственной жизнью» и «настоящему поверить в себя», мой сосед нашел утешение в давнем кальвинистском учении о том, что гордыня – враг надежды. Шуткой насчет самооценки он объяснил, какой урок усвоил: никто не может спастись посредством собственных усилий. По мнению этого человека, оратор по-прежнему был пропащим – он запутался в самом себе и не подозревал об этом².

Говоря о «сниженной самооценке», человек с дредами не имел в виду, что выступающий должен возненавидеть себя. Он хотел сказать, что этот тщательно одетый молодой человек «запутался в самом себе» и останется в таком состоянии, пока не признает, что он – порочное существо, грешник. Либо он никогда не освободится, не сможет увидеть собственные изъяны в истинном свете и простить обидчиков, либо смиренно попросит прощения у других и получит его. Правильно понятое христианское учение о грехе может стать неиссякающим источником надежды для человека. Но что это за учение?

Значение греха

В 1849 году известный датский философ Серен Кьеркегор написал небольшую, но увлекательную книгу «Болезнь к смерти». В ней он дал определение понятию «грех» таким образом, чтобы его библейские истоки стали понятны современному человеку. «Грех – когда, пребывая перед Богом в отчаянии, человек не желает быть собою... Вера – это желание быть собой, явно связанное с Богом»³. Грех – объясняющийся отчаянием отказ найти свою глубочайшую идентичность в отношениях с Богом и служении Ему. Грех – стремление стать собой, обрести идентичность, обособленную от Бога.

Согласно Библии, грех – не просто совершение плохих поступков, но и превращение хороших в самоцель

Что это означает? Каждый человек тем или иным способом обретает свою идентичность, свое ощущение индивидуальности и ценности. Кьеркегор утверждает, что люди сотворены не только способными в целом верить в Бога, но и любить Его, как никого другого, ставить превыше всего в своей жизни, связывать с Ним свою идентичность. Все прочее – грех. Для большинства людей грех – это прежде всего «нарушение божественных заповедей», но Кьеркегору известно, что самая первая из десяти заповедей гласит: «Да не будет у тебя других

богов». Следовательно, согласно Библии, грех – не просто совершение плохих поступков, но и превращение хороших в самоцель. Это стремление обрести себя, при котором центральное место для значимости, цели и счастья человека занимает что угодно, только не его отношения с Богом.

В фильме «Рокки» подруга главного героя спрашивает, почему ему так важно «продержаться до конца» в боксерском матче. «Тогда я пойму, что хоть на что-нибудь гожусь», – отвечает он. В фильме «Огненные колесницы» один из главных героев объясняет, почему на Олимпийских играх он полностью выкладывается во время рывка на ста метрах. Он отвечает, что с началом каждой гонки у него «есть всего десять секунд, чтобы оправдать свое существование». Оба они воспринимают спортивные достижения как то, что придает смысл их жизни.

Эрнест Беккер был удостоен Пулитцеровской премии за книгу «Отрицание смерти». Он начинает ее с замечания о том, что потребность ребенка в самоуважении «является *обязательным* условием его жизни» – в такой мере, что каждый человек в отчаянии стремится к тому, что Беккер называет «космической значимостью». Он сразу же предупреждает читателей, что к этому термину не следует относиться с улыбкой⁴. Наша потребность чувствовать себя значительными настолько сильна, что мы «боготворим» то, на чем строим свою идентичность и ценность. Мы обращаемся к нему со всей страстью, преданностью и преклонением, даже если считаем себя совершенно нерелигиозными людьми. В качестве примера Беккер приводит романтическую любовь:

Самопрославления, глубинную потребность в котором испытывает [современный человек], он теперь ищет в любимом человеке. Этот человек становится божественным идеалом, согласно которому строится жизнь. Духовные и нравственные потребности сосредотачиваются на нем одном⁵.

Беккер не говорит, что все стремятся к любви ради ощущения своего «Я». Многие обращаются не к романтическим отношениям, а ищут космическую значимость скорее в работе и карьере:

[Порой] на работу возлагается обязанность оправдать его. Что значит это «оправдание»?.. Он воплощает в жизнь фантазии об управлении жизнью и смертью, судьбой⁶.

Но все это лишь готовит почву для непрерывных разочарований:

Никакие отношения между людьми не могут выдержать [это] бремя божественности... Если ваш партнер – это ваше «все», тогда любые недостатки в нем представляют для вас серьезную угрозу... Об этом ли мы мечтаем, возводя любимого человека на пьедестал? Мы хотим избавиться... от своего чувства ничтожности... знать, что наша жизнь не была напрасной. Мы хотим не чего-нибудь, а искупления. Незачем добавлять, что люди не могут дать его⁷.

О том же самом говорит и Кьеркегор. Каждый человек должен найти хоть какой-нибудь способ «оправдать свое существование» и избавиться от всепоглощающего страха, что «он ни на что не годится». В более традиционных культурах ощущение ценности и идентичности дает исполнение долга перед родными и служение обществу. В современной индивидуалистической

культуре мы обращаемся к личным достижениям, к положению в обществе, к своим талантам и личным взаимоотношениям. Перечень возможных оснований для построения идентичности бесконечен. Одни обретают свое «Я» благодаря власти, другие – благодаря одобрению окружающих, третьим его дают самодисциплина и контроль. Но так или иначе, идентичность строится на чем-нибудь⁸.

Личные последствия греха

Определив грех таким образом, мы видим несколько способов, которыми грех разрушает человека как личность. Идентичности, обособленной от Бога, присуща внутренняя нестабильность. Без Бога наше чувство значимости может внешне быть крепким и прочным, но это не так – оно способно улетучиться в один миг. Например, если я строю свою идентичность на том, что я хороший отец, у меня нет истинного «Я» – я всего лишь отец, и не более. Если с моими детьми что-нибудь случится, если я не справлюсь с родительскими обязанностями, от «меня» ничего не останется. Богослов Томас Оден пишет:

Предположим, мой бог – секс, мое физическое здоровье или демократическая партия. Если я обнаружу, что чему-либо из перечисленного грозит серьезная опасность, я буду потрясен до глубины души. Невротическое чувство вины усилится от того, что я поклонялся конечным ценностям... Предположим, я ценю свою способность учить и ясно излагать мысли... Если понятная коммуникация стала для меня абсолютной ценностью, мерилom для всех остальных моих ценностей, тогда [в случае неудачи] на меня обрушатся невротические угрызения совести. Горечь приобретает характер невроза и усиливается, когда кто-нибудь или что-нибудь встает между мной и моей абсолютной ценностью⁹.

Когда что-то угрожает нашей идентичности, мы не просто тревожимся – нас парализует страх. Когда мы теряем идентичность ввиду чужой ошибки, то не просто возмущаемся, но становимся заложниками горечи. Когда причиной становится наша собственная ошибка, мы ненавидим или презираем себя за нее до конца жизни. Но только если в основе нашей идентичности находится Бог и Его любовь, мы можем, как утверждает Кьеркегор, отважиться на что угодно и вынести все.

Невозможно избежать чувства неуверенности, сторонясь Бога. Даже если мы уверяем: «Я не стану строить свое счастье или значимость ни на чем и ни на ком», – на самом деле мы уже строим его на личной свободе и независимости. И если она окажется под угрозой, мы опять останемся без своего «Я».

Идентичность, в основе которой нет Бога, неизбежно приводит к опасным формам зависимости. Когда мы придаем благам абсолютный характер, мы приобретаем духовную зависимость. Когда мы черпаем смысл жизни в нашей семье, работе, каких-либо достижениях, не относящихся к Богу, они порабащают нас. Мы вынуждены иметь их. Блаженный Августин говорил, что наши привязанности расположены не в том порядке. Известно его высказывание, обращенное к Богу: «Не знает покоя сердце наше, пока не успокоится в Тебе». Когда мы пытаемся обрести окончательный покой в чем-нибудь другом, наши сердца приходят в расстройство. Блага, которые порабащают нас, – действительно блага, которые заслуживают, чтобы их любили. Но когда сердечные привязанности становятся чрезмерными, наша жизнь входит в такую колею, что почти перестает отличаться от жизни при наркотической зависимости. Как и при любой зависимости, мы отрицаем степень, в которой нами управляют

«заменители божества». Чрезмерная любовь создает беспорядочное, неуправляемое страдание при разладе, связанном с предметом наших самых заветных мечтаний и надежд.

Еще будучи пастором на своем первом месте службы, в церкви Хоупвелла, Виргиния, я беседовал с двумя прихожанками. Обе были замужем, у обеих мужья оказались плохими отцами, у обеих сыновья-подростки доставляли все больше неприятностей в школе и были не в ладах с законом. Обе женщины сердились на своих мужей. Я давал им советы и беседовал, в числе прочего, о проблемах неразрешенной горечи, а также о том, как важно прощать. Обе женщины, согласившись, стали стремиться к прощению. Но достичь его удалось только женщине, у которой муж заслуживал большего осуждения, а сама она была менее религиозна. Другой обрести прощение так и не удалось. Эта загадка не давала мне покоя несколько месяцев, пока однажды у этой женщины не вырвались слова: «Если мой сын покатится по скользкой дорожке, вся моя жизнь пойдет прахом!» В своей жизни на первое место она поставила счастье и успех сына. Потому и не смогла простить¹⁰.

Строя свою жизнь на чем-либо, помимо Бога, мы страдаем не только в том случае, если наши заветные желания не сбываются, но и в том, если они исполняются

В книге «Всюду Пасха. Мемуары» Дарси Стайнке вспоминает, как она, дочь лютеранского священника, отошла от христианской веры. Переселившись в Нью-Йорк, она увлеклась посещением клубов, у нее появилась сексуальная одержимость. Она написала несколько романов. Тем не менее ее не покидало беспокойство и чувство неудовлетворенности. В середине книги она цитирует Симону Вейль, подводя итог главной проблеме своей жизни. «Выбирать можно лишь между Богом и идолопоклонством, – писала Вейль. – Тот, кто отвергает Бога... поклоняется чему-либо в мире, уверенный, что не усматривает в предмете поклонения ничего особенного, но на самом деле наделяет его свойством божественности»¹¹. Жизнь, в центре которой не стоит Бог, ведет к пустоте. Строя свою жизнь на чем-либо, помимо Бога, мы страдаем не только в том случае, если наши заветные желания не сбываются, но и в том, если они исполняются. Мало кому из нас удастся осуществить свои самые смелые мечты, следовательно, легко жить с иллюзией, что будь вы преуспевающим, богатым, популярным или красивым, о чем всегда мечтали, вы были бы спокойны и счастливы. Но не все так просто. В своей рубрике в *Village Voice* Синтия Хаймел вспоминает, какими были ее нью-йоркские знакомые еще до того, как стали знаменитыми кинозвездами. Одна стояла за прилавком с косметикой в *Mag's*, другой продавал билеты в кинотеатре, и так далее. Когда к ним пришел успех, все они стали более раздражительными, одержимыми, несчастными и неуравновешенными, чем в те времена, когда изо всех сил пробивались наверх. Почему? Хаймел пишет:

Та колоссальная цель, к которой они стремились, та слава, которая должна была изменить все к лучшему, сделать жизнь приемлемой, наполнить ее счастьем от слова «сейчас», была достигнута, а на следующий день они проснулись и обнаружили, что остались прежними. От такого крушения иллюзий они стали унылыми и невыносимыми¹².

Социальные последствия греха

Грех не только влияет на нас изнутри, но и производит разрушительное воздействие на общественный строй. После Второй мировой войны английская писательница Дороти Сэйерс

видела, как многих представителей британской интеллектуальной элиты приводит в отчаяние путь, избранный обществом. В своем эссе «Credo или хаос?», написанном в 1947 году, она высказала предположение, что их безнадежность вызвана главным образом потерей веры в христианское учение о «первородном» грехе, или присущей человечеству гордыне и эгоистичности. Она писала, что все это особенно удивляло тех, «кто очень хорошо думал о *Homo sapiens*, этом венце эволюции, и всерьез полагался на цивилизацию или просвещение». Видеть геноцид в тоталитарных государствах, а также алчность и себялюбие в капиталистическом обществе им «не только больно, им странно... Для них все это – полное отрицание всего, во что они верили. Самые прочные их убеждения рухнули, обвалились, из привычного мира выпало дно». В отличие от них, христиане привыкли к мысли о том, «что в самой сердцевине человека что-то сдвинуто, смещено»^[8]. Она заключает:

Христианская догма о двойственности человека говорит, что и мы, и наши дела неслаженны и незавершенны, однако действительно связаны с вечным совершенством, которое – и в нас, и над нами. Если это принять, нынешние дела покажутся менее бессмысленными И не такими уж безнадежными¹³.

В «Природе истинной добродетели», одном из самых глубоких трактатов по социальной этике из всех ныне существующих, Джонатан Эдвардс объясняет, каким образом грех разрушает общественный строй. Он утверждает, что человеческое общество сильно раздроблено, когда наша величайшая любовь обращена не к Богу. Если высшая цель нашей жизни – благо собственной семьи, тогда, по мнению Эдвардса, мы склонны в меньшей степени думать о чужих семьях. Если наша заветная цель – благо своей страны, племени или расы, то мы склонны к расизму или национализму. Если мы стремимся к счастью только для себя, тогда мы ставим свои экономические и силовые интересы превыше чужих. Эдвардс заключает, что лишь в том случае, если Бог – наше *summum Bonum*, наша конечная цель и средоточие жизни, мы расположены сердцем не только к своим близким, людям своей расы или класса, но и к миру в целом¹⁴.

Лишь в том случае, если Бог – наша конечная цель и средоточие жизни, мы расположены сердцем не только к своим близким, людям своей расы или класса, но и к миру в целом

Каким образом это разрушение социальных взаимоотношений вытекает из внутреннего влияния греха? Если сама наша идентичность, наше чувство собственной значимости обусловлены нашим политическим положением, тогда суть на самом деле не в политике, а в нас. Отстаивая свои позиции, мы в действительности обретаем свое «Я», свою значимость. Это означает, что мы *должны* презирать противника и демонизировать его. Если наша идентичность опирается на нашу этническую или социально-экономическую принадлежность, тогда мы *должны* чувствовать свое превосходство по отношению к представителям других классов и рас.

Если мы несказанно гордимся широтой своих взглядов и терпимостью, мы не можем не испытывать возмущения по отношению к людям, которых считаем ограниченными фанатиками. Высоконравственный человек неизбежно будет ощущать свое превосходство над людьми, которых считает безнравственными. И так далее.

Разрешить это противоречие невозможно. Чем сильнее мы любим и чем больше отождествляем себя со своими родными, классом, расой, религией, тем труднее нам не

чувствовать свое превосходство или даже враждебность по отношению к другим религиям, расам и т. п. Значит, к расизму, классовой вражде и сексизму невежество и необразованность отношения не имеют. Фуко и другие наши современники доказали, что обрести самоидентификацию, которая не вызывала бы нетерпимости, гораздо труднее, чем нам кажется. Истинная культурная война ведется в наших сердцах, пораженных хаосом, сокрушенным неупорядоченным стремлением к тому, что подчиняет нас себе, заставляет чувствовать свое превосходство и пренебрегать всеми, кто не обладает такими же качествами, и не приносит удовлетворения даже в том случае, если они у нас есть.

Космические последствия греха

В Библии говорится о последствиях греха гораздо подробнее (и загадочнее), чем мы указывали до сих пор. В первых двух главах Книги Бытия показано, как Бог словом создает мир и почти в буквальном смысле занимается грязной работой. «И создал Господь Бог человека из праха земного, и вдунул в лице его дыхание жизни» (Быт 2:7). Невозможно представить себе более яркий контраст с другими древними описаниями сотворения.

В большинстве таких повествований сотворение – побочный продукт каких-либо военных действий или другого акта насилия. Практически никогда сотворение не бывает умышленным и запланированным. Интересно, что нерелигиозные описания происхождения мира почти идентичны давним языческим. В них физическое формирование мира и появление биологической жизни являются результатом действия неистовых сил.

Отличаясь от всех остальных повествований о сотворении, Библия описывает мир, буквально переполненный динамичными, обильными формами жизни, тесно взаимосвязанными, взаимозависимыми, взаимно улучшающими и обогащающими друг друга. Творец с удовольствием наблюдает за процессом и несколько раз повторяет, что это *хорошо*. Сотворив людей, Он наставляет их и впредь преумножать обширные ресурсы сотворенного мира и пользоваться ими, как садовник пользуется плодами своего сада. «Следите, чтобы так было и дальше, – словно говорит Творец в Быт 1:28. – Действуйте и радуйтесь!»¹⁵

На древнееврейском эта идеальная, гармоничная взаимозависимость всех элементов сотворения называется *шалом*. Мы переводим это слово как «мир», однако оно имеет негативный оттенок, указывая на отсутствие бед или враждебности. Смысл слова на древнееврейском гораздо шире. Оно означает абсолютную целостность – наполненную, гармоничную, радостную, цветущую жизнь.

Ужасающая потеря *шалом*, вызванная грехопадением, описана в Быт 3. Здесь говорится, что едва мы решили служить не Богу, а себе, как только отказались жить для того, чтобы радовать Бога и видеть в этом свое высочайшее благо, разрушение постигло весь сотворенный мир. Люди были так тесно вплетены в канву существования, что когда они отвернулись от

Бога, распалась вся основа мира. Болезни, генетические нарушения, голод, стихийные бедствия, старение и сама смерть – в той же мере следствие греха, как и результат угнетения, войн, преступлений и насилия. Мы утратили Божий *шалом* – физически, духовно, социально, психологически и культурно. И все развалилось и разладилось. В Рим 8 Павел говорит, что весь мир пребывает в «рабстве тлению», что он «покорился суете» и не исправится до тех пор, пока не исправимся мы.

Что можно исправить?

В жизни почти любого человека наступает момент, когда он понимает, что он совсем не такой, каким следует быть. Почти всегда в таких случаях мы решаем «перевернуть страницу» и приложить все старания, чтобы жить согласно собственным принципам. И в итоге заводим сами себя в тупик.

В главе «Легко ли быть христианином?» К. С. Льюис изображает нормальные человеческие усилия:

Обычное представление, которое мы все разделяем... состоит в следующем. Мы берем в качестве исходного пункта наше обыкновенное «Я» с его разнообразными желаниями И интересами... назовите это «моралью», или «правилами поведения», или «соображениями общественного блага» – оно предъявляет свои требования к нашему «Я»... Мы все время надеемся, что когда мы выполним все предъявляемые нам требования, у нашего бедного «Я» все еще останутся возможности И время исполнить свои собственные желания, пожить своей жизнью, в свое удовольствие. Фактически мы очень похожи на честного человека, платящего налоги. Он добросовестно платит их, но при этом надеется, что у него останется достаточно денег, чтобы безбедно прожить на них.

Христианство предлагает иной путь. Этот путь и труднее, и легче. Христос говорит: «Отдайте Мне ВСЕ. Мне не нужно столько-то вашего времени, столько-то ваших денег или вашего труда; Я хочу вас. Я пришел не для того, чтобы мучить ваше природное «Я», но для того, чтобы умертвить его... Передайте Мне все ваше «Я» безраздельно, со ВСЕМИ желаниями, как невинными, так и порочными, полный набор. Я дам вам взамен новое «Я». Фактически, Я дам самого Себя, и все Мое станет вашим.

Здесь Льюис исходит из определения греха, данного Кьеркегором. Грех – это не просто совершение плохих поступков, а замена Бога благами. Значит, единственное решение – не просто изменить поведение, а переориентировать его, поместить Бога в центр сердца и жизни.

Ужасно, почти невозможно отдать всего себя – все свои желания и все заботы о себе в руки Христа. Но это гораздо легче, чем то, что стараемся делать мы сами. Ибо мы стараемся остаться, так сказать, «самими собою», сосредоточиваться на мечтах о богатстве, на честолюбивых планах, на стремлении к удовольствиям – И надеемся, несмотря на это, вести себя честно, целомудренно

И скромно. И это именно то, против чего предостерегал нас Христос... Поле, засеянное травой, не принесет урожая пшеницы. Если вы будете регулярно косить траву, вам удастся сохранить ее короткой. Но пшеницы это поле все-таки не произведет. Чтобы такое поле дало пшеницу... его надо глубоко перепахать и засеять заново.

Это вас пугает? Вызывает ощущение удушья? Помните: если вы не живете ради Иисуса, значит, вы живете ради чего-то другого. Если это карьера, то, не сложившись, она станет для вас наказанием на всю жизнь, вы будете чувствовать себя так, словно потерпели поражение. Если вы живете ради своих детей, а они вырастут не такими, как вам хотелось бы, вас ждет нескончаемая пытка, потому что вы почувствуете себя ни на что не годным человеком.

Если Иисус – средоточие ваших помыслов и Господь, а вы подведете Его, Он простит вас. Ваша карьера не в состоянии умереть за ваши грехи. Возможно, вы скажете: «Будь я

христианином, меня не покидали бы угрызения совести!» Но нас *всех* мучают эти угрызения, поскольку нам необходима идентичность, у нас должен быть *некий* эталон, чтобы ориентироваться на него и таким образом обретать эту идентичность. На каком бы фундаменте вы ни строили свою жизнь, вам придется соответствовать *ему*. Иисус – Господь, ради которого можно жить, ведь Он умер за нас и ради нас испустил последний вздох. Что тягостного в этой мысли?

Если тебя сотворил Бог, пустоту в твоей душе не заполнишь ничем меньшим, настолько велика душа человека

Вы можете возразить: «Я понимаю, что христианство может стать спасением для тех людей, чья жизнь рухнула. А если моя карьера складывается удачно и у меня *прекрасная* семья?» Как говорил Августин, если тебя сотворил Бог, пустоту в твоей душе не заполнишь ничем меньшим, настолько велика душа человека. Если Иисус – Господь Творец, тогда, по определению, удовлетворение нам может принести только Он, какими бы ни были наши жизненные успехи. Даже самая удачная карьера и замечательная семья не приносит такой значимости, надежности и уверенности, какие способен даровать Создатель славы и любви.

Каждому нужно то, ради чего стоит жить. Что бы это ни было, это «что-то» становится «Господом вашей жизни», неважно, осознаете вы это или нет. Иисус – единственный Господь, который, если вы примете Его, принесет вам всю полноту удовлетворения, а если подведете Его – простит вас навечно.

Примечания

¹Барбара Б. Тейлор, *К слову о грехе: утраченный язык спасения* (Barbara B. Taylor, *Speaking of Sin: The Lost Language of Salvation*, Cowley, 2000). с. 57–67.

²Эндрю Дельбанко, *Истинная американская мечта: медитация на надежду* (Andrew Delbanco, *The Real American Dream: A Meditation on Hope*, Harvard University Press, 2000), с. 25.

³Серен Кьеркегор, *Болезнь к смерти* (Soren Kierkegaard, *The Sickness Unto Death: A Christian Psychological Exposition for Edification and Awakening*, Penguin, 1989), с. III, 113.

⁴Эрнест Беккер, «Отрицание смерти» (Ernest Becker, *The Denial of Death*, Free Press, 1973), с. 3, 7.

⁵Там же, с. 160.

⁶Там же, с. 109.

⁷Там же, с. 166. Важно отметить, что Беккер не пытался пропагандировать веру. Он был атеистом, так что это не входило в его намерения.

⁸Если принять определение, данное Кьеркегором, мы можем классифицировать различные «замены божества», а также беды и ущерб, которые они приносят в жизнь. Так, можно выделить среди них следующие категории:

- Если центр вашей жизни и основа идентичности – ваш супруг или партнер, вы станете эмоционально зависимым, ревнивым и деспотичным. Проблемы с вашим близким человеком будут казаться вам непреодолимыми;
- Если центр вашей жизни и основа идентичности – ваша семья и дети, вы наверняка попытаетесь жить их жизнью, пока дети не оскорбятся или не обретут свое «Я». В худшем случае вы жестоко обойдетесь с ними, если они не угодят вам;
- Если центр вашей жизни и основа идентичности – ваша работа и карьера, вы станете

закоренелым трудоголиком и ограниченным занудой. В худшем случае вы лишитесь семьи и друзей, а если карьера не сложится, впадете в глубокую депрессию;

- Если центр вашей жизни и основа идентичности – деньги и имущество, вас будет точить беспокойство и зависть, связанные с финансовыми делами. Вы будете готовы совершать неэтичные поступки, лишь бы вести привычный образ жизни, и они в конце концов разрушат ее;

- Если центр вашей жизни и основа идентичности – удовольствия, вознаграждения и комфорт, у вас наверняка разовьется какая-нибудь зависимость. Вы наверняка будете стремиться всеми способами избегать жизненных трудностей;

- Если центр вашей жизни и основа идентичности – взаимоотношения и одобрение окружающих, вас постоянно будет ранить критика, поэтому вы не сможете долго поддерживать дружеские отношения. Боясь вызвать недовольство окружающих, вы будете бесполезны в качестве друга;

- Если центр вашей жизни и основа идентичности – «благородные поступки», вы будете делить мир на «добро» и «зло» и демонизировать своих противников. Как ни парадоксально, вами будут управлять враги: без них ваша жизнь не имеет смысла.

- Если центр вашей жизни и основа идентичности – религия и нравственность, вы станете самодовольным и безжалостным ханжой, особенно если в точности соответствуете своим нравственным меркам. Не сумев соответствовать им, вы будете страдать от угрызений совести.

⁹Томас К. Оден, «Два мира: заметки о смерти современности в Америке и России» (Thomas C. Oden, *Two Worlds: Notes on the Death of Modernity in America and Russia*, IVP, 1992), глава 6.

¹⁰Когда прощаешь человека, важно помнить: это не значит, что мы не возлагаем на него ответственность за содеянное. Данная ситуация не относится к разряду «или-или»: в ней должно присутствовать и то, и другое. Когда женщинам был дан совет о прощении, это не значило, что им рекомендовалось просто позволить мужьям и впредь вести себя так же, не высказывая никаких возражений. Подробнее об этом говорится в главе 11.

¹¹Дарси Стайнке, «Всюду Пасха. Мемуары» (Darcey Steinke, *Easter Everywhere: A Memoir*, Bloomsbury, 2007), с. 114.

¹²Синтия Хаймел, рубрика «В шутку – про шик» (Cynthia Heimel, “Tongue in Chic,” *The Village Voice*, January 2, 1990), с. 38–40.

¹³Дороти Л. Сэйерс, *Credo или хаос?* (Dorothy L. Sayers, *Creed or Chaos?* Harcourt and Brace, 1949), с. 38–39.

¹⁴Лучшее на данный момент издание этого замечательного трактата – Пол Рэмзи, *Труды Джонатана Эдвардса: материалы по этике* (Paul Ramsay, *The Works of Jonathan Edwards: Ethical Writings*, vol. 8, Yale University Press, 1989). Особого внимания заслуживают вступительные заметки Рэмзи.

¹⁵Дебра Ринстра, *Намного больше: приглашение к христианской духовности* (Debra Rienstra, *So Much More: An Invitation to Christian Spirituality*, Jossey-Bass, 2005), с. 41.

11. Религия и благая весть

«Когда мне в голову пришла эта тщеславная мысль, по моему телу вдруг пробежала судорога, я ощутил мучительную дурноту и ледяной озноб... Я посмотрел на себя И увидел... что вновь превратился в Эдварда Хайда». Роберт Льюис Стивенсон, «Странная история доктора Джекила и мистера Хайда»^[9]

Христианство учит, что наша главная проблема – грех. В чем же тогда заключается решение? Даже если смириться с христианским диагнозом проблемы, нет оснований полагать, что за решением следует обращаться исключительно к христианству. Возможно, вы скажете: «Прекрасно, я понимаю, что если строить свою идентичность на чем-либо, кроме Бога, неудача обеспечена. Но почему решением обязательно должны быть Иисус и христианство? Неужели любая другая религия или просто моя личная вера в Бога не годится?»

Ответ таков: существует глубокое и принципиальное различие между тем, как другие религии призывают нас стремиться к спасению, и тем, как тот же призыв изложен в Евангелиях. Основателями других религий были учителя, указывавшие путь к спасению. Только Иисус утверждал, что Он сам *есть* этот путь. Эта разница чрезвычайно значительна, поэтому, хотя христианство в широком смысле слова определено является религией, для целей нашей дискуссии в данной главе мы будем называть религией «спасение посредством нравственных усилий», а благой вестью – «спасение посредством благодати»¹.

Два вида эгоизма

В «Странной истории доктора Джекила и мистера Хайда» Роберта Льюиса Стивенсона доктор Джекил сознает, что представляет собой противоречивую и неразделимую смесь добра и зла. Он считает, что злая сторона его природы препятствует доброй. У него есть стремления, но осуществить их он не может. Поэтому он прибегает к помощи снадобья, способного разделить две стороны его природы. Он надеется, что его доброе «Я», которое будет проявляться днем, освободится от влияния зла и сможет достичь своих целей. Но однажды ночью, когда он принимает снадобье и его злая сторона выходит наружу, она оказывается еще более страшной, чем он предполагал. Он описывает свою злую сторону, пользуясь классическими христианскими категориями:

С первым же дыханием этой новой жизни я понял, что стал более порочным, несравненно более порочным рабом таившегося во мне зла, и в ту минуту эта мысль подкрепила и опьянила меня, как вино... каждое его [Эдварда Хайда] действие, каждая мысль диктовались себялюбием.

Эдвард Хайд (*Hyde*) был назван так не только потому, что он ужасен (*hideous*), но и потому, что сокрыт (*hidden*). Он считается только со своими желаниями, ему нет ни малейшего дела до того, кому он причинит вред, лишь бы исполнить свои прихоти. Он убьет того, кто встанет у него на пути. Стивенсон говорит, что даже лучшие люди прячут от себя то, что скрывается у них внутри – колоссальную способность к самовлюбленности, эгоизму, внимание к собственным интересам в ущерб интересам других людей. Возвеличивание самого себя лежит в основании многих бед этого мира. Оно является причиной, по которой влиятельные и богатые равнодушны к положению бедных, причиной почти всех случаев насилия, преступлений и войн. Большинство

семей распадаются главным образом из-за него. Мы скрываем от самих себя эгоистичную способность к злым поступкам, но когда возникают ситуации, действующие как то снадобье, она проявляется сама собой.

Обнаружив, что способен творить зло, Джекил решает всеми силами подавлять этот страшный эгоизм и гордыню в самом сердце своего существа. В каком-то смысле он обращается к религии. Он торжественно решает больше не принимать снадобье, посвящает все свое время благотворительности и добрым делам, отчасти во искупление злодейств Эдварда Хайда и отчасти в попытке подавить в себе эгоистичность природы актами бескорыстия.

Однажды доктор Джекил сидит на скамье в Риджентс-парке, думая о добрых делах, которые совершил, о том, что он стал лучше, чем был раньше, несмотря на Эдварда Хайда, и даже лучше большинства людей.

Я решил, что мое будущее превратится в искупление прошлого, и могу сказать без хвастовства, что мое решение принесло кое-какие хорошие плоды. Вам известно, как усердно в последние месяцы прошлого года старался я облегчать страдания и нужду; вам известно, что мною немало было сделано для других... И тут я улыбнулся, сравнивая себя с другими людьми, сравнивая свою деятельную доброжелательность с ленивой жестокостью их равнодушия. И вот, когда мне в голову пришла эта тщеславная мысль, по моему телу вдруг пробежала судорога, я ощутил мучительную дурноту и ледяной озноб... Я посмотрел на себя и увидел... я вновь превратился в Эдварда Хайда.

Это ужасающий поворот событий. Впервые Джекил становится Хайдом непроизвольно, без снадобья, и это начало конца. Не в силах более управлять превращениями, Джекил покончил с собой. Мне кажется, Стивенсон вложил в эти строки чрезвычайно глубокую мысль. Почему Джекил стал Хайдом сам, без своего снадобья? Подобно множеству людей, Джекил знает, что он грешник, и в отчаянии пытается скрыть свой грех неисчислимыми добрыми делами. Но эти усилия не умаляют его гордыню и самовлюбленность, а наоборот, раздувают их. Они вызывают чувство превосходства, самодовольства, гордыни, и вдруг – смотрите!

Джекил становится Хайдом не вопреки добродетелям, а благодаря им.

Грех и зло – это эгоизм и гордыня, которые приводят к угнетению окружающих. Они принимают две формы: в одном случае человек очень плох и нарушает все правила, в другом – очень хорош, соблюдает все правила и становится излишне самодовольным. Быть самому себе Спасителем и Господом можно двояко. В первом случае мы заявляем: «Я намерен прожить свою жизнь так, как я хочу». Второй описан Фланнери О’Коннор, один из персонажей которой, Хейзел Моутс, «знал, что лучший способ сторониться Иисуса – это сторониться греха»². Если избегаешь греха и ведешь нравственную жизнь, так что Бог все равно благословит и спасет тебя, тогда, как ни парадоксально, можно воспринимать Иисуса как учителя, образец для подражания и помощника, но избегать Его как Спасителя. При этом полагаешься на свои добродетели, а не на Иисуса, чтобы предстать перед Богом, пытаешься спастись своими силами, а не следовать Иисусу.

Дьявол предпочитает фарисеев – людей, которые пытаются спастись своими силами

Парадокс, но это и есть неприятие благой вести Иисуса. Это христианизированная форма религии. Сторониться Иисуса как Спасителя можно как соблюдая все библейские заповеди, так

и нарушая их. И религия (при которой мы строим свою идентичность на собственных нравственных достижениях), и неверие (при котором мы строим свою идентичность на других нерелигиозных стремлениях или отношениях) в итоге – духовно совпадающие траектории. Обе «греховны». Спасение своими силами добрых дел порождает явно высоконравственное поведение, но внутри человек наполнен самодовольством, жестокостью, фанатизмом и становится несчастным. Мы неизменно сравниваем себя с окружающими и никогда не бываем полностью уверены в своих добродетелях. Следовательно, невозможно справиться со страшной стороной своего «Я» и самовлюбленностью, пользуясь нравственным законом, пытаясь быть хорошим и полагаясь при этом на силу воли. Необходимо полное преобразование самих душевных побуждений.

Если уж на то пошло, дьявол предпочитает фарисеев – людей, которые пытаются спастись своими силами. Они более несчастны, чем зрелые христиане или нерелигиозные люди, и наносят значительно больше духовного ущерба.

Вред фарисейства

Почему фарисейство наносит такой ущерб? Вспомним «болезнь к смерти», духовную, глубоко укоренившуюся тошноту, которую мы испытываем, когда нам не удается строить свою идентичность, избрав ее центром Бога. Мы стремимся к чувству значимости, к успеху, к индивидуальности, но поскольку в основе их лежат условия, которые мы не можем обеспечить или сохранить, цель неизменно ускользает от нас. Как говорит Кьеркегор, мы не становимся собой. Внутренне это состояние проявляется как тревога, неуверенность и гнев. Внешне оно приводит к маргинализации, угнетению, нетерпимости по отношению к окружающим.

Несмотря на всю их законную праведность перед законом, жизнь фарисеев движима отчаянием греха *в большей степени*, нежели чем-то другим. Свое чувство значимости они строят на результатах своей нравственной и духовной деятельности – своего рода резюме, которое можно предъявить Богу и миру. Нравственные и духовные стандарты всех религий чрезвычайно высоки, и в глубине души фарисеи понимают, что не в состоянии полностью соответствовать им. Они молятся не так часто, как следовало бы. Они любят ближнего и служат ему не так, как полагается. Их помыслы далеко не так чисты, как хотелось бы. В результате у них в душе возникают тревога, неуверенность, раздражение – зачастую более острые, чем у нерелигиозных людей.

Ричард Лавлейс точно выразил еще одну особенность вреда, которое наносит фарисейство:

Многие черпают уверенность в том, что Бог принимает их, в своей искренности, в прошлом опыте обращения, недавних результатах религиозной деятельности или в том, что сознательное и своевольное непослушание бывает у них довольно редко... Их неуверенность проявляется в виде гордыни, яростной защиты собственной праведности И оборонительной критики в адрес других. Для них естественно ненавидеть чужие культурные особенности И другие расы, чтобы подкрепить собственную уверенность и выплеснуть подавленный гнев³.

Как говорит Лавлейс, фарисейство не просто наносит ущерб душе, но и создает социальные конфликты. Фарисеям необходимо упрочить свое ощущение праведности, поэтому они презирают и подвергают нападкам всех, кто не разделяет их убеждения, относящиеся к религиозным учениям и практикам. Результатом становится расизм и культурный империализм. Церкви, переполненные самодовольными, нетерпимыми, неуверенными, злобными, вечно всех

поучающими людьми, не имеют никакой притягательности. Публичные заявления таких людей зачастую бывают сугубо оценочными, внутри церквей постоянно вспыхивают ожесточенные конфликты, возникают раздоры и расколы. В случае нравственного падения одного из лидеров церковь либо оправдывает его и отвергает любую критику в адрес этого лидера, либо превращает его в козла отпущения. Миллионы людей, воспитанные в лоне подобных церквей или выросшие по соседству с ними, еще в ранней юности или в годы учебы в колледже отвергают христианство на основании прежнего опыта. Действие такой прививки против христианства нередко сохраняется на протяжении всей жизни. Если вас когда-то лишили иллюзий подобные церкви, всякий раз, когда кто-нибудь советует вам обратиться к христианству, вы полагаете, что вас призывают принять «религию». Фарисеи и непривлекательная жизнь, которую они ведут, вводят многих людей в замешательство насчет истинного характера христианства.

Отличие благодати

Итак, существует великая пропасть между представлениями о том, что Бог принимает нас за наши усилия, и о том, что Бог принимает нас благодаря тому, что совершил Иисус. Религия действует по принципу «я повинуюсь – поэтому Бог меня принимает». Но принцип действия Благой вести иной – «Бог принимает меня благодаря тому, что совершил Христос – поэтому я повинуюсь». На одной и той же церковной скамье могут сидеть два человека, руководствующихся разными принципами. Оба молятся, оба щедро жертвуют деньги, оба преданы своим ближним и церкви, оба пытаются вести достойную жизнь. Но при этом они исходят из двух принципиально разных мотиваций, совершенно различных идентичностей, в итоге кардинальные отличия прослеживаются в их жизни.

Первое различие – в мотивации. В религии мы стараемся подчиняться божественным правилам из страха. Мы верим, что если мы слушаемся, то лишимся благословения Божьего и в этом, и в ином мире. Евангелие же побуждает нас подчиняться из благодарности за ту милость, которую мы уже получили благодаря Христу. Если моралиста принуждают к послушанию, вызывая у него боязнь стать отвергнутым, христиане стремятся к этому послушанию, мотивированные желанием доставить радость и уподобиться Тому, кто отдал за нас жизнь.

Еще одно различие имеет непосредственное отношение к нашей идентичности и чувству собственного достоинства. В религиозной модели мы, считая, что живем в соответствии с выбранными религиозными стандартами, наполняемся чувством превосходства и презираем тех, кто не следует истинным путем. Это в равной мере справедливо и для более либеральной религии (в этом случае мы испытываем чувство превосходства по отношению к фанатикам и ограниченным людям), и для ее более консервативной разновидности (в этом случае объектом чувства превосходства становятся менее нравственные и набожные люди). Если нам не удастся жить в соответствии с выбранными стандартами, нас наполняет презрение к себе. Мы чувствуем себя гораздо более виновными, чем если бы вообще держались в стороне от Бога и религии.

Когда мои личные представления о благой вести были весьма приблизительными по отношению к самому себе, меня бросало из одной крайности в другую. Когда мне удавалось соответствовать собственным стандартам – в учебе, профессиональных достижениях, взаимоотношениях, – я чувствовал себя уверенно, но был далек от смирения. Чаще всего меня переполняла гордыня, я не проявлял никакого сострадания по отношению к потерпевшим фиаско. Когда мне не удавалось соответствовать стандартам, появлялось смирение, но не было уверенности; я был неудачником. Однако я обнаружил, что благая весть содержит источники для построения уникальной идентичности. Я узнал, что во Христе я принят благодатью не только

несмотря на мои изъяны, но и потому, что я готов признать их. Согласно христианской благой вести, я настолько испорчен, что Христу пришлось умереть за меня, и в то же время Он настолько любит и ценит меня, что был рад умереть за меня. Отсюда следовало и глубокое смирение, и одновременно – прочная уверенность. Они не давали надуваться от самомнения и плакаться. Я не мог испытывать чувство превосходства и в то же время никому и ничего не должен был доказывать. Я не стал относиться к себе лучше или хуже. Вместо этого я меньше думал о себе: отпала необходимость так часто обращать на себя внимание – выяснять, каковы мои успехи, как ко мне относятся окружающие.

Еще одно принципиальное отличие религии от благой вести – в отношении к иным, тем, кто не разделяет наши убеждения и обычаи. Постмодернистские мыслители считают, что личность формируется и крепнет в процессе отделения себя от иных – тех, кто не придерживается ценностей или особенностей, на которые опирается моя собственная значимость. Мы определяемся, указывая на тех, к кому не принадлежим. Мы подкрепляем свое чувство значимости, обесценивая другие расы, убеждения, особенности⁴. Идентичность, построенная на благой вести, дает нам новое основание для гармоничного и правильного общественного устройства. Значимость и ценность христианина создается не за счет нетерпимости к кому-либо, а благодаря Господу, к которому ради нас была проявлена нетерпимость. Его благодать смиряет меня успешнее, чем религия (поскольку у меня слишком много изъянов, чтобы я мог спастись собственными силами), и вместе с тем оказывает мне более значительную поддержку (поскольку я могу быть абсолютно уверен в безусловном принятии Богом).

Это означает, что я не могу презирать тех, кто не верит в то же, во что верю я. Поскольку меня спасает не правильное учение и не обычаи, человек, о котором идет речь, при всех своих ошибочных убеждениях может быть во многом нравственно выше меня. Кроме того, это означает, что мне незачем кого-либо бояться. Я не настолько неуверен в себе, чтобы опасаться власти, успеха, таланта людей, отличающихся от меня. Благая весть дает человеку возможность избежать чрезмерной ранимости, оборонительного поведения, необходимости подвергать окружающих критике. Христианская идентичность основана не на потребности выглядеть добродетельным человеком, а на том, что Бог ценит нас во Христе.

Человек другой веры может быть во многом нравственно выше меня

Религия и Евангелие также предлагают разные способы, позволяющие справляться с бедами и страданиями. Морализаторская религия внушает своим приверженцам: если они живут честно, тогда Бог (и окружающие) обязаны благоволить к ним и уважать их. Они верят, что заслуживают достойной, счастливой жизни. Но если в жизни случается беда, дух моралистов подрывает гнев. Они злятся либо на Бога (или на «вселенную»), потому что считают, что за примерное поведение им полагается лучшая жизнь, – либо на самих себя, не в силах избавиться от ощущения, что они жили не так, как следовало бы, или не соответствовали меркам. А Евангелие дает всем возможность сойти со спиралевидной траектории горечи, угрызений совести и отчаяния, даже если в жизни не все идет гладко. В этом случае верующие знают, что базовая предпосылка религии – если ведешь праведную жизнь, у тебя все будет хорошо – неверна. В нравственном отношении Иисуса не превзошел никто, но тем не менее за свою жизнь Он испытал нищету, неприятие, несправедливость и даже мучения.

Впервые услышав об отличии религии от благой вести, многие считают, что слишком уж просто все это звучит. «А что, неплохо! – заявляют они. – Если в этом и заключается христианство, от меня требуется только вступить в личные отношения с Богом – и делать все, чего я только пожелаю!» Но так может говорить лишь тот, кто не имеет опыта приобщения к великой благодати. Из тех, кто соприкоснулся к ней, так не скажет никто. В сущности, благодать может носить довольно грозный характер.

Несколько лет назад я познакомился с женщиной, которая начала посещать церковь Искупителя. Она объяснила, что выросла в религиозной семье, но никогда прежде не слышала о различиях между благой вестью и религией. Зато она часто слышала, что Бог принимает нас, только если мы достаточно добродетельны. Она призналась, что новое откровение пугает ее. Я спросил, почему, и она объяснила:

Если меня спасает собственная добродетель, значит, должен быть и предел тому, чего может потребовать от меня Бог – или предел тому, через что мне придется пройти. Я вроде налогоплательщика, у которого есть «права»: если я выполнила свои обязанности, то заслужила определенный уровень жизни. Но если я грешница, спасенная исключительно благодатью, значит, нет ничего такого, чего Он не мог бы потребовать от меня.

Она поняла динамику благодати и благодарности. Если вместе с боязнью наказания теряешь и стимул вести добродетельную, бескорыстную жизнь, тогда единственным стимулом, побуждающим жить такой жизнью, у тебя был только страх. Эта женщина сразу уловила, что у чудесного учения о спасении и благодати есть оборотная сторона. Если она грешница, спасенная благодатью, значит, она в большей степени подчинена верховной власти Бога. Если Иисус действительно так много сделал для нее, она не может быть предоставлена самой себе. Она должна радостно и благодарно принадлежать Иисусу, который обеспечил ей спасение, заплатив за него непомерно дорого – собственной жизнью.

Со стороны происходящее может показаться суровым принуждением, жестким обязательством. Но на самом деле единственная мотивация здесь – радость. Вспомните о том, что происходит, когда мы влюблены. Любовь заставляет нас охотно подчиняться любимому человеку. Допустим, вы спрашиваете: «Может, встретимся?» – или даже: «Ты выйдешь за меня?» Что произойдет дальше, когда вы услышите утвердительный ответ? Неужели вы скажете: «Отлично! Договорились! Теперь я могу поступать так, как мне заблагорассудится!»? Разумеется, нет. Теперь вы даже не ждете, когда предмет ваших чувств напрямую попросит вас о чем-нибудь: вы предугадываете его желания и спешите порадовать его. В этом нет никакого принуждения и обязательства, тем не менее ваше поведение кардинально меняется в зависимости от мыслей и чувств человека, которого вы любите.

Никто не сказал об этом лучше Виктора Гюго в «Отверженных». Его персонаж Жан Вальжан – ожесточившийся бывший каторжник. Он крадет серебро у епископа, который был добр к нему. Жандармы ловят Вальжана и приводят обратно в дом епископа. Жестом безмерной благодати епископ дарит Вальжану серебро и просит освободить его из-под стражи. Этот акт милосердия потрясает Вальжана до глубины души. В следующей главе Гюго говорит о том, какую угрозу представляла эта благодать:

Он противопоставлял этой ангельской кротости гордость, живущую внутри нас, как оплот зла. Он смутно сознавал, что милость священника была самым сильным наступлением, самым грозным натиском, какому он когда-либо подвергался; что если

он устоит перед этим милосердием, то душа его очерствеет навсегда, а если уступит, то придется ему отказаться от той ненависти, которую в течение стольких лет наполняли его душу поступки других людей. И которая давала ему чувство удовлетворения; что на этот раз надо было либо победить, либо остаться побежденным, И что сейчас завязалась борьба, титаническая и решительная борьба между его злобой И добротой того человека^{[10]5}.

Вальжан предпочитает уступить благодати. Он отвергает укоренившуюся жалость к себе и ожесточенность и начинает дарить другим людям добро и милость. При этом его сущность в корне меняется.

Еще один персонаж романа – полицейский Жавер, который строил всю свою жизнь согласно собственным представлениям о наградах и наказаниях. На протяжении всей книги он неутомимо и самодовольно преследует Вальжана, несмотря на то, что при этом губит свою жизнь. Наконец Жавер оказывается в руках Вальжана, но вместо того чтобы убить врага, Вальжан отпускает его. Этот жест истинной благодати вызывает у Жавера острую тревогу. Он понимает: чтобы адекватно отреагировать на него, требуется полностью изменить свое мировоззрение. Не отважившись на такую метаморфозу, он бросается в Сену.

Этот парадокс может показаться самым невероятным из всех. Освобождающий акт безусловной благодати требует, чтобы тот, на кого он направлен, отказался от права распоряжаться собственной жизнью.

Важно понять фундаментальное различие между благой вестью и религией

Но есть ли здесь противоречие? Нет, если вспомнить, о чем говорилось в третьей и девятой главе. Мы в любом случае *нераспоряжаемся* своей жизнью. Все мы живем ради чего-то и подчиняемся этому истинному повелителю своей жизни. Если этот «повелитель» – не Бог, нас ждет бесконечное угнетение. Только *благодать* освобождает нас из рабства нашего «Я», которое таится даже в морали и религии. Благодать является угрозой лишь для иллюзии нашей свободы, независимости, возможности жить так, как нам заблагорассудится.

Благая весть дает возможность вести принципиально иную жизнь. Но христианам зачастую не удается воспользоваться ресурсами Евангелия, чтобы прожить жизнь, какой она может быть во Христе. Каждому читателю этой книги важно понять фундаментальное различие между благой вестью и религией. Основная идея христианства *в корне* отличается от допущений традиционной религии. Основатели других религий – преимущественно учителя, а не спасители. Они приходили, чтобы сказать: «Поступайте так, и вы приобщитесь к божественному». А Иисус явился как Спаситель, хотя и был также Учителем. Иисус говорит: «Я – божественность, явившаяся *к вам*, чтобы совершить то, что вы не в силах сделать сами». Идея христианства заключается в том, что наше спасение – не наши заслуги, а заслуги Христа. Следовательно, христианство – не религия и не неверие. Это нечто совершенно иное.

Примечания

¹В широком смысле слова религия – любая система убеждений и абсолютных ценностей, которая формирует наше стремление к конкретным особенностям жизни в этом мире. По этой причине будет совершенно справедливо называть религией и секуляризм, и христианство. Однако почти все религии предполагают в той или иной степени личное спасение посредством заслуг. Они предусматривают приближение людей к Богу и обретение ими значимости с

помощью различных обрядов, ритуалов, поступков. Об этом в первую очередь вспоминают люди, думая о религии, и в этом отношении христианство, представленное в Новом Завете, имеет принципиальные отличия. Вот почему для целей этой главы мы отделяем «христианство» от «религии».

²Фланнери О'Коннор, Мудрая кровь (Flannery O'Connor, *Wise Blood: Three by Flannery O'Connor*, Signet, 1962), с. 16.

³Ричард Лавлейс, «Динамика духовной жизни» (Richard Lovelace, *The Dynamics of Spiritual Life*, IVP, 1979), с. 212 и далее.

⁴О том, как личность создается нетерпимостью – Мирослав Вольф, *Отторжение и принятие* (Miroslav Volf, *Exclusion and Embrace*, Abingdon, 1996).

⁵Виктор Гюго, *Отверженные*, книга 1, глава 13, «Мальш Жерве».

12. (Истинная) история креста

«Я мог принять Иисуса как мученика, воплощение жертвенности, как божественного учителя. Его смерть на кресте давала великий пример миру, однако моя душа не могла принять это как какую-то таинственную или сверхъестественную добродетель». *Ганди, «Моя жизнь»*

«Я мельком заметил крест – и мое сердце вдруг остановилось. Интуитивно я понял, что все дело в чем-то более важном, бурном и страстном, чем все наши порывы, какими бы благородными они ни были... Мне следовало носить его... Ему следовало быть моим мундиром, моим языком, моей жизнью. Мне нет оправданий: я не могу сказать, что не знал этого. Знал с самого начала, но отвернулся». *Малькольм Маггеридж, «Новое открытие Иисуса»*

Главным символом христианства всегда был крест. Смерть Иисуса во искупление наших грехов всегда занимала центральное место в Евангелиях, в благой вести. Но мало-помалу то, что христианская церковь принимала как хорошую весть, наша культура в целом сочла вестью нерадостной.

В христианском повествовании Иисус умирает, чтобы Бог мог простить грехи. Многим это кажется абсурдным или даже зловещим. «Зачем вообще Иисусу *надо* было умирать?» – вопрос, который я слышал от жителей Нью-Йорка даже чаще, чем другой: «Есть ли Бог?» «Почему Бог не мог просто взять и простить нас? – спрашивают они. – Христианский Бог похож на мстительных древних божков, которых приходилось ублажать человеческими жертвами». Почему Бог не может просто принять всех сразу – или хотя бы тех, кто искренне раскаивается в своих прегрешениях? Одних людей христианское учение о кресте вводит в замешательство, других тревожит. Некоторые либеральные богословы-протестанты отвергают учение о кресте целиком, поскольку воспринимают его как «жестокое обращение с божественным Младенцем».

В таком случае почему бы и нам не исключить крест из сферы своего внимания? Почему бы не сосредоточить его на жизни Иисуса и Его учениях, а не на смерти? Почему Иисус должен был умереть?

Первая причина: истинное прощение – дорогостоящее страдание

Начнем с примера из области экономики. Предположим, что кто-то взял у вас на время машину и, сдавая по дорожке задним ходом, врезался в ворота, выбил их и обрушил часть садовой стены. В вашу страховку ворота и садовая стена не входят. Что можно предпринять? В сущности, у вас есть два пути. Первый – потребовать, чтобы виновник возместил ущерб. Второй – не брать с него ни гроша. Возможно и третье, промежуточное решение: поделить затраты на возмещение ущерба пополам. Отметим, что в любом случае *кто-то* должен нести тяжесть затрат. Расплачиваться придется либо вам, либо виновнику происшествия, но долг не исчезнет сам собой. В данном примере простить – значит взять на себя возмещение ущерба, нанесенного другим человеком.

Большинство наших ошибок и оплошностей невозможно оценить исключительно в денежном выражении. Допустим, кто-то посягнул на ваше счастье, репутацию, возможности, некоторые аспекты свободы. На все перечисленное не приклеишь ценник, тем не менее нас не покидает ощущение совершенного беззакония, и это ощущение не пропадает даже после того, как виновник попросит прощения. А если ущерб, причиненный нам, очень велик, у нас

возникает непреходящее ощущение, что преступник перед нами в долгу и обязан выплатить его. Как только с нами обошлись несправедливо и мы поняли, что за кем-то значится долг, от него нельзя просто отмахнуться, и в этом случае у нас есть два возможных варианта действий.

Первый – найти способ заставить виновника пострадать за то, что он натворил. Можно воздержаться от взаимоотношений с ним, активно добиваться или пассивно желать, чтобы в его жизни возникли проблемы, соизмеримые с тяжестью его преступления. Добиться этого можно разными способами. Можно устроить скандал, наговорить обидных слов и пригрозит виновнику. Можно очернить его в глазах других людей, запятнать его репутацию. Если виновник пострадает, возможно, мы испытаем нечто вроде удовлетворения, считая, что так он поплатился за то, что совершил.

Но у этого варианта действий есть серьезные недостатки. Обращаясь к нему, мы сами можем стать более жесткими и черствыми, активнее жалеть себя, следовательно, думать в первую очередь о себе. Если виновник – человек, наделенный богатством или властью, мы можем до конца своих дней испытывать инстинктивную неприязнь к подобным людям. Если виновник – представитель противоположного пола или другой расы, наше отношение к подобным людям навсегда может стать циничным и предвзятым. Кроме того, сам виновник, его друзья и родные вполне могут решить, что они вправе отомстить нам. Цикл расплаты и возмездия может повторяться годами. Да, вам причинили зло. Но когда вы пытаетесь отомстить, зло не исчезает. Оно распространяется, и самое плачевное в этом то, что оно проникает в вас и ваш характер.

Есть и другой вариант действий. Вы можете простить обидчика. Простить – значит отказаться от намерения заставить его поплатиться за содеянное. Но удержаться и не накинуться на обидчика, когда этого нестерпимо хочется, – *мучение*. Это одна из форм страдания. Мы страдаем не только потому, что нас обидели, лишили счастья, репутации и возможностей, но и по той причине, что не можем утешиться, оплатив виновнику той же монетой. Мы берем все расходы на себя, выплачиваем долг, вместо того, чтобы заставить другого человека возместить ущерб. Это больно ранит. Многие люди признаются, что в такие минуты переживают подобие смерти.

Да, но эта смерть ведет к воскресению, а не умиранию в течение всей жизни, полной горечи и цинизма. Мне как пастору часто приходится беседовать с людьми о прощении. Я давно заметил: если люди просто отказываются мстить обидчику, в том числе и в самых тайных фантазиях, гнев постепенно начинает угасать. Мы не подкладываем в этот костер топлива, поэтому пламя негодования слабеет.

Прощение – это единственный способ помешать распространению зла

К. С. Льюис писал в одном из своих «Писем к Малькольму», что «молясь на прошлой неделе, я вдруг обнаружил, или, по крайней мере, мне так показалось, что я по-настоящему простил того, кого пытался простить более тридцати лет. Пытался и молился о том, чтобы суметь»¹. Помню, однажды я беседовал с шестнадцатилетней девушкой, которая злилась на своего отца. Разговор сдвинулся с мертвой точки, только когда я сказал ей: «Пока ты ненавидишь отца, он будет одерживать над тобой верх. Ты не вырвешься из ловушки своего гнева, пока не простишь его всей душой и не начнешь любить». Девушка словно оттаяла, когда осознала это. Она прошла через страдания дорогостоящего прощения, которые поначалу казались гораздо тяжелее горечи, и в конце концов обрела свободу. Прощение должно быть даровано прежде, чем его удастся ощутить, но это ощущение рано или поздно придет. Оно приведет к новому душевному покою и возрождению. Это единственный способ помешать

распространению зла.

Когда я беседую о прощении с людьми, которым причинили зло, они часто задают вопросы о виновниках: «Неужели их не следует призвать к ответу?» Обычно я отвечаю: «Следует, но лишь в том случае, если вы простите их». Веских причин, по которым необходимо обратиться к обидчику напрямую, немало. Обидчики наносят ущерб, и, как в приведенном выше примере с воротами, его устранение требует затрат. Мы обязаны поговорить с ними – чтобы объяснить, как выглядит их поступок со стороны, побудить их к восстановлению отношений или, по крайней мере, чтобы наложить запреты и в будущем уберечь других людей от такого же ущерба. Однако отметим, что все эти причины для обращения к обидчикам – на самом деле причины любви. Лучший способ выразить любовь к обидчикам, а также к их потенциальным жертвам – прояснить ситуацию в надежде, что ваши собеседники расскаются, изменятся и все исправят.

С другой стороны, жажда мести продиктована не доброй, а злой волей. Даже если мы уверяем: «Я просто хочу привлечь обидчика к ответственности», – нашим подлинным мотивом может быть просто желание уязвить его в ответ. Если мы вступаем с обидчиками в конфликт не ради их самих и не ради общества, а ради себя, чтобы поквитаться, вероятность, что виновник случившегося расскается, близка к нулю. В этом случае наша реакция непропорциональна: мы жаждем не справедливости, а мести, хотим не заставить обидчика измениться, а причинить ему боль. Наши требования чрезмерны, позиция негуманна. Наш противник сразу поймет, что цель конфликта – нанести ему ущерб. И цикл возмездия будет запущен.

Лишь в том случае, если нам сначала удастся достичь внутреннего прощения, наш разговор с обидчиком будет сдержанным, мудрым и милосердным. Только когда мы избавимся от потребности увидеть, как страдает тот, кто причинил страдания нам, у нас появится шанс добиться изменений, примирения, исцеления. Чтобы рассчитывать на возрождение, мы должны смириться с дорогостоящим страданием и смертью прощения.

Никто не олицетворяет высокую цену прощения лучше Дитриха Бонхеффера, историю которого я привел в главе 4². После возвращения в Германию, где Бонхеффер выступал против Гитлера, он написал в книге «Цена ученичества» (1937), что истинное прощение всегда представляет собой одну из форм страдания.

Бремя брата моего, которое я должен нести, – не только внешние проявления его жребия, его природные характеристики И таланты, но и в буквальном смысле его грех. И единственный способ нести этот грех – простить его силой распятия Христова, к которому я ныне причастен... Прощение – страдание, подобное Христовому, И долг христианина – вынести его³.

В апреле 1943 года Бонхеффера арестовали и отправили сначала в тюрьму, затем в концлагерь Флоссенбург и незадолго до окончания Второй мировой войны казнили.

Как Бонхеффер исполнял собственные слова? Его прощение было дорогостоящим, поскольку его врагами были боль и зло. Его прощение не было «дешевой благодатью», о которой он сам писал в книге «Цена ученичества». Он не игнорировал и не оправдывал грех, а открыто противостоял ему, хотя и поплатился за это всем, что имел. Его прощение было дорогостоящим еще и потому что он отказался ненавидеть. Он прошел через все муки, чтобы полюбить своих врагов, поэтому его сопротивление их злодеяниям было обдуманное и отважное, а не злобное и жестокое. Поразительные свидетельства этому обнаруживаются в письмах и статьях, которые Бонхеффер писал во время заключения. Отсутствие горечи у него изумляет:

Пожалуйста, ни в коем случае не тревожьтесь и не беспокойтесь обо мне, но не

забывайте молиться за меня – уверен, вы и не думали забывать. Я настолько убежден в руководстве Божиим, что надеюсь всегда пребывать в подобной уверенности. Ни в коем случае не сомневайтесь в том, что я с радостью и благодарностью следую путем, по которому меня направляют. Моя прежняя жизнь до краев полна благодатью Божией, мои грехи искуплены всепрощающей любовью распятого Христа...⁴

Здесь мы видим, как Бонхеффер просто воплощает в жизни то, что совершил ради него Иисус. Иисус взял на себя его грехи, расплатился за них. Теперь Бонхеффер волен сделать то же самое ради других. Благодаря божественному прощению Бонхеффер приходит к пониманию человеческого прощения. А теперь мы воспользуемся замечательным примером Бонхеффера, образцом человеческого прощения, чтобы понять божественное.

Прощение Божье

«Почему Иисусу пришлось умереть? Неужели без этого Бог не мог простить нас?» Об этом спрашивают многие, но теперь мы видим, что никто не может простить «без этого», «просто так», если зло велико. Простить – значит взять затраты на себя вместо того, чтобы возлагать их на виновника, и получить возможность обратиться к врагу в любви, убеждая его возродиться и измениться. Простить – значит взять на себя долг, возникший из-за греха. Каждый, кто прощает большое зло, проходит через смерть и воскресение, гвозди, кровь, пот и слезы.

Каждый, кто прощает большое зло, проходит через смерть и воскресение, гвозди, кровь, пот и слезы

Так стоит ли удивляться тому, что Бог, решив не наказывать нас за все зло, которое мы причинили Ему и друг другу, а простить, Сам претерпел казнь на кресте в образе Иисуса Христа и умер на нем? Как говорит Бонхеффер, каждый, кто кого-нибудь прощает, берет на себя его грехи. Мы видим, как на кресте Бог зримо и всеобъемлюще сделал то, что должен делать каждый человек, только в значительно меньшем масштабе, чтобы кого-нибудь простить. Разумеется, я убежден, что точно так же действует и человеческое прощение, поскольку мы неизбежно являемся отображением нашего Творца. Вот почему нам не следует удивляться, если *нам* кажется, что единственный способ восторжествовать над злом – пройти через страдания прощения, и это особенно справедливо для Бога, чья праведная страсть, стремление одержать победу над злом, и чье искреннее желание простить людей бесконечно сильнее наших.

Здесь важно вспомнить, что в христианской вере Иисус Христос всегда считался Богом⁵. Поэтому Бог не причинял боль кому-то другому, а на кресте Сам познал боль, насилие и зло этого мира. Следовательно, библейский Бог не такой, как первобытные божества, гнев которых требовалось усмирять кровью жертв. Скорее это Бог, который становится человеком и отдает собственную кровь, чтобы восстановить нравственную справедливость и обеспечить милосердную любовь, с помощью которой Он когда-нибудь уничтожит все зло, не уничтожая при этом нас.

Значит, крест – это не просто прекрасный пример жертвенной любви. Расставаться с жизнью без веской причины неправильно, такой поступок не внушает восхищения⁶. Смерть Иисуса является примером, только если она абсолютно необходима для нашего спасения. И без нее действительно нельзя было обойтись. Зачем Иисусу *надобилось* умереть, чтобы простить нас? Долг следовало уплатить, и Бог сам уплатил его. Кто-то должен был понести наказание, и Бог сам его понес. Прощение всегда представляет собой одну из форм дорогостоящего

страдания.

Мы увидели, как человеческое прощение и его высокая цена проливают свет на божественное прощение. Но именно божественное прощение является абсолютным основанием и источником для человеческого. Бонхейффер неоднократно свидетельствует об этом, утверждая, что именно прощение Иисусом на кресте придало ему такую уверенность в любви Бога, что он способен посвятить жизнь жертвенному служению другим людям.

Вторая причина: подлинная любовь – личный обмен

В середине 90-х годов состоялась богословская конференция протестантской деноминации, на которой один из выступающих сказал: «По-моему, теория искупления нам вообще не нужна: ни к чему эти распятия, кровь и прочие ужасы»⁷. Почему бы нам не сосредоточить внимание на учении о том, что Бог – это Бог любви? Ответ таков: если вычеркнуть крест, Бога любви у нас не будет.

В реальном мире взаимоотношений невозможно любить людей, у которых есть проблемы или потребности, и при этом не разделять их или даже не пытаться поставить себя на место этих людей. Вся подлинная любовь, преображающая жизнь, связана с подобным обменом в той или иной форме.

От нас почти не требуется усилий, чтобы любить человека, который счастлив и у которого все в порядке. Но задумаемся об эмоционально страдающих людях. Невозможно слушать и любить таких людей и оставаться невозмутимо спокойным. Ваши слова могут вызывать у собеседников прилив сил и уверенности, но это возможно лишь в том случае, если вы эмоционально выкладываетесь во время таких разговоров. Или вы, или они: чтобы эмоционально подбодрить их, вы должны быть готовы к эмоциональным затратам.

Еще один пример. Представьте себе, что вы общаетесь с человеком, который ни в чем не виноват, тем не менее за ним охотятся тайные агенты, правительство, некая влиятельная организация. Он обращается к вам за помощью. Если вы откажетесь, он скорее всего погибнет, но если вы встанете на его сторону, вам, человеку, который еще совсем недавно находился в полной безопасности и был уверен в этом, грозит смерть. Такие ситуации часто возникают в фильмах. Опять-таки, или он, или вы: благодаря вашему вмешательству у этого человека прибавится уверенности, – но лишь потому, что вы согласитесь вместе с ним страдать от неопределенности и уязвимости.

Возьмем родительские обязанности: дети появляются на свет совершенно беспомощными. Они не в состоянии быть самодостаточными и независимыми, если родители на долгие годы не расстанутся с большей частью своей независимости и свободы. Если вы не позволите детям мешать вам работать и развлекаться, когда захочется, и будете заниматься ими только когда вам удобно, дети будут развиваться лишь физически. Их эмоциональные потребности останутся неудовлетворенными, дети будут расти беспокойными и чрезмерно зависимыми. Выбор очевиден: вы можете пожертвовать либо своей свободой, либо свободой детей. Они – или вы. Чтобы ваши дети чувствовали себя любимыми, у вас должно убавиться того, чего прибавится у них. Вам придется приобщиться к их зависимости, чтобы, в конце концов, они могли изведать свободу и независимость, которыми пользуетесь вы.

Преображающая жизнь любовь к людям, имеющим серьезные потребности, – замещающее жертвоприношение. Если между вами образуются личные узы, в каком-то смысле слабости этих людей перейдут к вам, а ваша сила – к ним. В книге «Крест Христа» Джон Стотт пишет, что это замещение составляет ядро христианской идеи:

Сущность греха в том, что мы, люди, подменяем собой Бога, а сущность спасения в том, что Бог заменяет собой нас. Мы... ставим себя в такое положение, занимать которое достоин только Бог; Бог... ставит себя в положение, которого заслуживаем мы⁸.

Если это верно, как может Бог быть Богом любви, если Он не причастен лично к тому же насилию, угнетению, горю, слабости и боли, которые терпим мы? Ответ состоит из двух частей. Во-первых, Бог не может им быть. Во-вторых, из основных мировых религий только одна утверждает, что Бог причастен к страданиям.

Великая перестановка

Джоанн Террел писала о том, как приятель ее матери убил ее. «Мне требовалось найти связь между маминой историей, моей историей и историей Иисуса», – объясняла она. Эту связь она обрела в понимании смысла креста, а именно в том, что Иисус пострадал не только ради нас, но и вместе с нами. Он узнал, каково это – претерпеть бичевание в буквальном смысле слова, не поддался запугиванию людей, облеченных властью, и поплатился своей жизнью. Он добровольно занял место рядом с теми, кто не имел никакой власти и страдал от несправедливости⁹. Как писал Джон Стотт, «я никогда не поверил бы в Бога, если бы не крест. В мире, полном боли, как можно чтить Бога, который неуязвим для нее?»

Следовательно, при правильном понимании история креста не может побуждать угнетенных просто мириться с насилием. Страдая за нас, Иисус чтит справедливость. Но когда Иисус страдал вместе с нами, он был отождествлен со всеми угнетенными мира, а не с их угнетателями. Всякая любовь, преображающая жизнь, влечет за собой перестановки, а в данном случае мы имеем дело с величайшей переменой мест. Бог, обладатель высшей власти, меняется местами с отверженными, бедными и угнетенными. Пророки всегда воспевали Бога как того, кто «низложил сильных с престолов и вознес смиренных» (Лк 1:52), но они и помыслить не могли, что сам Бог сойдет со своего высшего престола и будет страдать вместе с угнетенными, дабы они могли возвыситься.

Такое понимание креста означает, что он показал и преодолел любовь этого мира к силе, могуществу и высокому положению. На кресте Иисус побеждает, проигрывая, добивается триумфа через поражение, достигает силы с помощью слабости и служения, приходит к богатству, отдавая все, что имеет. Иисус Христос ставит все ценности мира с ног на голову. Как пишет Н. Т. Райт,

в конце концов, настоящий враг здесь – не Рим, но силы зла, которые стоят за гордостью и жестокостью людей...

[На кресте] Царство Бога уже празднует свою победу над царствами мира, потому что Иисус отказался участвовать в порочном круге насилия. Он готов любить врагов. Он подставит другую щеку. Он пройдет еще одно поприще¹⁰.

Эта перевернутая модель настолько противоречит представлениям и обычаям мира, что создает «иное царство», другую реальность, контркультуру среди тех, кто был преображен случившимся. В этом мирном царстве происходит изменение ценностей нашего мира по отношению к власти, признанию, положению в обществе и богатству. В новой контркультуре христиане воспринимают деньги как то, что следует отдавать. Власть – как то, чем пользуются исключительно для служения. Расовое и классовое превосходство, приобретение капитала и

власти в ущерб окружающим, жажда популярности и признания – все эти обычные приметы человеческой жизни противоположны установкам тех, кто понял смысл креста и приобщился к нему. Христос создает совершенно новый жизненный порядок. Те, на кого повлияла великая перестановка, связанная с крестом, уже не нуждаются в самооправдании с помощью денег, положения в обществе, карьеры, возможности гордиться своей принадлежностью к конкретной расе или классу. Так крест создает контркультуру, в которой секс, деньги и власть перестают управлять нами и применяются скорее для того, чтобы даровать жизнь и строить сообщество, а не разрушать.

Чтобы понять, почему Иисус должен был умереть, важно помнить и результат креста (дорогостоящее прощение грехов), и характерные особенности креста (переворот ценностей этого мира). На кресте не утрачивается ни справедливость, ни милосердие – и то, и другое осуществляется одновременно. Смерть Иисуса была необходима, чтобы Бог отнесся к справедливости со всей серьезностью и при этом продолжал любить нас. То же внимание и к любви, и к справедливости должно присутствовать во всех наших взаимоотношениях. Мы ни в коем случае не должны смиряться с несправедливостью. Иисус отождествил себя с угнетенными. Но нам не следует пытаться злом одолевать зло. Иисус простил своих врагов и умер за них.

В таком случае, для чего Иисусу пришлось умереть? Даже Он сам задавался этим вопросом. В Гефсиманском саду Он вопрошает, нет ли другого пути. Его нет и не было. На кресте в муках Он восклицает: «Для чего?!» Для чего Его оставили?¹¹ Зачем это понадобилось? Библия дает ответ: для нас.

Рассказ о кресте

Я пытался объяснить, что совершил ради нас Иисус, когда умер. Для этого я выделил несколько принципов. Но я не могу воздать должное учению о кресте. Великую писательницу Фланнери О'Коннор однажды попросили «в двух словах» объяснить смысл одного из ее рассказов. И услышали от нее язвительный ответ: если бы она могла изложить смысл в двух словах, то не стала бы писать рассказ. Я пытался изложить историю креста вкратце потому, что придаю большое значение этой попытке. Тем не менее в одной главе невозможно передать всю преображающую силу этого сюжета.

Мы неизменно находим особенно трогательными рассказы, персонажи которых сталкиваются с непоправимой потерей или идут на смерть, лишь бы жил кто-то другой. Например, нет практически ни одного популярного фильма, в котором эта тема не занимала бы основное место. Один из моих любимых – «Ангелы с грязными лицами». Джеймс Кэгни играет в нем Рокки Салливана, знаменитого воротилу криминального мира, кумира всех малолетних правонарушителей города. Ему грозит электрический стул. Вечером накануне казни его навещает друг детства Джерри, которого играет Пэт О'Брайен: он вырос, стал священником и теперь прилагает все старания, чтобы уберечь городскую молодежь от участи преступников. Джерри обращается к давнему другу с шокирующей просьбой и объясняет, что это единственный способ заставить детей, с которыми он работает, свернуть с выбранного ими пагубного пути.

Я хочу, чтобы ты разочаровал их. Понимаешь, для этих И сотен других детей ты всю жизнь был кумиром, после смерти станешь прославленным героем, а я хочу не допустить этого, Рокки. Они должны вспоминать тебя с презрением. Должны стыдиться за тебя.

Рокки не верит своим ушам.

Ты просишь меня ломать комедию, делать вид, будто я струсил, чтобы эти дети И не думали подражать мне...

Ты просишь меня отдать единственное, что у меня осталось... Просишь, чтобы я ползал на брюхе – и это будет последнее, что я сделаю в жизни... Не выйдет. Ты слишком много просишь... Если хочешь помочь этим детям, придумай что-нибудь еще.

Джерри призывает Рокки совершить великую перестановку, принести заместительную жертву. Если ты будешь цепляться за свое достоинство, говорит он, твоих почитателей ждет постыдная смерть. Но если ты умрешь постыдно, откажешься от славы, дети могут спастись. Это единственный способ помочь им утратить кумира. Рокки отказывается. На следующее утро его приводят в камеру, где должна совершиться казнь. Внезапно Рокки заходится в трусливой истерике, начинает умолять о прощении и своей унижительной кончиной совершает жертвоприношение. Такой финал всегда потрясает зрителей – я точно знаю это, потому что каждый раз испытываю потрясение и жалею о том, что не живу иначе. Такое влияние на жизнь оказывает эта история.

Еще один прекрасный пример – «Повесть о двух городах». Шарль (Чарльз) Дарней и Сидни Картон были очень похожи внешне и оба любили одну женщину, Люси Манетт. Люси выбрала Шарля, они поженились, у них родился ребенок. Действие происходит во времена Французской революции, аристократа Шарля берут под стражу, уводят в тюрьму и приговаривают к казни на гильотине.

В конце романа англичанин Сидни навещает Шарля вечером накануне казни и предлагает поменяться с ним местами. Шарль отказывается, но Сидни удается одурманить его и перенести в ждущую карету. После этого Сидни занимает место Шарля, которому впоследствии вместе с семьей удается бежать в Англию.

Той же ночью в тюрьме к Сидни приходит еще одна узница, молодая швея, тоже приговоренная к казни, и заводит разговор, думая, что перед ней Шарль Дарней. Когда она обнаруживает подмену, в ее глазах мелькает изумление, она спрашивает: «Вы за него на смерть идете?» Сидни отвечает: «Да, ради его жены и ребенка. Тсс!» Швея признается, что страх сводит ее с ума: она не знает, сможет ли достойно встретить смерть, и просит смелого иностранца держать ее за руку до самого конца. Когда приходит время, они умирают один за другим. Пока девушка смотрит на Сидни, она почти спокойна, его вид служит ей утешением и надеждой.

Эта девушка боялась не выдержать тяжести выпавшего ей испытания. Силы уже оставляли ее, но, потрясенная жертвой, принесенной ее товарищем по несчастью, она стойко встретила смерть.

Трогательно? Да, но Благая весть лучше¹². Рассказы о самопожертвовании всегда волновали меня до глубины души. Благодаря им я принимал решение быть смелым и бескорыстным. Правда, выполнить собственное решение мне никогда не удавалось. Эти истории задевали мои чувства и вызывали укол совести, но в целом стремления моего сердца оставались неизменными. Мной по-прежнему управляла потребность доказать свою значимость окружающим, снискать одобрение и признание, управлять отношением людей ко мне. Пока эти опасения и потребности имели надо мной такую власть, в своем желании измениться я почти ничего не добился.

Однако Благая весть – не просто трогательный вымышленный рассказ о ком-то постороннем. Это истинная история о нас. На самом деле мы – ее герои. Мы – те самые

правонарушители; чтобы спасти нас, Иисус отдал нечто более ценное, чем мирская слава. Кроме того, Иисус пришел к нам в нашу темницу и, несмотря на наше нежелание быть спасенными, занял наше место. Швею растрогала жертва, которая предназначалась даже не ей. Насколько же больше сил может вселить в нас открытие, что Иисус отдал ради нас Себя самого, поменялся с нами местами?

Благая весть – это истинная история о нас

Могу сказать только, что, глядя на эти истории со стороны, я был тронут, но когда понял, что в действительности участвую в истории Иисуса (а Он – в моей), это знание преобразило меня. Наконец были вытеснены страх и гордыня, владевшие моим сердцем. Смерть Иисуса ради меня помогла мне смириться, избавила от гордыни. А сознание, что Иисус умер за меня *радоствю*, защитило меня от страха.

Примечания

¹К. С. Льюис, *Письма к Малькольму: о молитве* (C. S. Lewis, *Letters to Malcolm: Chiefly on Prayer*, Harcourt Brace, and World, 1964), с. 106.

²Подробнее о примере прощения у Бонхеффера см. главу 1, «Цена прощения: Дитрих Бонхеффер и совершенствование теории и практики христианства» в книге: Л. Грегори Джонс, *Олицетворяя прощение: богословский анализ* (L. Gregory Jones, *Embodying Forgiveness: A Theological Analysis*, Eerdmans, 1995).

³Дитрих Бонхеффер, *Цена ученичества* (Dietrich Bonhoeffer, *The Cost of Discipleship*, Macmillan, 1967), с. 100.

⁴Эберхард Бетге, Дитрих Бонхеффер, под ред. *Письма и статьи из тюрьмы*, сокращенное издание (Eberhard Bethge, Dietrich Bonhoeffer, eds. *Letters and Papers from Prison*, London: SCM Press, 1953), с. 144.

⁵Обвинение в том, что крест – это проявление насилия над божественным младенцем, по видимому, подразумевает, что Отец на небесах – истинный Бог, а Иисус – божественная сущность иного рода, которую убивают. Но это противоречит христианскому учению о Троице. Христиане верят, что хотя Отец и Сын – обособленные личности, они представляют собой одну и ту же сущность и материю, поэтому когда Иисус берет на себя цену прощения, значит, это делает Бог. Подробнее о Троице см. в главе 13.

⁶Здесь уместен пример. Представьте себе, что вы гуляете по берегу реки вместе с другом, и этот друг неожиданно объявляет вам: «Я хочу показать тебе, как сильно тебя люблю!» С этими словами он бросается в реку и начинает тонуть. Как вы поступите? Воскликнете: «Как он любит меня!»? Разумеется, нет. Скорее, озаботитесь душевным состоянием друга. А если в том же примере, гуляя вдоль реки с другом, вы случайно упадете в реку? Плавать вы не умеете. Предположим, что друг прыгнет в воду вслед за вами, подтолкнет вас к берегу, а сам не справится с течением и утонет. Тогда вы воскликнете: «Вот как он любит меня!» Пример с Иисусом неудачен, если это всего лишь пример. Если нет опасности, от которой нас требуется спасти, если нас не спасает от гибели такой выкуп, как Его смерть, тогда этот пример жертвенной любви не трогает и не преображает жизнь – он выглядит безумием. Если Иисус умер не вместо нас, Его смерть вовсе не является трогательным примером жертвенной любви.

⁷Процитировано у Давида Ван Бьема, «Почему Иисус должен был умереть?» (David Van Biema, “Why Did Jesus Have to Die?” *Time*, April 12, 2004, с. 59).

⁸Джон Стотт, *Крест Христа* (John Stott, *The Cross of Christ*, Inter-Varsity Press, 1986), с. 160.

⁹История Джоанн Террел приводится у Ван Бьема в статье «Почему Иисус должен был умереть?», с. 61. Цитата из Джона Стотта находится на той же странице.

¹⁰Том (Николас Томас) Райт, *Настоящее христианство*, Simply Christian, с. 153, 154 русского издания.

¹¹Мф 27:45–46.

¹²«Евангелия содержат... сюжет с более широким смыслом, охватывающий сущность всех [других] сюжетов. Но этот принадлежит миру и истории... это высший сюжет, он является истинным». Дж. Р. Р. Толкин, «О волшебных сказках» (J.R.R. Tolkien, “On Fairy Stories,” in *The Tolkien Reader*, Del Rey, 1986).

13. Реальность воскресения

«Вопрос мой – тот, который в пятьдесят лет привел меня к самоубийству, был самый простой вопрос, лежащий в душе каждого человека... – тот вопрос, без которого жизнь невозможна... Вопрос состоит в том: „Что выйдет из того, что я делаю нынче, что буду делать завтра, – что выйдет из всей моей жизни?“... Еще иначе выразить вопрос можно так: „Есть ли в моей жизни такой смысл, который не уничтожался бы неизбежно предстоящей мне смертью?“ *Лев Толстой, «Исповедь»*

Изучая в колледже философию и религию, я узнал, что воскресение Иисуса представляет серьезную историческую проблему независимо от того, под каким углом мы рассматриваем ее. Большинство современных историков придерживаются философского допущения, что чудес попросту не бывает, в результате проблематичными становятся и утверждения о воскресении. Но если мы не верим в воскресение, нам нелегко объяснить, каким образом была основана христианская церковь.

Несколько лет назад у меня обнаружили рак щитовидной железы. Он был операбельным, его успешно удалили хирургическим путем и вылечили с помощью терапии. Но если перефразировать Сэмюэла Джонсона, слово «рак», относящееся непосредственно к тебе, при любых обстоятельствах вызывает поразительную умственную сосредоточенность. Во время лечения я открыл для себя «Воскресение Сына Божьего» Н. Т. Райта – новейший взгляд на воскресение Иисуса. Я внимательно прочитал этот труд и отчетливо понял, что вопрос этот не просто исторический и философский. Он сочетает в себе оба качества, но не только их. Если уж на то пошло, он полностью преобразует нашу жизнь.

Если Иисус действительно воскрес, значит, мы уже не можем просто жить так, как хотим

Иногда ко мне обращаются со словами: «У меня возникают серьезные затруднения с воскресением как аспектом христианского учения. Мне нравится этот элемент христианской веры, но вряд ли я смогу его принять». Обычно я отвечаю: «Если Иисус воскрес из мертвых, вам придется признать все, что Он говорил; если не воскресал – зачем вообще беспокоиться о Его словах? Здесь основной вопрос не в том, нравятся вам Его учения или нет, а в том, воскресал ли Он из мертвых». Так чувствовали себя люди, первыми услышавшие о воскресении. Они знали: если это правда, значит, мы уже не можем жить так, как хотим. И вместе с тем это означает, что нам уже незачем бояться ни римских мечей, ни рака – ничего. Если Иисус воскрес из мертвых, все разом изменилось.

Но воскрес ли он? Обратимся к доводам и доказательствам, аргументам и контраргументам.

Когда речь заходит о воскресении Иисуса, большинство людей считает, что на верующих лежит основное бремя поиска доказательств, что воскресение произошло. Они не совсем правы. Воскресение также возлагает бремя и на неверующих. Мало просто считать, что Иисус не воскресал из мертвых: следует также продумать исторически убедительное альтернативное объяснение рождению церкви. Необходимо представить правдоподобное повествование о том, как все началось. Большинство людей, не верящих в воскресение Иисуса, предлагают приблизительно следующий сценарий зарождения христианства.

Согласно ему, люди в те времена не располагали научными знаниями о мире. Они охотно верили в чудесные и сверхъестественные события и легко могли поверить известию о воскресении Иисуса, потому что считали, что мертвые могут воскресать. После гибели Иисуса

Его последователи были безутешны. Поскольку они верили, что Он Мессия, то им наверняка казалось, будто Он по-прежнему с ними – направляет их, живет духом в их сердцах. Возможно, у некоторых даже бывали видения, в которых Иисус говорил с ними. За несколько десятилетий это ощущение духовного присутствия Иисуса преобразилось в рассказы о Его физическом воскресении. Эпизоды с воскресением в четырех Евангелиях были предназначены для подкрепления этой веры.

Альтернативное объяснение, предложенное выше, нашим среднестатистическим современникам может показаться убедительным, – но лишь потому, что мы не имеем представления об историческом и культурном контексте.

Пустой гроб и свидетели

Первая ошибка альтернативного объяснения – утверждение, будто эпизоды с воскресением в Евангелиях от Матфея, Марка, Луки и Иоанна были написаны позднее, спустя длительное время после самих событий. Высказывается мнение, что две основных детали этих текстов – пустой гроб и свидетели – выдумка. Это неверно.

Два первых упоминания о пустом гробе и свидетелях содержатся не в Евангелиях, а в посланиях Павла, написанных, по единодушному мнению историков, всего через 15–20 лет после смерти Иисуса. Один из наиболее примечательных текстов – 1 Кор 15:3–6:

Ибо я первоначально преподавал вам, что и сам принял, то есть, что Христос умер за грехи наши, по Писанию, И что Он погребен был и что воскрес в третий день, по Писанию, и что явился Кифе, потом двенадцати, потом явился более нежели пятистам братьев в одно время, из которых большая часть доныне в живых, а некоторые и почили.

Здесь Павел говорит не только о погребении и воскресении «в третий день» (показывая, что речь идет об историческом событии, а не о символе или метафоре), но и упоминает о свидетелях. Павел указывает, что воскресший Иисус являлся не только отдельным людям и небольшим группам, но и предстал перед пятьюстами собравшимися, большинство которых было еще живо ко времени написания этого послания и могло помогать Павлу в работе над ним. Послание Павла предназначалось для церкви, следовательно, это был официальный документ, написанный для чтения вслух. Павел предлагал всем, кто сомневался в том, что Иисус являлся людям после смерти, обратиться за подтверждением к свидетелям. Этот дерзко брошенный вызов было бы легко принять, поскольку в римском мире путешествия по Средиземноморью были безопасными и относительно простыми. Павел не стал бы бросать слушателям этот вызов, если бы свидетели не существовали.

Христиане провозглашали телесное воскресение Иисуса с самого начала

Еще одна важная особенность этого текста – в том, что Павел утверждает: он ревностно передает полученное свидетельство. Критически настроенные ученые XIX и начала XX века полагали, что ранние христиане передавали популярные предания из уст в уста, изменяя их в процессе, подобно детям в игре «испорченный телефон». Но как я отмечал в шестой главе, более современные антропологические исследования показали, что в древних культурах четко различали вымысел и рассказы об исторических событиях, когда передавали и те и другие. Вносить изменения в рассказы об исторических событиях не дозволялось¹. Именно об этом

заявляет Павел – что известие о воскресении он передает в том же виде, в котором услышал его из уст очевидцев.

Вдобавок библейские описания воскресения слишком проблематичны, чтобы быть фальсификациями. Во всех Евангелиях говорится, что первыми свидетельницами воскресения стали женщины. Низкое положение женщин в обществе означало, что их показания не принимались во внимание в суде. Ссылаясь на слова женщин как первых свидетельниц, церковь не могла получить никаких преимуществ, только вызвала бы сомнения в достоверности свидетельств. Единственное возможное объяснение тому, что именно женщины изображены первыми, кто увидел воскресшего Иисуса, – то, что дело обстояло именно так. Н. Т. Райт утверждает, что первых распространителей христианства наверняка постоянно убеждали не упоминать о женщинах. Однако они считали, что не могут так поступить: обстоятельства воскресения были слишком широко известны². Рассказы первых свидетелей о воскресении скорее всего приводили слушателей в трепет, радикально меняли их жизнь, эти рассказы передавали и пересказывали чаще, чем любые другие повествования о жизни Иисуса.

Кроме того, как заявляет Райт, пустой гроб и слова о личных встречах с Иисусом выглядят еще более достоверными с исторической точки зрения, когда мы понимаем, что они дополняют друг друга. Если бы упоминалось только о пустом гробе, но не о видениях, никому бы и в голову не пришло, что речь идет о воскресении. Люди предположили бы, что тело похитили. А если бы упоминались только встречи очевидцев с Иисусом, но про пустой гроб не было бы сказано ни слова, никто не сделал бы вывод, что произошло воскресение, потому что людям во все времена случалось видеть умерших близких. Только сочетание этих двух факторов убеждает, что Иисус действительно воскрес из мертвых³.

Послания Павла свидетельствуют о том, что христиане провозглашали телесное воскресение Иисуса с самого начала. Значит, гроб *должен* был быть пустым. Никто в Иерусалиме ни на минуту не поверил этим рассказам, если бы гроб не был пуст. Скептики без труда могли бы представить разлагающийся труп Иисуса. Кроме того, Павел не мог бы упоминать в официальном документе о том, что десятки очевидцев по-прежнему живы, если бы таковых не существовало. Считать, что все рассказы о воскресении были сфабрикованы много лет спустя, для нас непозволительная роскошь. Как бы там ни было, гроб Иисуса должен был и вправду быть пустым, а сотни очевидцев – видеть Иисуса во плоти, воскресшим из мертвых.

Воскресение и бессмертие

Следовательно, имеются весьма правдоподобные свидетельства тому, что гроб был пуст и что сотни людей видели воскресшего Иисуса. Как пишет Райт, эти факты «подтверждены историей». Кто-нибудь может возразить: «Но ведь это не доказывает, что Иисус действительно воскрес. Безусловно, его последователи отчаянно хотели верить, что Иисус воскрес из мертвых. Если бы кто-нибудь украл тело, чтобы инсценировать воскресение, многим честным людям могло показаться, что они видели Иисуса, и, возможно, кто-то из них разнес это известие, искренне веря в него».

Эта весьма распространенная гипотеза подразумевает то, что К. С. Льюис назвал «хронологическим снобизмом». Мы считаем, что наши современники отнеслись бы к известию о плотском воскресении скептически, в то время как в древности, когда люди поголовно верили в сверхъестественное, подобное известие сразу же признали бы достоверным. Это ошибочное мнение. Почти для любого преобладающего мировоззрения характерно убеждение в практически абсолютной невозможности телесного воскресения.

Н. Т. Райт приводит подробное исследование неиудейской мысли в Средиземноморье I века, как на Востоке, так и на Западе, и подтверждает, что в большинстве своем люди в то время считали воскресение в теле невозможным. Почему? Согласно представлениям древних греков и римлян, дух или душа были чистыми, а физический, материальный мир – слабым, извращенным, полным скверны. Для этих людей физическое всегда распадалось по определению, следовательно, под спасением подразумевалось *избавление* от тела. В соответствии с такими представлениями воскресение не просто невозможно, но и совершенно нежелательно. Ни у одной души, вырвавшейся на свободу из тела, не могло возникнуть желание вернуться обратно. Даже те, кто верил в реинкарнацию, понимали, что возвращение к жизни в воплощении означает, что душа так и не сумела спастись из плена. Целью было освободиться от тела раз и навсегда. Как только душа избавлялась от тела, возвращение к прежней жизни становилось немислимой и невозможной нелепостью⁴.

Рассказы о воскресении Иисуса должны были также показаться невероятными и иудеям. В отличие от греков, иудеи воспринимали физический и материальный мир как благо. Смерть они рассматривали не как избавление от материального мира, а как трагедию. К наступлению времен Иисуса многие иудеи надеялись, что когда-нибудь в будущем все праведники воскреснут во плоти, и это произойдет, когда Бог обновит целый мир, уничтожив страдания и смерть⁵. Однако согласно иудейским представлениям, воскресение было лишь одним из элементов полного обновления всего мира. О том, что отдельно взятый человек воскреснет в разгар истории, в то время как остальной мир по-прежнему будет обременен болезнями, пороками и смертью, они и подумать не могли. Если бы иудею I века кто-нибудь сказал: «Такой-то воскрес из мертвых!», – то услышал бы в ответ: «Ты спятил? Разве так бывает? А почему же болезни и смерть еще не исчезли? Может, в мире уже воцарилась истинная справедливость? И волк добр к ягннку? Абсурд!» Саму идею воскресения отдельно взятого человека иудею было бы так же трудно вообразить, как и греку.

Во времена Иисуса люди считали плотское воскресение настолько же невозможным, каким оно является для наших современников, хотя и по другим причинам

Со временем те, кто скептически отнесся к рассказам о воскресении, предположили, что с последователями Иисуса случились галлюцинации: возможно, им просто показалось, что Иисус являлся к ним и говорил с ними. При этом предполагается, что идея воскресения не казалась невероятной Его последователям-иудеям как имеющая место в их мировоззрении. Но это неверно. Выдвигалась также теория заговора, согласно которой апостолы похитили труп, а остальным объявили, что Иисус жив. Но это значило бы, что апостолы ждали от иудеев способности воспринять известие о возможности воскресения отдельно взятого человека. Такого быть не могло. В то время люди считали плотское воскресение настолько же невозможным, каким оно является для наших современников, хотя и по другим причинам.

В I веке не раз возникали и другие мессианские движения, причем новоявленных мессий нередко казнили. Тем не менее,

ни в одном случае мы не находим ни малейшего упоминания о последователях, сначала разочарованных этой смертью, а затем утверждающих, что их кумир воскрес из мертвых. Они знали: воскресение – далеко не частное событие. Революционно настроенные евреи, оставшиеся без лидера, казненного по приказу властей, но сумевшие избежать ареста, могли выбрать один из двух путей: забыть о революции или

найти другого лидера.

О том, чтобы объявить первого лидера воскресшим, не могло быть и речи. Разумеется, если Он не воскрес на самом деле⁶.

Существовали десятки других претендентов на статус мессии, закончившие жизнь и служение подобно Иисусу. Почему же ученики Иисуса пришли к выводу, что его распятие – не поражение, а триумф, если не по единственно возможной причине – увидев его воскресшим из мертвых?

Стремительное распространение новых взглядов

После смерти Иисуса все христианское сообщество внезапно приняло убеждения, которые были не просто новыми, но и до того момента немислимыми. Первые христиане придерживались представлений о действительности, в центр которых было помещено воскресение. Они верили, что будущее воскресение уже началось в Иисусе. Верили, что Иисус обрел преображенное тело, способное проходить сквозь стены и в то же время принимать пищу. Это было не просто оживленное тело, согласно представлениям иудеев, и не исключительно духовная сущность, которую воображали греки. Воскресение Иисуса гарантировало наше воскресение и привнесло элементы будущей новой жизни в наши сердца уже сейчас⁷.

Как указывает Н.Т.Райт, каждое из этих убеждений было в новинку для мира в те времена, а во всех прочих известных нам случаях подобные грандиозные перемены в мышлении на мировом уровне происходили лишь с течением длительного времени⁸. Как правило, требуются годы обсуждений и споров, подробное изложение взглядов на «природу воскресения» мыслителями и писателями, пока одна из сторон не победит. Так меняется культура и мировоззрение.

Сотни иудеев чуть ли не за одну ночь начали поклоняться Иисусу. Это можно объяснить только реальностью воскресения

Однако христианский взгляд на воскресение абсолютно беспрецедентным в истории образом широко и стремительно распространился сразу же после смерти Иисуса. Это был не процесс и не постепенное развитие событий. Последователи Иисуса не говорили, что их убеждения родились в ходе обсуждений и споров. Они просто сообщали о том, что видели своими глазами. Никто не мог выдвинуть хоть сколько-нибудь правдоподобную альтернативу их объяснениям. Даже если принять маловероятное предположение, что одному-двум апостолам Иисуса пришло в голову объявить, будто Он воскрес из мертвых, им ни за что не удалось бы убедить в этом других иудеев – если в действительности не было многочисленных, необъяснимых, правдоподобных и повторяющихся встреч с Иисусом.

Еще труднее найти объяснение последующей истории церкви. Как могла группа иудеев, живших в I веке, начать поклоняться человеку словно божеству? Согласно восточным религиям, Бог – обезличенная сила, пронизывающая все сущее. Следовательно, эти люди могли смириться с мыслью, что некоторые люди наделены божественным сознанием в большей степени, чем остальные. В западных религиях божества часто принимали человеческий облик. Какой-нибудь человек, внешне мало чем отличающийся от других, на самом деле мог быть Зевсом или Гермесом. Но иудеи верили в единого, трансцендентного, персонифицированного Бога. Абсолютным кощунством считалось у них полагать, что поклоняться следует человеку. Тем не менее сотни иудеев чуть ли не за одну ночь начали поклоняться Иисусу. Гимн Христу как Богу,

который

Павел приводит в Флп 2, обычно признают написанным всего через несколько лет после распятия^[11]. Каким грандиозным должно было быть событие, сломившее сопротивление всех этих иудеев? Его можно объяснить тем, что эти люди стали свидетелями воскресения. Какой еще ответ возможен здесь с исторической точки зрения?

Следует помнить еще об одном. Как говорил Паскаль, «я верю тем свидетелям, которые дали перерезать себе горло». Практически все апостолы и раннехристианские лидеры умерли за свою веру, поэтому трудно поверить, что такая огромная жертва была принесена ради подкрепления мистификации.

Значит, скептик не вправе просто отвергнуть христианское учение о воскресении Иисуса, заявив: «Этого просто не могло быть». Ему предстоит также ответить на все исторические вопросы: почему христианство развилось так стремительно и обрело такую силу? Ни одно сообщество последователей мессии в те времена не объявляло, что их лидер воскрес из мертвых – почему же на такой шаг решилась именно эта группа? Иудеи никогда не поклонялись человеку так, как Богу, – почему же изменили своему обыкновению на этот раз? Иудеи не верили в божественность людей или в воскресение некоторых из них. Что побудило их буквально за одну ночь изменить свои взгляды? Как объяснить, что сотни очевидцев воскресения, живших в те десятилетия и публично подтверждающих свои свидетельства, в итоге отдали жизнь за свои убеждения?

Проблема воскресения

В истории мало что можно доказать лабораторными методами. Тем не менее воскресение Иисуса – исторический факт, подтвержденный в значительно большей мере, чем множество других событий древней истории, которые мы принимаем на веру. Все попытки отделить рождение церкви от воскресения Иисуса наталкиваются на наши знания об особенностях истории и культуры I века. Если не замыкать процесс накоротко с помощью философского предубеждения против возможности чуда, для воскресения Иисуса находится масса подтверждений.

Однако проблема заключается в том, что люди *самом деле* прибегают к короткому замыканию процесса исследований. Вместо того, чтобы пытаться ответить на строго поставленные исторические вопросы, а затем посмотреть, куда приведут ответы, они находят другой выход – вооружаются возражением, согласно которому чудеса невозможны. Н. Т. Райт дает на это колкий ответ:

Первые христиане не придумали пустой гроб и «встречи»... Никто ничего подобного не ожидал; никакой опыт обращения не произвел бы таких представлений; никто бы их не придумал, – неважно, в какой мере они испытывали вину (или прощение), неважно, сколько часов они прокорпели над Писаниями. Думать иначе – значит прекратить заниматься историей и войти в мир наших собственных фантазий⁹.

Я искренне сочувствую человеку, который заявляет: «Да, я не могу придумать альтернативное объяснение – и что с того? Воскресения просто не могло быть». Но не будем забывать, что в I веке люди чувствовали то же самое. Они находили воскресение столь же немислимым событием, как и мы. Признать воскресение в те времена они могли лишь одним путем: принять вызов, брошенный свидетельством, и изменить мировоззрение, свои взгляды на события, которые возможны. У древних людей возникало с воскресением столько же проблем,

как и у нас, тем не менее свидетельства – и рассказы очевидцев, и преобразившаяся жизнь последователей Христа – ошеломляли.

Каждый год на Пасху я произношу проповедь о воскресении. В ней я неизменно объясняю моим скептически настроенным нерелигиозным друзьям: даже если они не в силах поверить в воскресение, в их интересах хотеть, чтобы оно было правдой. Большинству этих людей глубоко не безразлична справедливость, защита бедных, искоренение голода и болезней, забота об окружающей среде. Вместе с тем многие верят, что материальный мир возник по чистой случайности и что сам мир и все, что в нем есть, в конце концов просто сгорят, когда сгорит наше солнце. Их обескураживает равнодушие людей к справедливости, однако они не осознают, что их собственные взгляды препятствуют любой мотивации изменить мир к лучшему. Зачем приносить жертвы ради чужих потребностей, если в итоге никакие наши поступки ничего не изменят? Но если воскресение Иисуса произошло, это означает, что есть и бесконечная надежда, и причина жертвовать собой ради удовлетворения потребностей мира. В одной из проповедей Н. Т. Райт говорил:

Смысл воскресения в том, что этот мир имеет значение! Что с несправедливостью и болью нынешнего мира следует бороться, призвав на помощь известие о будущей победе исцеления, справедливости и любви... Если Пасха означает, что Иисус Христос воскрес лишь духовно, значит, речь идет только обо мне и поиске новых измерений в моей личной духовной жизни. Но если Иисус Христос действительно воскрес из мертвых, христианство становится доброй вестью для всего мира – вестью, которая согревает наши сердца именно потому, что она не просто должна согревать сердца. Пасха означает, что в мире, где царствуют несправедливость, насилие и упадок, Бог не собирается все время терпеть их, и что мы будем трудиться, призывая на помощь всю энергию Бога, чтобы благодаря победе Иисуса искоренить зло. Упраздните Пасху – и окажется, что Карл Маркс был, вероятно, прав, обвиняя христианство в пренебрежении к проблемам материального мира. Устраните ее, и окажется, что Фрейд, вероятно, был прав, утверждая, что христианство представляет собой воображаемое исполнение желаний. Избавьтесь от нее, и окажется, что Ницше был, вероятно, прав, утверждая, что христианство существует для слабых и безвольных людей¹⁰.

Примечания

¹Бокэм, *Нигде глазами очевидцев*, с. 296–298 русского издания.

²Н. Т. Райт, *Воскресение Сына Божьего*, с. 662 русского издания.

³Там же, с. 743, 745 русского издания.

⁴Распространено мнение, что образ «умирающего и воскресающего божества» можно найти в любой религии Ближнего Востока. Да, такие мифы существуют, но даже если предположить, что иудейские последователи Иисуса были знакомы с языческими легендами, что маловероятно, никто даже из приверженцев язычества не верил, что отдельно взятый человек может воскреснуть. См.: Райт, «Настоящее христианство», с. 158 русского издания, а также обширные исследования по мифам об умирающих и воскресающих божествах в «Воскресении Сына Божьего».

⁵Райт, *Воскресение Сына Божьего*, с. 224–230 русского издания.

⁶Райт, *Кем был Иисус?* (N. T. Wright, *Who Was Jesus?* Eerdmans, 1993), с. 63.

⁷Райт, *Воскресение Сына Божьего*, с. 631–636 русского издания.

⁸Райт, *Воскресение Сына Божьего*, с. 601 русского издания.

⁹Райт, *Воскресение Сына Божьего*, с. 765 русского издания.

¹⁰Н. Т. Райт, *Ради всего, что значит Бог: истинное поклонение и призывы церкви* (N. T. Wright. *For All God's Worth: True Worship and the Calling of the Church*, Eerdmans, 1997), с. 65–66.

14. Танец Бога

«В 1938 году... меня мучали боли, от которых раскалывалась голова, каждый звук был подобен удару... я обнаружила стихи под названием «Любовь» [Джорджа Герберта], которые выучила наизусть. Зачастую в моменты самых острых головных болей я заставляла себя повторять эти стихи, сосредоточив на них все внимание и всей душой принося к нежности, которую они изливали. Я думала, что читаю их просто как красивые слова, и даже не подозревала, что произношу молитву. Во время одного из таких чтений сам Христос сошел с небес и принял меня. Споря о неразрешимости проблемы Бога, я даже предвидеть не могла возможность такого тесного, личного контакта здесь, на земле, – контакта человека и Бога». *Симона Вейль, «В ожидании Бога»*

Я убежден, что христианство придает максимум смысла нашим личным историям жизни, а также всему, что мы видим в мировой истории. На протяжении последних шести глав я доказывал, что христианские представления о том, откуда мы взялись, что с нами не так и как можно исправить эти изъяны, обладают огромной силой и помогают объяснить, что мы видим и чувствуем, лучше, чем любые конкурирующие теории. Пора связать разрозненные нити повествования, которые мы изучали, и рассмотреть фабулу христианства в целом. Библию часто воспринимают как драму в четырех актах: сотворение, грехопадение, искупление и возрождение.

Божественный танец

Из всех мировых религий только христианство учит, что Бог триедин. Учение о Троице заключается в том, что Бог существует в вечности в трех ипостасях: Отца, Сына и Святого Духа. Догмат о Троице означает, что Бог, по сути дела, относителен.

Евангелист Иоанн пишет о Сыне как о «сущем в недре Отчем» (Ин 1:18), пользуясь старинной метафорой любви и близости. Далее в Евангелии от Иоанна Иисус, Сын Божий, говорит о Духе как о том, Кто «прославит» Его (Ин 16:14). В свою очередь, Сын «прославил» Отца (Ин 17:4), а Отец – Сына (Ин 17:5). И так будет во веки веков (Ин 17:5 и далее).

Что означает выражение «прославить»? Прославлять кого-либо или что-либо – восхвалять, радоваться, наслаждаться им. К тому, что приносит пользу, нас тянет ради этой пользы, которую мы можем обрести. Но если речь идет о красоте, мы наслаждаемся ею как таковой. Просто быть рядом с ней – уже награда. Прославлять кого-либо – значит служить ему, считаться с ним. Вместо того, чтобы заставлять его жертвовать своими интересами ради вашего счастья, мы жертвуем своими интересами ради счастья того, кого мы прославляем. Почему? Потому что для нас нет радости выше, чем видеть, как он радуется.

Тогда что же означают слова о том, что Отец, Сын и Святой Дух прославляют друг друга? Эгоцентризм мы можем представить себе наглядно как нечто стационарное, статическое. В своем эгоцентризме мы требуем, чтобы окружающие вращались вокруг нас. Мы совершаем поступки и выражаем чувства к другим людям, пока это помогает нам добиваться личных целей и самореализовываться.

Но внутренняя жизнь триединого Бога совсем иная. Жизнь Троицы характеризуется не эгоцентризмом, а взаимной любовью и самопожертвованием. Когда мы с радостью служим кому-то, мы движемся по динамической орбите вокруг того, кто находится в центре наших

интересов и желаний. Так возникает танец, особенно если в нем участвуют трое, каждый из которых движется вокруг двух других. Об этом нам говорит Библия. Каждая божественная ипостась вращается вокруг других. Ни одна из них не требует, чтобы остальные вращались вокруг нее. Каждая добровольно описывает круг вокруг двух остальных, изливая любовь, радость, восхищение. Все, кто входит в Троицу, любят, восхищаются, служат и радуются друг другу. При этом возникает динамичный, пульсирующий танец радости и любви. Ранние лидеры Греческой церкви называли его словом «*перихорезис*». Обратите внимание: оно содержит тот же корень, что и «хореография», и буквально означает «танцевать или течь вокруг чего-либо»¹.

Отец, Сын и Святой Дух прославляют друг друга... В центре вселенной любовь и самоотдача – динамичное течение жизни Троицы как Бога. Сочетающиеся в нем лица превозносят друг друга, общаются и служат друг другу... Говоря о «*перихорезисе*» в Боге, первые греческие христиане имели в виду, что каждая божественная ипостась имеет своим центром другие две. В непрестанном движении по орбите и в принятии каждая охватывает и окружает других².

Бог – не статичное существо и даже не просто личность. Это динамичная, пульсирующая энергия, жизнь, что-то почти драматическое, что-то (пожалуйста, не считите меня непочтительным) подобное танцу... Это величайший источник энергии и красоты, бьющий в самом центре действительности³.

Учение о Троице создает перегрузку в наших ментальных электросетях. Но несмотря на его трудность для понимания, эта поразительная динамическая концепция триединого Бога буквально переполнена глубоким, чудесным, формирующим жизнь и меняющим мир смыслом⁴.

Танец любви

Если Бога нет, тогда все в нас и вокруг нас является плодом слепых обезличенных сил. Опыт любви может казаться значительным, но эволюционисты уверяют, что это просто биохимическое состояние мозга.

А если Бог есть? Идет ли это на пользу любви? Смотря кем вы считаете Бога. Если Бог только один, значит, пока Он не создал другие существа, любви нет, поскольку любовь – то, что одно существо проявляет по отношению к другому. Это означает, что у единственного Бога есть могущество, власть, величие в вечности, но не любовь. Следовательно, любовь – это не сущность Бога и не сердце вселенной. Первое место в ней занимает сила.

Если деньги, власть и достижения вы цените превыше человеческих отношений, то разобьетесь о скалы реальности

Но если Бог триедин, тогда любовь в сообществе является «величайшим источником энергии... в центре действительности». Говоря, что Бог есть любовь, думаю, люди имеют в виду, что любовь имеет огромное значение, или что Бог хочет, чтобы мы любили. Но в христианской концепции любовь – это сущность Бога. Будь Он всего одним, Он не мог бы оставаться любящим на протяжении вечности. Если бы Он был всего лишь обезличенной всеобщей душой из восточной философии, Он не мог быть любящим, ибо любовь – то, что испытывают личности. Восточные религии считают индивидуальность, личность, иллюзией, – следовательно, как и любовь⁵. Честертон писал, что «буддисты... считают, что личность недостойна человека, христианин видит в личности высший замысел Бога»⁶. Это замысел Бога потому, что Он по

своей сути – вечная межличностная любовь.

В итоге действительность – это сообщество личностей, которые знают и любят друг друга. Вот для чего существует вселенная, Бог, история и жизнь. Если деньги, власть и достижения вы цените превыше человеческих отношений, то разобьетесь о скалы реальности. Когда Иисус говорил, что следует потерять себя в служении, чтобы обрести себя (Мк 8:35), он имел в виду то, что делают в вечности Отец, Сын и Святой Дух. Следовательно, нам никогда не обрести себя, если мы будем стоять неподвижно и заставлять всех вращаться вокруг ваших потребностей и интересов. Если вы не согласитесь отказаться от ряда возможностей и пойти на ограничения для себя, неизбежные при взаимоотношениях, связанных с обязательствами, вы так и не приблизитесь к познанию собственной природы и природы вещей.

Повсюду в этой книге я подчеркивал, что невозможно остаться в полной мере человеком, отвергая цену прощения, замещающий обмен любовью, накладываемые обществом ограничения. Я ссылаюсь на К. С. Льюиса, который утверждал, что, кроме рая, единственное место, где нет боли и страданий, связанных с взаимоотношениями, – ад.

Но почему? Потому что, согласно Библии, этот мир создан не Богом-одиночкой и не Богом-эманацией обезличенной силы. Это не результат борьбы за власть между персонифицированными божествами и не произвольное, насильственное, случайное действие сил природы. Христиане отвергают повествования о сотворении, в которых любовь не поставлена на первое место. Мы верим, что мир сотворен Богом – сообществом, в котором все сущности любят друг друга на протяжении вечности. Мы были сотворены для взаимно жертвенной, направленной вовне любви. Эгоцентризм разрушает основу мира, сотворенного Богом.

Танец сотворения

Размышляя о внутренней жизни триединого Бога, Джонатан Эдвардс пришел к выводу, что Бог бесконечно счастлив. В нем существует сообщество Лиц, изливающих друг на друга прославляющую, радостную любовь. Задумайтесь об этом процессе применительно к своему опыту. Представьте, что есть некто, кем вы восхищаетесь более, чем кем-либо в мире. Ради этого человека вы готовы на все. А теперь представьте, что вы обнаружили, что и он испытывает по отношению к вам точно такие же чувства, и вы с ним вступаете в длительные дружеские отношения или в романтическую связь и брак. Райская картина, правда? Да, потому что она нисходит с небес: то же самое познал в себе и Бог, но глубина и степень Его опыта были бесконечными и непостижимыми. Вот почему Бог бесконечно счастлив – потому что средоточием Его сущности является «ориентация вовне», потому что Он стремится не к собственной славе, а к славе ближних⁷.

«Но постоите, – скажете вы, – почти на каждой странице Библии Бог призывает нас прославлять, восхвалять Его и служить Ему. Почему же вы утверждаете, что Он не стремится к собственной славе?» Да, Он просит нас о безусловном повиновении Ему, просит прославлять, восхвалять, строить свою жизнь так, чтобы в центре находился Он. Но теперь, надеюсь, вы, наконец, понимаете, почему Он так поступает. Он хочет дать нам радость! Он бесконечно счастлив не благодаря эгоцентризму, а благодаря жертвенной, направленной на ближнего любви. И мы, сотворенные по Его образу и подобию, можем обрести такую же радость лишь одним способом: если поставим в центр своей жизни не самих себя, а Его.

Почему Бог любит сотворенный им мир, населенный такими существами, как мы? Опираясь на такие библейские отрывки, как Ин 17:20–24, Джонатан Эдвардс строит умозаключения, а историк Джордж Марс-ден подводит итог его идеям:

Зачем творит эта бесконечно благая, совершенная и вечная сущность?.. Здесь Эдвардс обращается к христианскому понятию божественной Троицы как межличностному по своей сути... Решающая причина, по которой Бог творит, как утверждает Эдвардс, не в том, чтобы устранить какой-либо изъян в Боге, а чтобы распространить совершенный внутренний обмен благодатью и любовью триединого Бога... Радость, счастье, удовольствие Бога в божественном совершенстве проявляются вовне при распространении этого счастья и удовольствия на сотворенные существа... Вселенная – вспышка славы Божьей. Совершенное благо, красота и любовь, излучаемые Богом, наделяют создания неизменно увеличивающейся долей в радости и удовольствии Божества... Следовательно, конечная цель сотворения – единство в любви между Богом и любящими существами, сотворенными им⁸.

Бог создавал нас не за тем, чтобы обрести космическую, бесконечную радость взаимной любви и прославления, а чтобы поделиться ею. Мы были сотворены, чтобы присоединиться к Его танцу. Если мы помещаем Бога в центр своей жизни, служим Ему не из корыстных целей, а ради Него самого, ради Его красоты и славы, мы вступаем в танец и приобщаемся к радости и любви, в которых живет Он. Значит, мы были задуманы не для того, чтобы верить в Бога неким простым и обобщенным способом, и не ради неопределенного вдохновения или духовности. Мы были сотворены, чтобы помещать Бога в центр нашей жизни, воспринимать как свою цель и страсть то, что мы познаем, служим, радуемся Ему и являемся Его подобием. Это счастье будет усиливаться вечно, разрастаться до невообразимых пределов (1 Кор 2:7-10).

Мы были сотворены, чтобы помещать Бога в центр нашей жизни

Отсюда следуют исключительно позитивные представления о материальном мире. Что бы ни говорилось в других повествованиях о сотворении, этот мир не является иллюзией, последствием битвы богов, итогом случайного действия сил природы. Мир был сотворен в радости, поэтому сам по себе является благом. Вселенную следует воспринимать как танец сущностей, объединенных взаимосвязанной и вместе с тем обособленной энергией, подобных планетам на орбитах вокруг звезд, приливам и смене времен года, «подобно атомам в молекуле, нотам в аккорде, живым организмам на земле, матери, на коленях которой вертится малыш»⁹. Во всем этом ощущается любовь внутренней жизни Троицы. Сотворение – это танец!

Утрата танца

Библия начинается с рассказа о танце сотворения, но уже в Быт 3 мы читаем о грехопадении. Бог говорит Адаму и Еве, что им запрещено есть плоды с одного дерева, чтобы не умереть. Что может быть плохого в плодах с этого дерева? Ответа нет. Но если мы подчиняемся указаниям Бога только когда это соответствует нашим целям и интересам, мы пытаемся заставить Бога вращаться по орбите вокруг нас. Бог становится средством для достижения цели, а не самой целью. В таком случае Бог говорит человечеству что-то вроде: «Повинуйтесь Мне и не трогайте плодов этого дерева потому, что любите Меня. Просто ради Меня».

Но это нам не удалось. Мы замерли на месте, сосредоточились на себе. Согласно Быт 3, когда распались наши отношения с Богом, пострадали и все прочие наши отношения. Эгоцентризм порождает психологическое отчуждение. Ничто не делает нас настолько несчастными, как самовлюбленность, бесконечная и предельно серьезная сосредоточенность на

своих потребностях, желаниях, заботах, самолюбии, свойствах. Кроме того, эгоцентризм ведет к социальному распаду. Он представляет собой первопричину разрушенных взаимоотношений между народами, расами, классами, отдельными людьми. И наконец, неким загадочным образом отказ человечества служить Богу влечет за собой наше отчуждение и от мира природы.

Мы утратили танец. Танец радостных, взаимно жертвенных отношений невозможен в мире, где каждый неподвижен и каждый пытается заставить остальных вращаться по орбите вокруг него.

Но Бог не оставил нас в таком положении. Сын Божий родился в этом мире, чтобы положить начало новому человечеству, новому сообществу людей, которые смогут отказаться от своего эгоцентризма, обратиться к «богоцентрической» жизни и в результате медленно, но верно наладить все прочие отношения. Павел называет Иисуса «последним Адамом». Как первый Адам подвергся испытанию в саду Едемском, так и последний Адам, Иисус, был испытан в Гефсиманском саду. Первый Адам знал, что он будет жить, если послушается Бога и не тронет плодов дерева. Но он не послушался. Последний Адам также был испытан тем, что Павел назвал «древом» – крестом. Иисус знал, что Он погибнет, если повинуется Отцу. И все-таки повиновался.

Почему Иисус умер за нас? Что Он выигрывал от этого? Вспомним, что у Него уже были радость, слава и любовь. В нас Он не нуждался. Так какую же пользу могло принести Ему все, что произошло с Ним на земле? Никакой. Значит, когда Он пришел в наш мир и умер на кресте за наши грехи, Он двигался по нашей орбите, служил нам. «И славу, которую Ты дал Мне, Я дал им» (Ин 17). Он поступил по отношению к нам так же, как поступал по отношению к Отцу и Духу на протяжении всей вечности. Он поместил нас в центр внимания, чтобы любить, не получая никакой личной выгоды.

Возвращение в танец

Если красота поступка, совершенного Иисусом, не оставляет вас равнодушным, это первый шаг прочь от своего эгоцентризма и страха к доверительным отношениям с Иисусом. Умерев за нас, Иисус, по сути дела, приглашает нас в танец. Он предлагает нам начать строить свою жизнь так, чтобы Он оставался в ее центре, так же, как Он пожертвовал Собой ради нас.

Если вы откликнетесь на Его призыв, все ваши взаимоотношения начнут исцеляться. Как я отмечал в девятой главе, грех – это построение своей идентичности на чем-либо, кроме Бога. Мы отдаем себя только взаимоотношениям и стремлениям, которые льстят нам и подкрепляют наши старания оправдать и возвысить себя. Но все это побуждает нас смотреть сверху вниз на тех, кто не располагает такими же достижениями или признаками идентичности.

Однако когда мы видим, как Иисус идет к нам навстречу и окружает нас бесконечной, жертвенной любовью, нам предлагается строить свою жизнь на совершенно новом фундаменте. Мы можем превратить Иисуса в новый центр нашей жизни и отказаться от роли собственного спасителя и господина. Мы можем принять брошенный Им вызов и признать себя грешниками, нуждающимися в Его спасении, а также принять Его возрождающую любовь как новую основу для нашей идентичности. Тогда нам уже не придется самоутверждаться в глазах окружающих. Они не понадобятся нам для подкрепления хрупкого чувства гордости и собственной значимости. И мы сможем двинуться навстречу другим так, как Иисус приблизился к нам.

Ибо в самоотдаче, как нигде, мы соприкасаемся с ритмом не только творения, но и всего бытия. Ибо Вечное Слово также отдает Себя в жертву, и не только на Голгофе. Ибо, когда Он был распят, Он «сделал в тяжком климате Своих отдаленных провинций

то, что Он делал у Себя дома в славе и радости»... еще до создания мира... С высшего до низшего «самость» существует лишь затем, чтобы от нее отречься, и с этим отречением она становится более истинной самостью, чтобы вновь стать предметом отречения, и так вовеки. Это не небесный закон, которого мы можем избежать... За пределами системы самоотречения лежит... исключительно и неизбежно – ад... Это яростное пленение внутри собственного «я» – всего лишь изнанка самоотречения, которое И есть абсолютная реальность¹⁰.

Будущее танца

В таком случае как же закончится история человечества? В конце последней книги Библии мы видим полную противоположность тому, что предсказывают другие религии. Мы не видим, как тает иллюзорный мир, не видим, как возвышенные души устремляются из физического мира на небеса. Скорее небеса предстают нам *нисходящими* в наш мир, чтобы объединиться с ним и очистить его от всей скверны и несовершенства. Это будут «новое небо и новая земля». Пророк Исайя описывает их как новый Едемский сад, где человечество вновь окажется в состоянии полной гармонии с природой, прекратятся все болезни, страдания, смерть, а также межрасовая вражда и войны. Не будет больше бедных, рабов, преступников и скорбящих с разбитым сердцем.

Все это следует из того, что нам известно о сотворении как о танце. Троица в буквальном смысле слова радостью сотворила мир. Из радости Божьей создан мир существ, способных разделить эту радость, о которой пели сотворенные звезды. Даже теперь все сущее неизменно провозглашает славу Божью и, глядя на Него, «воскликает и поет» (Пс 64:12–13). Бог обращается к своему миру с заботой и любовью. Он предан всем элементам своего сотворения, любит и поддерживает его. И хотя зло и грех запятнали этот мир, так что он превратился в бледное подобие истинного, в конце времен природа будет восстановлена во всей красе, и мы вместе с ней. «Сама тварь освобождена будет от рабства тлению в свободу славы детей Божиих» (Рим 8:21). Весь мир будет исцелен после привлечения в полноту славы Божьей. Зло будет уничтожено, а все возможности сотворения, скрытые до того момента, проявятся во всей полноте и красоте. По сравнению с нами будущими, сейчас мы просто растения. Даже деревья будут петь и источать музыку при виде возвращающегося Царя, который своим присутствием неизменно превращает скорбь в танец.

Поскольку все было сотворено по образу и подобию Бога, в равной степени единого и множественного, род человеческий в конце концов опять объединится, однако в обновленном мире наше расовое и культурное разнообразие сохранится. Люди наконец-то смогут жить все вместе в мире и взаимной зависимости. Слава в вышних Богу сопровождается миром на земле.

Христианская жизнь

Как нам реагировать на все это? Когда мы обращаем внимание на масштабы данной сюжетной линии, мы ясно видим, что христианство имеет отношение не только к прощению грехов, чтобы мы попали на небеса. Это важно *средство* спасения Божьего, но не окончательная цель и не намерение. Цель пришествия Иисуса – привести весь мир в порядок, обновить и восстановить сотворение, а не бежать от него. Задача не только в том, чтобы принести в мир личное прощение и покой, но и обеспечить справедливость *ишalom*. Бог сотворил и тело, и душу, и воскресение Иисуса дает понять, что Он намерен искупить и то, и другое. Дело Духа Божьего –

не только спасать души, но и заботиться о земле, ухаживать за материальным миром.

Трудно переоценить уникальность этого видения. Кроме библейского, ни одно значительное религиозное вероучение не дает надежды и даже не проявляет интереса к восстановлению идеального *шалом*, справедливости и целостности в материальном мире. Шриланкийский христианский писатель Винотх Рамачандра отчетливо видит это. Он говорит, что все прочие религии предлагают в качестве спасения некую форму освобождения от обычных человеческих качеств. Спасение рассматривается как побег, освобождение от оков индивидуализма, а также физическое перевоплощение в некоем трансцендентном духовном существовании.

[Библейское] спасение заключается не в бегстве из этого мира, а в преобразении самого мира... Вы не найдете надежды для него ни в какой другой человеческой религии или философии... Библейское видение уникально. Вот почему, когда люди говорят, что спасение есть И в других верах, я спрашиваю: «О каком спасении вы говорите?» Ни одна вера не обещает для мира, самого обычного мира, вечное спасение, которое обеспечивает распятие и воскресение Иисуса¹¹.

В таком случае, что же означает войти в труд Бога на земле? Что значит вести христианскую жизнь? Один из ответов – обращение к жизни Троицы и мира, каким он был сразу после сотворения. Бог создал нас, чтобы мы могли во все большей мере разделять Его радость и удовольствие – так же, как эти радость и удовольствие есть в Нем. Сначала мы радуемся, когда прославляем Его (поклоняемся и служим Ему, а не себе), потом – когда чтим достоинство других людей и служим им, как сотворенным по образу славы Божьей, и наконец, мы бережем производную Его славы в мире природы, также отражающем ее. Мы прославляем Его и радуемся Ему только когда поклоняемся Ему, служим человеческому сообществу и заботимся об окружающей среде.

Но можно взглянуть на христианскую жизнь и под другим углом, сквозь призму окончательного восстановления. Мир и наши сердца полны скверны. Жизнь, смерть и воскресение Иисуса – невероятно дорогая спасательная операция с целью восстановления справедливости для угнетенных и отверженных, физической целостности – для больных и умирающих, общества для изолированных и одиноких, духовной радости и ощущения связи для тех, кто отчужден от Бога. Сегодня быть христианином – значит принимать участие в той же операции, ожидать страданий и трудностей, а также с радостью верить в окончательный успех.

Христиане – истинные «революционеры», которые трудятся ради справедливости и истины

Евангельская история придает смысл нравственному долгу и нашей вере в реальность справедливости, поэтому христиане восстанавливают и распространяют справедливость, где они только могут. Благая весть придает смысл нашей неистребимой религиозности, поэтому христиане евангелизируют мир, указывают путь к прощению и примирению с Богом с помощью Иисуса. Благая весть придает смысл нашему глубокому стремлению к отношениям, поэтому христиане самоотверженно стремятся укрепить сообщества, окружающие их, равно как и христианское сообщество, церковь. Благая весть также придает смысл удовольствию, которое мы испытываем при виде красоты, поэтому христиане распоряжаются материальным миром – как те, кто возделывает сотворенный мир с помощью науки и садоводства, так и те, кто посвящает свое время артистическим стремлениям, прекрасно понимая, почему все это

необходимо для процветания человека. Небеса и деревья поют славу Божью, а мы, заботясь о них и радуясь им, даем свободу их голосам, позволяя восхвалять его и радовать нас. Короче говоря, под христианской жизнью понимается не только укрепление христианской общины путем привлечения внимания людей к вере в Христа, но и построение человеческого сообщества с помощью справедливости и служения.

Значит, христиане – истинные «революционеры», которые трудятся ради справедливости и истины, а также в ожидании совершенного мира, где

отрет Бог всякую слезу с очей их, и смерти не будет уже; ни плача, ни вопля, ни болезни уже не будет; ибо прежнее прошло (Откр 21:4).

И очутившись там, мы скажем: «*Я наконец-то дома! Вот моя истинная земля! Мое место здесь. Эту землю я искал всю жизнь, хотя никогда ее не видел*!» И это будет ни в коем случае не конец истории. В сущности, как выразился К. С. Льюис, все наши прежние приключения станут всего лишь «обложкой и титульным листом». Наконец-то мы откроем «Первую главу в Великой Истории, которую не читал никто в мире: истории, которая длится вечно, и в которой каждая глава лучше, чем предыдущая»^[12]¹².

Примечания

¹Иларий Пиктавийский в трактате «О Троице» (3:1) писал, что каждая ипостась Троицы «взаимно содержит другие, так что каждая постоянно охватывает и является охваченной остальными, которые она также охватывает». См. о Томе Торрансе: Роберт Летам, *Святая Троица: в Священном Писании, истории, богословии и поклонении* (Robert Letham, *The Holy Trinity: In Scripture, History, Theology and Worship*, Presbyterian and Reformed, 2004), с. 265, 373. «Перихорезис» предполагает взаимное движение и взаимное пребывание. «Это вечное движение Любви или общности Любви, которую Святая Троица вечно содержит в себе».

²Корнелиус Плантинга, «Знакомство с миром Божиим: христианская картина веры, учения и жизни» (Cornelius Plan-tinga, *Engaging God's World: A Christian Vision of Faith, Learning and Living*, Eerdmans, 2002).

³К. С. Льюис, *Просто христианство*, глава «Благотворная инфекция».

⁴Учение о Троице имеет глубочайшие последствия, которые рассматривали мыслители нескольких веков. Древняя проблема Одного и Множества сводила с ума философов, начиная от Платона и Аристотеля, заканчивая современностью и постсовременностью. Что важнее – единство или особенности? Следовательно, кто важнее – личность, чем группа, или наоборот? Важны ли универсалии в большей мере, чем частности и контексты, или наоборот? Культурам уже приходилось выбирать между абсолютизмом и релятивизмом, между индивидуализмом и коллективизмом. Но если Бог триедин и в такой же мере един, как и разнообразен, тогда философское учение Троицы не вмещается в отрезок спектра между абсолютизмом и релятивизмом, а его социальная мысль – между коллективизмом и индивидуализмом. Ни личности, ни семьи, ни племена не должны быть наименьшей социальной ячейкой. Ни легализму, ни релятивизму не следует характеризовать нравственную философию. Особенно стимулирующие размышления об обещании в учении о Троице см. в трудах Колина Гантона, особенно *Один, три и много* (Colin Gunton, *The One, the Three and the Many*, Bampton Lectures, Cambridge University Press, 1993), *Триединый Творец: историческое и систематическое исследование* (*The Triune Creator: A Historical and Systematic Study*, Eerdmans, 1998), *Обещание*

учения о Троице (*The Promise of Trinitarian Theology*, T&TClark, 2004).

⁵Рассмотрим заявление Ли Куан Ю, министра-наставника Сингапура, о противоречии, связанном с побиванием палками Майкла Фея в 1994 году. Журналистам из стран Запада он сказал: «Здесь, в Азии, личность для нас – букашка. Для вас – дитя Божие. Удивительные взгляды». Прочитировано у Дэниела Деннета, *Опасная идея Дарвина: эволюция и смысл жизни* (Daniel C. Dennett, *Darwin's Dangerous Idea: Evolution and the Meaning of Life*, 1995), с. 474.

⁶Г. К. Честертон, *Ортодоксия* (G. K. Chesterton, *Orthodoxy*, Dodd, Mead, 1959), с. 245. Прочитировано в: Ринстра, *Намного больше* (Rienstra, *So Much More*), с. 37.

⁷«В таком случае мы видим изображение Бога, любовь которого еще до сотворения была направлена на других... Эта направленность на других всегда была заложена в натуре Бога... Мы – его друзья благодаря любви, существующей внутри Троицы, действующей настолько слаженно, что план искупления, возникший в разуме Божиим в бесконечно далеком прошлом, был приведен в исполнение в нашей пространственно-временной истории как раз вовремя». Д. А. Карсон, «Сложное учение о Божьей любви» (D. A. Carson, *The Difficult Doctrine of the Love of God*, IVP/UK, 2000), с. 44–45.

⁸Джордж Марсден, *Жизнь Джонатана Эдвардса* (George Mars-den, *Jonathan Edwards: A Life*, Yale University Press, 2003), с. 462–463.

⁹Ринстра, *Намного больше*, с. 38.

¹⁰К. С. Льюис, *Боле* (C. S. Lewis, *The Problem of Pain*, Macmillan, 1961), с. 140.

¹¹Винотх Рамачандра, *Скандал с Иисусом* (Vinoth Ramachandra, *The Scandal of Jesus*, IVP, 2001).

¹²К. С. Льюис, *Последняя битва* (C. S. Lewis, *The Last Battle*, Collier, 1970), с. 171, 184.

Эпилог

Что же дальше?

«Знать себя – это в первую очередь знать, чего тебе недостает. Это сопоставление себя с Истиной, а не наоборот». *Фланнери О'Коннор, «Беллетрист и его страна»*

«И тогда сердце Йовин переменилось, или она наконец сама поняла это». *Дж. Р. Р. Толкин, «Возвращение короля»*

Возможно (но вовсе не обязательно), что теперь, когда вы прочли эту книгу, идея христианства кажется вам более убедительной. Может быть, лично вас тронули некоторые описания потребностей нашего мира, вашего положения, служения Христа. Итак, как быть, если вы уже готовы узнать, что значит верить в Христа? Что делать дальше?

Исследование собственных мотивов

Почти всегда мотивация бывает смешанной. Если вы хотите дождаться, когда ваши мотивы станут чистыми и бескорыстными, и лишь потом браться за дело, ждать придется вечно. Важно задать себе вопрос о том, что в первую очередь подталкивает вас к действию, особенно если речь идет о вере. Например, возможно, что вы как раз переживаете период серьезных трудностей и появления новых потребностей. Может быть, вы впервые в жизни остро осознали, что вам необходим Бог и некая духовная помощь, чтобы выстоять. В ваших действиях нет никакой ошибки, но в таком состоянии очень легко прийти к Богу, воспринимая Его как средство для достижения цели. Вы стремитесь к христианству, чтобы служить Богу, или чтобы Бог служил вам? Последнее – своего рода шаманизм, попытка управлять Богом с помощью молитв и обрядов. Это эксплуатация Бога, а не упование на Него.

Нам следует признать, что почти все мы начинаем путешествие к Богу по одной причине: мы чего-то хотим от Него. Вместе с тем мы должны осознать, что обязаны Ему всей жизнью только потому, что Он уже совершил для нас. Он наш Творец, и только за одно это мы обязаны Ему всем. Но Он также является нашим Искупителем, спасшим нас ценой самого Себя. Любая душа, которая пробудилась и образумилась, стремится капитулировать перед тем, кто не только всемогущ, но и уже доказал, что ради нашего блага пожертвует всем.

Как правило, мы отправляемся в путешествие к Богу с мыслью: «Что я должен делать, чтобы добиться от Него того или этого?», – но со временем начинаем думать: «Что я должен делать, чтобы приблизиться к Нему?» Если этого перехода не произошло, встречи с подлинным Богом не будет, все сведется к вере в некую карикатурную версию божества.

Христианин, то есть, буквально, «принадлежащий Христу», – это тот, кто не просто находится под неопределенным влиянием христианского учения, но и всецело предан Иисусу. Христиане понимают однозначность выбора, к которому вынуждает нас грандиозность заявлений Иисуса.

С первых дней существования христианства символом веры христиан был «*Христос Кюриос*» – «Иисус Господь». В исторических условиях, где требовалось считать Господом цезаря, этот символ веры означал, что Иисус обладает высшей властью. Он не просто божественная ангельская сущность, но и, как говорится в раннехристианском гимне, Ему дано «имя выше всякого имени» (Флп 2:9). В Нем «обитает вся полнота Божества телесно» (Кол 2:9).

Это серьезное притязание, и в нем есть определенная логика. Одним из наших современников, заметивших ее, стал вокалист группы U2 Боно. Об этом он сам сказал в разговоре с журналистом Мишка Ассайя:

Ассайя: Христос занимает место в ряду величайших мыслителей мира. Но «Сын Божий» – не слишком ли это надуманно?

Боно: Для меня – нет. Нерелигиозные люди всегда одинаково относятся к истории Христа: мол, Он был великим пророком, явно интересным человеком, но говорил в основном то же самое, что и другие великие пророки – Илия, Мухаммед, Будда, Конфуций. Но на самом деле Христос ничего такого не позволяет и не прощает.

Он говорит: нет, Я не говорю, что Я учитель, не называйте Меня учителем. Я не говорю, что Я пророк. Я говорю: «Я Мессия, Я – воплощение Бога». А люди Ему: нет уж, пожалуйста, будь просто пророком. Пророка мы еще можем принять. Ты же немного чудаковат. А мы спокойно относимся к тому, что Иоанн Креститель питался диким медом и акридами, это мы как-нибудь переживем. Только забудь ты это слово на букву «м»! Иначе нам придется Тебя распять. А Он отвечает: нет-нет, Я же знаю, вы ждете, когда Я вернусь вместе с войском, чтобы избавить вас от всяких мерзавцев, так вот на самом-то деле Я Мессия. Тогда все отводят глаза и вздыхают: Боже мой, опять Он заладил о своем. Так что остается либо принять, что Христос и правда был тем, за кого Себя выдавал, то есть Мессией, либо считать Его психом. Ну, психом вроде Чарльза Мэнсона... Нет, я не шучу. Вот мысль о том, что весь ход цивилизации на более чем половине земного шара изменился, перевернулся с ног на голову из-за какого-то психа, и правда кажется мне надуманной...

Боно говорит о том, как заявления Иисуса о самом Себе вынуждают всех нас принять однозначное решение. Он спрашивает, какова вероятность, чтобы психически больной человек, подобный Чарльзу Мэнсону или Дэвиду Корешу^[13], оказал на своих последователей и на мир в целом такое же влияние, как Иисус. Но если Иисус не был сумасшедшим, нам остается только одно: признать Его притязания и поместить Его в центр своей жизни. Единственное, на что мы не имеем права, – ответить Ему равнодушием.

Фланнери О'Коннор указывает на то же самое в рассказе «Хорошего человека найти нелегко». Изгой – бандит, захвативший семью в сельской местности Юга. Глава семьи, бабушка, пытается уговорить Изгоя не убивать ее, упоминает о молитвах, церкви и Иисусе, но Изгой отвечает:

Иисус... нарушил равновесие. Если Он в самом деле совершил, о чем говорил, нам

ничего не остается, как все бросить и последовать за Ним. Ну а если Он не совершал ничего такого, то нам следует лишь наслаждаться теми малыми мгновениями, что нам выпали, веселиться по полной: убить там человека или спалить его дом, или еще какую-нибудь доставить ему неприятность. Не удовольствие, а неприятность^[14].

Однажды О'Коннор сказала, что в этом разговоре видно, что на самом деле Изгой понимает однозначность последствий появления Иисуса. «Этот рассказ – своего рода дуэль между бабушкой с ее поверхностной верой, и Изгоем, который гораздо глубже ощущает причастность к деяниям Христа, нарушившим равновесие в мире»¹. Сама О'Коннор ощущает это давление. Бесполезно просто твердить, что веришь в Иисуса, если при этом не меняется твоя жизнь и взгляды на все происходящее. «Искупление бессмысленно, пока для него нет причины в реальной жизни, которую мы ведем, – писала она. – Я смотрю на все это с точки зрения христианской ортодоксии. Для меня это значит, что смысл жизни сосредоточен в том, что Христос искупил нас, и все, на что я смотрю в мире, я вижу в связи с этим событием»².

Бесполезно твердить, что веришь в Иисуса, если при этом не меняется твоя жизнь

Боно и О'Коннор – совершенно разные люди, однако оба глубоко прочувствовали кардинальные последствия слов и поступков Иисуса. Христиане – люди, которые дают действительности Иисуса возможность полностью изменить их самих, их взгляды и жизнь.

Вероятно, вызов, брошенный Боно и О'Коннор, заставил вас вздрогнуть. А если вы с возрастающей почтительностью и интересом относитесь к христианству, но еще не готовы к столь серьезной ответственности? У вас может возникнуть ощущение, что от христианской веры вас отделяют непреодолимые препятствия.

Если сейчас вы испытываете именно такие ощущения, не стоит медлить, надеясь, что когда-нибудь ваши чувства изменятся, а препятствия исчезнут сами собой. Составьте список, выявите конкретные причины ваших оговорок. Вот приблизительный перечень вопросов, которые могут помочь вам в этом деле:

Бог, крест, воскресение, – которых вы не понимаете или с которыми вы не согласны?

- Проблемы согласования: возникают ли у вас сомнения и возражения против христианской веры, от которых вы не можете избавиться?

- Проблемы затрат: считаете ли вы, что полное принятие христианской веры может стоить вам того, чем вы дорожите? Чем пугает вас всецелая преданность христианству?

Этим списком можно воспользоваться как ориентиром, чтобы выявить и проанализировать барьеры между вами и всецелой преданностью, но не доверяйте этот процесс самому себе. Почти все – от новых языков до новых навыков – лучше всего усваивать в сообществе других людей, находящихся на разных этапах собственного паломничества. Проведите некоторое время в христианской церкви, посещайте богослужения, дружите с прихожанами, беседуйте с христианами, узнайте, как они сами справились с подобными сомнениями.

И самое главное: помните, что стать христианином – не просто проставить ряд галочек в списке убеждений и поступков. В конце главы 11 Евангелия от Матфея Иисус призывает нас: «Приидите ко Мне, все труждающиеся и обремененные, и Я успокою вас; возьмите иго Мое на себя и научитесь от Меня... ибо иго Мое благо и бремя Мое легко». Один человек как-то сказал духовному пастырю, что был бы счастлив уверовать в Христа, если бы ему назвали всего один безупречный довод в защиту этой истины. Пастырь ответил: «А как же быть с тем, что Бог дал нам не безупречный довод, а безупречную личность?»³ Иисус говорит: «Я и есть эта Личность. Придите ко Мне. Смотрите, каков Я сам. Смотрите на мое распятие. На Мое воскресение. Этого не смог бы выдумать никто! Придите ко Мне, и вы обретете душевный покой».

Абсолютная вера и уверенность растут по мере того, как мы узнаем все больше об Иисусе, о том, кем Он был и что совершил.

Существует еще одно препятствие, которое, по мнению многих, не так трудно преодолеть, как кажется. Среди жителей Нью-Йорка полно людей, которых воспитали и крестили в разных церквях, однако в подростковом возрасте, во время учебы в колледже эти люди отошли от веры и долгие годы не вспоминали о ней. А потом что-то заставило их задуматься, и они вдруг обнаружили, что снова ведут духовный поиск. Они пересматривают основы христианской веры и осознают, что никогда прежде не понимали ее по-настоящему. Ко мне как к пастору они часто обращаются со словами: «Я действительно не знаю, христианин я или нет. Я возвращаюсь к вере или впервые обретаю ее?» Ответ прост: я не могу сказать, но это и не важно. Если вы хотите либо установить, либо восстановить связь с Богом, вам в любом случае придется совершить два поступка. Каких именно?

Сделать первый шаг

Прежде всего вам предстоит покаяться. Это слово звучит не слишком привлекательно, но без него никак не обойтись. Покаяние, с которого начинаются новые взаимоотношения с Богом, – далеко не в первую очередь составление списка конкретных грехов, о которых вы сожалеете и которые хотели бы загладить. Не поймите меня превратно: если вы обираете неимущих или изменяете супругу, вам придется прекратить и то, и другое, чтобы приобщиться к вере в Христа. Христианин должен помогать неимущим и хранить верность брачным клятвам. Но одних этих изменений поведения недостаточно, чтобы превратить вас в христианина. В мире множество людей, строго придерживающихся личной и общественной этики, но не имеющих взаимоотношений с Богом через Иисуса Христа. Покаяние – как минимум сожаление о личных прегрешениях, но вместе с тем оно означает нечто гораздо большее.

Покаяние, которое по-настоящему преображает наши сердца и взаимоотношения с Богом, начинается, когда мы признаем свой главный грех, служащий фундаментом всем прочим прегрешениям – наши поиски спасения в себе. Как мы видели в главах 9 и 10, *и в плохих, и в хороших поступках мы стремимся быть сами себе спасителями и заменой Господа. У нас иные упования и «божества», даже если мы не называем их так. Мы силимся самоутвердиться с помощью своих нравственных достоинств, достижений, семьи или карьеры. Даже старательное посещение церкви и соблюдение религиозных норм может быть причиной для покаяния, если мы поймем, что таким способом стремились сделать своими должниками Бога и других людей.*

Следовательно, покаяние – это признание в том, что мы возлагали свои надежды, строили значимость и уверенность на чем-либо, кроме Бога. Это значит, что мы должны каяться не только в неправильных поступках (таких, как измена или ложь), но и в мотивации, которой обусловлены наши правильные поступки.

Второе, что предстоит сделать, – поверить в Христа. Вера в Христа характеризуется определенным содержанием. Мы должны верить, что Он именно тот, кем называл Себя, что мы нуждаемся в спасении, что на кресте Он обеспечил нам это спасение, а затем воскрес из мертвых. Но если преображающая жизнь христианская вера должна заключаться как минимум в вере во все перечисленное, этим она не ограничивается.

Нас спасает не наша душевная чистота и глубина, а деяния Иисуса Христа

Вера, которая меняет жизнь и создает связь с Богом, лучше всего выражается словом «упование». Представьте, что вы находитесь высоко на скале, теряете опору и начинаете падать. Рядом обнаруживается ветка, торчащая на самом краю пропасти. Эта ветка – ваша единственная надежда, она более чем прочна, чтобы выдержать ваш вес. Как она может спасти вас? Если вы будете твердо верить, что ветка выдержит вас, но не протянете руку и не схватитесь за нее, вы пропали. Если вас будут переполнять неуверенность и сомнения в том, что ветка вас выдержит, но вы все-таки протянете руку и схватитесь за нее, вы спасены. Почему? Потому что на самом деле вас спасает не сила вашей веры, а ее объект. Сильная вера при непрочности ветки несравнимо хуже слабой веры в ветку прочную.

Это означает, что для веры в Христа вам незачем ждать, когда развеются все сомнения и опасения. Не впадайте в ошибку, считая, что вы должны справиться с каждым из них, чтобы прийти к Богу. Подобные попытки превратят вашу веру в еще одну разновидность стремления стать самому себе спасителем. Работа над качеством и чистотой своих обязательств воспринимается как способ заслужить спасение и сделать Бога своим должником. Но нас спасает не наша душевная чистота и глубина, а деяния Иисуса Христа ради нашего блага.

Следовательно, вера начинается, когда мы понимаем это, отвергаем свои альтернативные упования и божков и обращаемся вместо них к Отцу, желая поддерживать отношения с Ним на основании деяний Иисуса, а не наших нравственных усилий или достижений. Так совершили первый шаг к вере несколько моих знакомых, зрелых людей. Они молились:

Отец, я всегда верил в Тебя и в Иисуса Христа, но душой я уповал прежде всего на собственную компетентность и добропорядочность. И это не принесло мне ничего, кроме неприятностей. Насколько я знаю собственное сердце, сегодня я вверяю его Тебе, возлагаю на Тебя мои упования, прошу принять и признать меня не ради моих дел, а потому, что совершил Христос ради меня.

Так начинается процесс длиной в жизнь, в ходе которого посредством неуклонных изменений во всех сферах жизни благая весть все заметнее формирует и определяет нас.

Преданность сообществу

Когда меня спрашивают: «Как можно по-настоящему стать христианином?», – я обычно отвечаю: «Требуется две вещи. И еще одна, третья». О двух – покаянии и вере – я только что рассказал. Но есть еще один решающий аспект. В таком случае почему бы не сказать сразу, что их должно быть три? Но я предпочитаю говорить «две и третья», потому что последняя, в сущности, – способ достижения первых двух.

Превращение в христианина всегда связано и с личным, и с коллективным аспектом. В западной культуре люди недооценивают степень, в которой они являются продуктом не своего личного выбора, а влияния родных, сообществ, культуры в целом. Следовательно, покаяния и вера должны быть как индивидуальными, так и общественными. Мы осуществляем их, когда лично приближаемся к Богу в молитве (как в предыдущих примерах), а также когда публично идентифицируем себя с Христом, становясь частью церкви.

В Евангелии от Луки говорится, что Иисуса распяли между двумя злодеями, также приговоренными к казни. Один из них злословил Иисуса, но второй сказал первому: «Мы осуждены справедливо, потому что достойное по делам нашим приняли; а Он ничего дурного не сделал». Учитывая обстоятельства, это было удивительное понимание. Злодей понял, что Иисус ни в чем не повинен и умирает за виновных. Потом он повернулся и попросил Иисуса: «Помяни меня, Господи, когда приидешь в Царствие Твое!» Он возлагал все свои надежды на Иисуса, уповал на Того, кто должен был принести будущее царство, новые небеса и новую землю. Как только он вверил себя Христу, Тот успокоил его: «Истинно говорю тебе, ныне же будешь со Мною в раю» (Лк 23:41–43).

Я рассказываю об этом потому, что данный эпизод проясняет: человек может удостовериться в принадлежности к Христу в тот же момент, как он лично вступит в общение с Богом. Тем не менее все в Новом Завете указывает на то, что христиане должны подтверждать и скреплять свое личное обязательство публичным, общественным деянием крещения, становясь частью церкви. Сердцу не прикажешь, поэтому чтобы удостовериться, что мы возлагаем сердечные упования на Иисуса, а не на что-нибудь другое, мы должны довести дело до конца и присоединиться к общине верующих.

Мне известно, что основная проблема, возникающая у множества людей с христианством, имеет отношение скорее к церкви, нежели к Иисусу. Они не хотят, чтобы им объясняли: чтобы стать христианином и вести подобающую христианину жизнь, им следует найти церковь, в которой они смогут процветать. С церквями у них связан слишком большой негативный опыт. Я прекрасно понимаю их. Я готов допустить, что в массе воцерковленные люди могут быть слабее в психологическом и нравственном отношении, чем невоцерковленные. Нет ничего удивительного в том факте, что пациенты, ждущие своей очереди в приемной врача, в целом менее здоровы, чем те люди, которых там нет. Церкви недаром привлекают много нуждающихся. Но кроме них, церкви посещает множество людей, жизнь которых полностью преобразилась и наполнилась радостью Христа.

Нельзя вести христианскую жизнь, не имея друзей-христиан, обширной семьи верующих

Следовательно, церковь Иисуса Христа подобна океану, она безбрежна и многообразна. Как и в океане, в ней есть теплые и чистые, а также ледяные пятна, места, где в воду можно войти без опасений, и места, где вас немедленно подхватит и погубит течение. Я отдаю себе отчет в том, как рискованно объяснять моим читателям, что им следует стремиться в церковь. Я

призываю их к этому после тщательного обдумывания и советую действовать с максимальной осторожностью. Но альтернативы нет. Нельзя вести христианскую жизнь, не имея друзей-христиан, обширной семьи верующих, в которой найдется место и вам.

Травма благодати

Когда люди спрашивают: «Как мне стать христианином?», – очень важно дать конкретный ответ. Вместе с тем возникает опасность создать впечатление, что поиски Бога – по сути дела методика, действия, которые в основном совершаем мы сами. Разумеется, мы должны проявлять значительную активность в поисках Бога, сам Иисус призывал нас спрашивать, искать и стучать, чтобы мы обрели Его. Однако те, кто вступил во взаимоотношения с Богом, оглядываются назад и понимают, что благодать Божья отыскала их, открыла для новой действительности. Хотя мы не ожидаем ничего подобного, каким-то образом в действительность нашей падшей природы прорывается совершенная Божья благодать. Мы сознаем, что сами наши усилия быть хорошими, счастливыми и настоящими представляют собой часть проблемы. Смысл происходящего доходит до нас, мы видим его в совсем ином свете, но не понимаем, как это получается. Я мог бы показать это на примере сотен биографий известных духовных личностей – апостола Павла, блаженного Августина, Мартина Лютера, Джона Уэсли, а также на примере тысяч свидетельств моих прихожан о том, как преобразилась их жизнь. Но мой излюбленный пример травмы благодати – тот, который Фланнери О'Коннор описала в рассказе «Откровение».

Он начинается в приемной врача, где миссис Терпин и ее муж Клод вместе с другими пациентами ждут своей очереди. Все это время миссис Терпин разглядывает и оценивает соседей и чувствует свое превосходство по сравнению с буквально всеми присутствующими, к каким бы расам, классам, типам телосложения и темпераментам они ни относились. Ее самодовольство и лицемерие показаны ярко и вместе с тем очень правдоподобно. О'Коннор с присущим ей писательским мастерством изображает, как миссис Терпин мысленно оценивает и осуждает окружающих, и ход ее мысли кажется читателю до боли знакомым.

Миссис Терпин заводит разговор с соседкой, которая пришла на прием с дочерью по имени Мэри-Грейс, в ожидании читающей книгу. В разговоре всплывает непомерное самодовольство миссис Терпин и ее покровительственное отношение к окружающим. Мэри-Грейс молчит, но, слушая болтовню соседки, морщится и гримасничает. Наконец миссис Терпин восклицает:

Если что и есть во мне, так это благодарность. Как подумаю, кем я могла стать, если бы не была собой, как вспомню обо всем, что мне досталось, так и хочется кричать: «Спасибо тебе, Иисус, за то, что все устроил так, как есть!» А ведь все могло быть иначе!... Ах, Иисус, спасибо, спасибо!

В этот момент Мэри-Грейс взрывается. Швырнув свою книгу (под названием «Развитие человека») в миссис Терпин, она попадает ей в глаз, налетает на стол, хватая соседку за горло и начинает душить. Затем у Мэри-Грейс начинается эпилептический припадок, и пока ее пытаются усмирить, ошеломленная миссис Терпин склоняется над ней: «Что ты должна мне сказать? – хрипло спросила она и затаила дыхание, словно в ожидании откровения». С одной стороны, она требует извинений, а с другой начинает понимать, что эта девчонка – вестница Божьей благодати. Мэри-Грейс поднимает голову и выпаливает: «Отправляйся в ад, откуда явилась, старая свинья!»

Откровение попало в цель, но миссис Терпин еще предстояло изменить свои взгляды в соответствии с ним. Позднее в тот же день она остается в собственном свинарнике наедине с мыслями. «С какой стати Ты послал мне такую весть? – ворчит она на Бога. – Как это я могу быть и свиньей, и самой собой? Как так вышло, что я и спасена, и явилась из ада?» За несколько веков до этого Мартин Лютер не менее травмирующим способом узнал, что Бог спасает благодатью, а не за добрые дела. Он осознал, что христианин – *simul imtus et*

peccator, одновременно оправдан и принят (во Христе, одной благодатью), и в то же время является *peccator* – грешником. Можно быть и спасенной душой, и свиньей из ада одновременно.

Можно быть и спасенной душой, и свиньей из ада одновременно

Однако миссис Терпин, подобно Мартину Лютеру, поначалу противится откровению Божьей благодати. «Почему я? – не унималась она. – Да в округе не сыщешь ни белой, ни черной рвани, которой я бы не подавала. И каждый день на работе пласталась так, что чуть хребет себе не ломала. И в церковь ходила. А ежели Тебе рвань больше по душе, так найди себе рвань... Это как же получается, что я ничем не лучше их?.. Я ведь тоже могла бы сидеть сложа руки, не надрываться и зарастать грязью, – не переставала брюзжать она. – Шататься по улицам день-деньской и надуваться пивом. Да табак жевать, да плевать в каждую лужу, и чтобы все лицо было в табачной жвачке. Ведь и я могла быть гадкой». И наконец, сотрясаясь в последнем приливе ярости, она кричит Богу: «Что это Ты о Себе возомнил?»

В этот момент солнце садится, и миссис Терпин видит в небе пурпурную полосу.

Призрачный свет коснулся ее глаз. Она увидела... огромный подвесной мост, протянувшийся вверх от земли через поле пылающего огня. По мосту на небеса медленно тащились несметные полчища душ. Там были целые роты... рвани, батальоны чудаков и помешанных, кричащих, хлопающих в ладоши И скачущих подобно лягушкам. А замыкало шествие племя, в котором она сразу признала тех, кто, подобно ей И Клоду, всегда мало что имел, зато верно распоряжался своим имуществом благодаря уму, дарованному Богом... Эти шагали позади остальных с большим достоинством, как всегда, помня о полном порядке, здравомыслии И почтенном поведении. Только они одни шли слаженно. Но она видела по их потрясенным И переменившимся лицам, что сгорают даже их добродетели... Прошел миг, и видение померкло... В лесу вокруг нее запел невидимый хор сверчков, но она не слышала ничего, кроме голосов душ, которые поднимались наверх, в усыпанное звездами небо, и кричали «аллилуйя»⁴.

Неслыханно! «Чудаки и помешанные» попадают на небеса раньше, чем морально стойкие люди? Но Иисус имел в виду то же самое, объявляя потрясенным религиозным лидерам своего времен: «Истинно говорю вам, что мытари и блудницы вперед вас идут в Царствие Божие» (Мф 21:31).

* * *

Как быть, если вы дочитали эту книгу до конца, пожелали, чтобы у вас была вера, и все-таки у вас ее нет? Писатель Джозеф Эпстайн однажды признался, что завидует обладателям разумной, глубокой веры, способной поддержать их даже в самые тяжкие времена. В особенности он изумлялся тому, как христианская вера помогла Фланнери О'Коннор не утратить стойкости, не роптать и не страшиться смерти, которая слишком рано настигла ее, больную волчанкой. Однако он заключает: «Увы, зависть, вызванная верой, – все-таки зависть, которую остается лишь молча носить в себе»⁵. Я высоко ценю почтительное отношение Эпстайна к таинству веры. Невозможно создать ее в себе с помощью специальных методик. Но неужели ничего нельзя поделать?

В самый мрачный период своей жизни одна из моих прихожанок сетовала, что не перестает молить: «Боже, помоги мне обрести Тебя», но ничего не может этим добиться. Один из друзей-христиан посоветовал ей изменить молитву: «Боже, приди и найди меня. Ведь Ты же добрый Пастырь, который ищет заблудившихся овец». Разговор со мной прихожанка закончила так: «Я рассказываю вам все это только по одной причине: Он меня нашел».

Примечания

¹*Письмо к мистеру* (Flannery O'Connor, *Collected Works*, Library of America, 1988). с. 1148.

²«Беллетрист и его страна» (Flannery O'Connor, "The Fiction Writer and his Country," *Collected Works*, Library of America, 1988), с. 804–805.

³Из проповеди Лика Лукаса по главе 11 Евангелия от Матфея.

⁴Цитаты из Откровения приведены в книге Фланнери О'Коннор (Penguin, 1983).

⁵Джозеф Эпстайн, *Зеленоглазое чудовище: зависти не позавидуешь*, (Joseph Epstein, *The Green Eyed Monster: Envy Is Nothing to Be Jealous Of*, Washington Monthly, July/August 2003

Благодарности

Я хочу поблагодарить всех прихожан и лидеров пресвитерианской церкви Искупителя, в особенности множество вопрошающих и жаждущих, а также критиков, с которыми я познакомился за многие годы. Эта книга – не что иное, как записи обо всем, чему я у них научился. Спасибо Джилл Ламар за постоянное ободрение и поддержку в литературной работе. Спасибо также прекрасному агенту Дэвиду Маккормику, потрясающему редактору Брайану Тарту, Натаниэлу Кэлхуну, Дженнифер Сэмюэлс, Дэвиду Негрину, Линн Лэнд, Джиму и Сюзи Лейн, Дженис Уорт и Николь Даймонд-Остин, участницам клуба *Round Robini* их супругам, а также моим трем сыновьям – Дэвиду, Майклу и Джонатану – за столь существенную поддержку и множество отличных предложений на протяжении последних четырех лет, пока я писал эту книгу.

Я глубоко признателен тем троем, кто способствовал фундаментальному формированию моей христианской веры, и считаю, что я в неоплатном долгу перед ними. Эти трое – моя жена Кэти, британский писатель К. С. Льюис, и американский богослов Джонатан Эдвардс.

Слова Льюиса процитированы почти в каждой главе. Нельзя не признать, что из моих мыслей о вере многие исходят от него. Эдвардса я цитирую реже, поскольку он внес свой вклад в скрытую структуру моего «богословия». Тем не менее мысли Льюиса и Эдвардса в этой книге самым удивительным образом сочетаются и сходятся. Например, глава 13, посвященная танцу Бога, была написана под влиянием обоих авторов сразу.

Имя моей жены Кэти ни разу не упоминается в примечаниях, но при этом она – главный «автор» веры и мысли автора *этой* книги. Кэти обратила мое внимание на богословские концепции Льюиса, Эдвардса и протестантизма, на важность молитвы, социальной справедливости и больших городов. Когда опираешься на чьи-то представления о мире и жизни, имя этого человека обычно упоминаешь в разделе благодарностей, а не примечаний. Я решил опубликовать эту книгу главным образом потому, что она нравится Кэти. «Хвала от того, кто сам ее достоин, – высшая награда».

Об авторе

Тимоти Келлер родился и вырос в Пенсильвании, получил образование в университете Бакнелла, богословской семинарии Гордона-Конуэлла и Вестминстерской богословской семинарии. Но гораздо больше опыта он приобрел за последние девять лет, служа пастором Пресвитерианской церкви в небольшом городе Хоупвелл, Виргиния, где живут преимущественно люди, занятые физическим трудом. Прихожане полюбили его, вместе с ним выдержали испытания первых дней пасторства и приучили слишком образованного умника-северянина выражаться *ясно*. Второй церковью Келлера стала пресвитерианская церковь Искупителя в Манхэттене, где он приступил к работе в 1989 году. Поддержку в этой работе ему оказывали жена Кэти и трое маленьких сыновей. Сегодня на ежедневных службах в церкви Искупителя собирается в общей сложности шесть тысяч человек, у церкви появились свои приходы, в том числе в крупнейших городах всего мира.

Августин Гиппонский 232, 248, 296, 307, 403

Авраам 156, 157

Агриппа 195

Адам 377, 378

Александр 193, 194

Амос, пророк 137

Антиох Епифан 78

Апдайк, Джон 247

Аристотель 386

Ассайя, Мишка 391

Атран, Скотт 250

Барбур, Иен *173, 185*
Барретт, Джастин *261*
Барт, Карл *128*
Беккер, Эрнест *293, 308*
Белла, Роберт *146*
Бергер, Питер *33, 46, 47, 48, 176*
Бернстайн, Леонард *245, 246, 247*
Берри, Уэнделл *54*
Бетховен, Людвиг ван *245, 247*
Бокэм, Ричард *193, 199, 202, 203, 215, 217*
Боно *391, 392, 394*
Бонхеффер, Дитрих *139, 140, 335, 336, 337, 338, 348*
Браун, Венди *65*
Браун, Дэн *196, 197, 203, 204*
Брукс, Дэвид *67*
Бультман, Рудольф *217*
Бухина О. *385*

Валенса, Лех138

Ван Бьем, Дэвид203, 204

Вейль, Симона298, 368Венсайд, Ян203Вестфаль, Мерольд127, 142Визелтьер,

Леон254Вольф, Мирослав152, 153, 154, 155

Вулмен, Джон134Г

Гайта, Раймонд278Гамлет228Ганди, Махатма329Гаррет, Линн204Герберт,

Джордж368Гермес362Гингерих, Оуэн185Гитлер, Адольф139, 335Голдмен, Эмма90Голубицкий

С.393Гопник, Адам195, 216Григорьева Н.88Грушецкий В.88Грэм, Билли50, 51Гулд, Стивен

Джей91, 176Гурова И.311Гюго, Виктор325

Даймонд-Остин, Николь 62, 409

Данто, Артур К. 245, 246

Дарвин, Чарльз 167, 186, 227, 253

Дворкин, Рональд 274, 275, 279

Девора 180

Делориэн, Джон 100

Дельбанко, Эндрю 290

Деннет, Дэниел 52, 62, 167, 222, 225, 249, 253, 254

Деррида, Жак 13

Дершовитц, Алан 273, 274, 275, 279

Джейкобс, Алан 165

Джонсон, Сэмюэл 352

Джонстон, Джордж Сим 212

Диллард, Энни 279, 280

Докинз, Ричард 62, 167, 168, 171, 172, 173, 174, 175, 176, 177, 178, 222, 225, 226, 227, 233, 242, 250, 251, 253, 261, 262

Достоевский Ф. М. 85, 88, 286

Eva377

Зевс362Зигель X.64, 233

Иеремия, пророк *127*

Иглтон, Терри *225* Иисус Христос *29, 31, 38, 50, 58, 59, 60, 61, 62, 78, 79, 80, 81, 82, 84, 87, 98, 99, 110, 111, 126, 127, 128, 129, 130, 133, 134, 137, 138, 139, 156, 168, 182, 183, 187, 188, 189, 190, 191, 192, 193, 194, 195, 196, 197, 198, 199, 200, 201, 202, 203, 204, 208, 210, 211, 212, 213, 214, 215, 221, 231, 305, 306, 307, 311, 312, 315, 319, 320, 322, 323, 324, 327, 329, 330, 336, 337, 338, 341, 342, 343, 344, 348, 349, 352, 353, 354, 355, 356, 357, 359, 360, 361, 362, 363, 364, 365, 366, 368, 369, 373, 378, 379, 380, 382, 383, 384, 385, 389, 391, 393, 394, 395, 396, 397, 398, 399, 400, 401, 402, 405, 406*

Иларий Пиктавийский *386*

Иоанн Богослов *83, 369*

Иоанн Креститель *392*

Иоанн Павел III *84*

Иосиф, сын Иакова *73*

Иринеи Лионский *196*

Исайя, пророк *127, 128, 380*

Кальвин, Джон *130, 142*
Камю, Альбер *82*
Кант, Иммануил *104*
Карсон, Дон *88, 142*
Картер, Стивен *53*
Кинг, Мартин Лютер *136, 137, 140*
Коган Н. *325*
Коллинз, Фрэнсис *172, 239, 241*
Константин Великий *196, 197*
Кореш, Дэвид *392*
Крифт, Питер *78*
Кьеркегор, Серен *291, 292, 294, 296, 305, 308, 316*
Кэгни, Джеймс *345*
Кэлхун, Натаниэл *409*

Лавлейс, Ричард 317, 318

Лазарь 156, 157

Ламар, Джил 410

Ларсон, Эдвард 174

Латимер, Хью 79

Лейн, Билл 80

Лейн, Джим 409

Лейн, Сюзи 409

Лесли, Джон 243

Леуба, Джеймс 174

Лефф, Артур 276, 277, 278, 279

Лившиц Д 325

Лилла, Марк 50, 51, 117, 118

Лорие М. 237

Лука, евангелист 193

Льюис К. С. 30, 68, 75, 76, 85, 92, 108, 110, 116, 147, 148, 149, 158, 159, 160, 165, 200, 201, 202, 212, 228, 229, 257, 260, 304, 305, 333, 357, 373, 385, 409, 410

Лэнд, Линн 409

Лютер, Мартин 403, 405

Маггеридж, Малькольм329
Мадонна100
Макграт, Алистер40, 124, 175, 176, 185
Макдональд, Джордж88
Макинтайр, Аласдэр20
Маккавей78, 79
Макки Дж. Л.71, 86, 87
Маккормик, Дэвид409
Маккуари, Джон169, 170
Мария Магдалина203
Марк, евангелист193, 194
Маркс, Карл127, 139, 140, 142, 154, 366
Марсден, Джордж375
Мейер, Джон217
Миллер, Артур281
Милош, Чеслав154, 155
Моисей157
Мольтман, Юрген88
Моэм, Сомерсет237
Мэнсон, Чарльз392

Найджел, Томас *177, 224, 225, 251, 252, 254*

Наполеон *213*

Нибур, Райнхольд *102*

Ницше, Фридрих *92, 276, 278, 366*

Негрин, Дэвид *409*

Нолл, Марк *143*

О'Брайен, Пэт345

Оден, Томас295

Оди, Роберт51

О'Коннор, Фланнери315, 344, 389, 393, 394, 403, 407

Олстон, Уильям184

Павел, апостол *102, 110, 193, 194, 195, 196, 304, 354, 355, 357, 363, 403*

Паскаль, Блез *363*

Пек, М. Скотт *90, 111*

Перри, Майкл Дж. *56, 67, 273, 275, 276*

Петр, апостол *199, 201, 208*

Пипперт, Бекки *151*

Плантинга, Элвин *47, 48, 72, 76, 87, 166, 169, 184, 238, 239, 242, 253, 258, 262*

Платон *386*

Попелушко, Ежи *138*

Протопопов А. *167*

Райс, Энн *189, 190*

Райт, Николас Томас *217, 260, 342, 352, 356, 357, 358, 361, 364, 366*

Рамачандра, Винотх *382*

Рассел, Бертран *244*

Репперт, Виктор *232*

Ридли, Николас *79*

Робертсон, Пэт *21, 114*

Ролан, Жанна *124*

Ромеро, Оскар *138*

Рорти, Ричард *52, 56*

Роулз, Джон *51, 56*

Руф *193, 194*

Рэмзи, Пол *310*

Саган, Франсуаза108
Саннех, Ламин98, 114, 115
Сартр, Жан-Поль237, 276, 286
Сингер, Питер52
Смит, Кристиан33, 173, 267
Соммер вилл, С. Джон49, 130, 131, 132
Стайнке, Дарси298
Старк, Родни133, 135, 185
Стивенсон Р.Л.311, 312, 314
Стиллмен, Уит263
Стотт, Джон341, 342
Суинберн, Ричард227
Сумм Л. Б.94
Сэйерс, Дороти299
Сэмюэлс, Дженнифер409

Тарт, Брайан *409*
Тейлор, Барбара Браун *289*
Тейлор, Винсент *204*
Темперли, Ховард *135*
Террел, Джоанн *341, 350*
Толкин Дж– Р. Р. *149, 389*
Толстой, Лев *351*
Торранс, Томас *386*
Трайверс, Роберт *261*
Трауберг Н. *300*
Туту, Десмонд *137*

Уилберфорс, Уильям *134, 137*

Уилсон, Дэвид Слоан *249*

Уилсон Э. О. *52*

Уитерингтон, Бен *214*

Уитхем, Ларри *174*

Уоллс, Эндрю *103, 115*

Уоррен, Рик *144, 145, 160*

Уорт, Дженис *409*

Уэллс, Г. Дж. *288*

Уэсли, Джон *403*

Фей, Майкл387

Фиш, Стенли12, 65, 112

Флюер-Лоббан, Кэролин271,272, 273

Фолуэлл, Джерри114

Фома, апостол31

Фома Аквинский232

Фрейд, Зигмунд93, 366

Фуко, Мишель92, 93, 113, 302

Фут, Филиппа276

Хабермас, Юрген273

Хаймел, Синтия298, 299

Харви, Ван184

Харрис, Сэм21, 62,167, 171,222, 225, 240, 253

Хениг, Робин Маратнц249

Хик, Джон48, 64

Хиршмен, Линда66, 67

Хитченс, Кристофер62,122, 123, 222

Ховард-Снайдер, Дэниел86, 87

Хокинг, Стивен239, 241

Чеппел, Дэвид *136*

Череватая И. *141*

Черчленд, Патрисия *251*

Честертон Г. К. *93*

Шекспир, Уильям 228

Эдвардс, Джонатан *87, 300, 374, 375, 409, 410*

Эпикур *86*

Эпстайн, Джозеф *406*

Ю Ли Куан387

Юм, Дэвид86, 244

Американская религиозная секта, трагически завершившая свое существование в 1993 году, когда в поместье «Маунт Кармел» (Уэйко, Техас, США) погибло 79 ее членов. –Прим. ред.

Здесь и далее «Просто христианство» К. С. Льюиса цитируется по переводу И.Череватой.
—Прим. пер.

Перевод Л. Б. Сумм. –Прим. пер.

Перевод А. Протопопова.

В 2010 году Энн Райс объявила о том, что перестает быть христианкой. —Прим. ред.

Перевод М.Лорис. –Прим. пер.

Перевод Ю. Яхниной. –Прим. пер.

Перевод Н. Трауберг.

Здесь и далее «Странная история доктора Джекила и мистера Хайда» в переводе И. Гуровой.

Перевод Д. Лившиц, Н. Коган.

Флп 2:6-11. –Прим. ред.

Перевод О. Бухиной.

Чарльз Мэнсон – серийный убийца, Дэвид Кореш – лидер секты «Ветвь Давидова». –Прим.
пер.

Перевод С. Голубицкого.